

A. 26.

Здесь, что всем
спасено было

Annotation

Политически выгодный брак принца дроу и целительницы обещает стать гармоничным союзом равных. Они будут счастливы.

Или все же — нет?

Предупреждения: горячая эротика и ледяная ненависть. Главный герой — циничный мудака. Но умный циничный мудака.

Глава 1

Ночь мертвых всегда особенно темна.

Запеченная тыква, приправленная кардамоном и медом. Пшенная каша, щедро сдобренная сливочным маслом, молоко в высоких глиняных кувшинах с нарисованными на них черными и зелеными птицами.

Свечи, согревающие усопших и указывающие им путь. Полуистлевшие листья крошатся под шагами мертвых ног — я слышу это.

Я сама раскатывала воск и вкладывала вощенные фитили. Добавляла перетертые в пыль листья ежевики.

— Матушка, что-то не так?

В последние дни моя самая близкая слишком часто смотрела на меня с нежностью и грустью, и это очень волновало.

— Нет, что ты, — леди Сиенна нежно коснулась моей щеки кончиками пальцев. — Все хорошо.

Ложь. И мы обе знаем это.

Белая мука для выпечки ритуального хлеба напоминает холодное слепое небо с плывущим по нему бледным Солнцем яичного желтка.

Щепотка соли. Светло-коричневые дрожжи.

Тмин рассыпается по идеально выскобленной дубовой столешнице, а матушка, которая мяла в это время тугое, плотное тесто, не заметила даже. А ведь раньше всегда столь безупречная жрица Мудрейшей не терпела беспорядка. Леди Сиенна вся — спокойствие, и кажется, даже шелковые нити вышивки не смели путаться, дабы не огорчать ее.

Глупые мысли. Зачем они сейчас?

Я прижалась щекой к плечу матушки, обняв ее и вдохнув такой родной аромат лемонграсса.

Леди Сиенна, слегка нахмурившись, собрала просыпавшиеся семена и украсила хлеб, готовый к отправлению в печь, и обернулась ко мне.

— Ты хочешь стать супругой Аларика, родная?

Глубокий вздох.

— Если бы я сама знала ответ.

Нет смысла скрывать свое смущение от матушки.

Принц дроу появился в моей жизни осенней порой, с волглыми туманными рассветами и горьким дымом можжевельных костров.

Вот началось в тот день, когда ван Альберт, правитель мира магов, давал пышный прием по случаю рождения наследника.

Темные волосы ванны Камиллы украшены листьями боярышника, дабы укрепить энергетику молодой матери, а взгляд ее медовых глаз светел.

Во всем её существе видна тихая гордость, когда супруг, ничуть не стесняясь пересудов, касается губами её руки.

Шорох серебристой парчи платья. От легкого дыхания колеблется муслин, что укрывает колыбель ее сына. Невзирая на мягкость черт правительницы, я совершенно не сомневаюсь: коснись кто хоть недоброй мыслью ее ребенка — уничтожит. Без всякой жалости.

Почтительные пожелания долгого пути. Гармонии. Малыш глядит неожиданно серьезно

и ведет себя крайне сдержанно. Глаза очень светлые, прозрачные почти. Саэн полиморф — то есть, войдя в возраст, сможет принимать облик различных людей и животных. Маги рады подобному течению событий, ведь наследник, наделенный столь сильным даром — явный знак благоволения Сероглазой Змеи.

Любуясь ванни, я не сразу замечаю, что за столиком для игры в шахматы мой отец беседует о чем-то с Альбертом.

Мерцает перламутр инкрустаций — гончие идут по следу вепря. Догонят ли?

Король в сухим каким-то стуком становится на черную клетку. Возможно, ему хотелось бы изменить рисунок привычных путей, но...

Отец сжал губы — недоволен. Чем?

Мне же мое темно-вишневое цвета платье из тонкой шерсти кажется чересчур открытым — пусть и фасон более чем строгий. Просто... Уж слишком остро ощущаю я чужие взгляды, чужую энергию.

Отсветы гранатового сока на моей бледной ладони. Сидеть ровно, сохраняя идеальную осанку.

Всегда помнить о том, что сила — это достоинство и ответственность.

Матушка, сидящая рядом, лакомится миндальным пирожным.

И все бы хорошо, но отец приносит весть о приглашении на личную аудиенцию вана.

— Но что случилось? С чем это связано? — спрашиваю я.

Леди Сиенна и сэр Томас молча переглянулись. Им вообще зачастую не нужно было слов, чтобы понять друг друга.

— Пока не знаю, родная, — покачал головой отец.

Он отодвинул тарелку, и костяной фарфор едва слышно звякнул.

— Гадость редкая этот голубой сыр.

Тут я с ним полностью была солидарна.

Старинное зеркало в личных покоях вана будто покрыто россыпью янтарных веснушек — как и кожа Альберта. Пальцы медленно касаются бронзовой рамы.

Не стоит обманываться тонкокостью правителя. Он обладал сильнейшим и поистине, уж если говорить откровенно, жестоким даром — поглощать чужие способности, и весьма эффективно умел это дар использовать.

Следуя приглашению, мы чинно сели в обитые сливового цвета бархатом кресла, ван же, вздохнув, вольно расположился в своем портшезе, а ноги его в сапогах из тонко выделанной коричневой кожи покоились на столе.

Светло-зеленые глаза сощурились, оглядывая меня, матушку, отца.

— Итак. Я хотел бы сразу перейти к делу.

Возражений не последовало. Удовлетворенно кивнув, Альберт продолжил.

— Несколько дней назад я говорил с Алариком из Дома Астис, принцем дроу. Замечу, что встреча состоялась исключительно по его инициативе.

Глоток грушевого вина.

— Он просит руки Лидии.

Отец, сидящий слева от меня, сжал челюсти так сильно, что желваки выделились.

— Он осознает, что подобную драгоценность получить ему будет очень нелегко?

— Конечно же, — сказал Альберт. — Причем, вот знаете, что наиболее любопытное?

Ван — кажется, желая неким образом отвлечься от разговора, утаивая что-то — указал на яства, сервированные за небольшим триклинием светлого дерева.

— Угощайтесь корзиночками с теплым ревенем. Исключительно они хороши.

От еды все покуда отказались, учитывая важность обсуждаемой темы. Я смотрела на гибкие ивовые ветви, изображениями которых было расписано блюдо — и это удивительным образом помогало мне сохранять спокойствие.

— Так вот. Темный ясно дал понять, что желает жениться только на нашей девочке.

— А как же этот... Аларик узнал о нашей девочке? — густой бас моего отца выражал недовольство, которое он и не думал скрывать. Одному из сильнейших боевых магов дозволены некие вольности.

На коротко стриженных темно-рыжих волосах Альберта — венец из золота, и рубины мерцают хищно.

— Понятия не имею. Аларик весьма талантливо ушел от ответа. Сказал, что просит лишь шанс.

Матушка иронично приподняла бровь, но высказывать свое мнение не спешила, глядя на меня.

Ну что же, если у нас откровенный разговор.

— Ван Альберт, дроу в курсе, что... по некоторым причинам иной раз я пью женское молоко из естественного, назовем это так, сосуда?

Кормление.

Змеи любят молоко.

Это просто данность.

— А они пьют кровь.

Пьют кровь. Весьма обнадеживает.

Альберт смежил веки — и лицо его на мгновение стало застывшей золотой маской.

— Кровь, молоко — велика ли разница?

Что же, это верно. У каждого свое служение. Но зачем отнимают жизнь эти сумасшедшие итилири?

На небе, что видно сквозь стрельчатое высокое окно за спиной Альберта — острый серп молодого месяца. Изгибается хищно, кутается в зеленую хмарь. И кажется, что ван, сцепивший руки на затылке, почти поймал его.

Не изранит ли пальцы?

— Принц может быть опасен? — сэр Томас внешне спокоен совершенно.

Полукруглый шрам немного ниже запястья отца.

Потемневшие, почти в черноту, глаза матушки.

Они — твердь земная, моя опора. И вода, что питает меня.

— О, несомненно, — протянул Альберт. — Но у итилири и так хватает врагов.

Вино в моем бокале разбавлено тишиной, тягучей, словно мед. Но я хотела узнать больше.

— Ван, — обратилась я к правителю, глядя в его глаза, — возможно, вы могли бы еще что-то рассказать нам об этом дроу?

Альберт склонил голову к плечу и улыбнулся едва заметно.

— Ну что же. Владеет собой прекрасно. Очень неглуп — он ни разу не попытался даже угрожать мне. Хотя, откровенно говоря, мог бы. А тот факт, что белые орки обещают открыть тайну своего отвара из двадцати семи трав тому, кто принесет им голову Темного принца, весьма лестно характеризует Аларика как воина.

Родители были удивлены не меньше моего этими словами. Зелье, многократно

увеличивающее силы и вводящее в боевой транс, было великой ценностью свирепой расы. И если они готовы поделиться составом ради того, чтобы увидеть Аларика мертвым — значит, он действительно доставил им много боли. Именно это породило ненависть, насколько я могу понять.

— Насчет внешности — тут мне судить сложно, — ван был очень серьезен, но во взгляде его плясали искорки смеха. — Высокий. Черноволос и черноглаз. Бледный, будто дневного светила не видел никогда. От правой брови через все лицо — шрам.

Шрам? Интересно, портит ли он внешность принца? Я специально в духовном плане ступила на другой берег ручья, что символизировал мою защиту, чтобы ван услышал этот мой вопрос, ибо задать его вслух я не решилась. Родители, понимая и прощая мое девичье любопытство, от комментариев воздержались, за что огромная им благодарность.

— Нет, не портит, — Альберт уже откровенно веселился. — Помнится, Камилла говорила, что подобные отметины на мужском теле выглядят даже привлекательно.

Это уже нечто личное. Дело в том, как нам было известно, ван получил серьезные раны в противостоянии с оборотнями прошлой весной, порой цветения яблонь. Маги, по большому счету не приветствующие насилие, одержали тогда громкую победу. И видимо, ванни, как мудрая женщина, придала большее значение тому, что ее любимый супруг жив, нежели каким-то рубцам. Это ведь доказательства доблести и храбрости, и ими гордиться стоит.

Думаю, она права.

— А что насчет его способностей? — спросила матушка. Кажется, она подозревала, что именно это станет главной изюминкой.

И не ошиблась.

— Его специализация — не давать усопшим обрести покой, — сказал Альберт, скривившись, будто от боли. Его пальцы отбивали на тяжелой столешнице какой-то медленный ритм.

— Некромансер? — подался немного вперед отец.

— Кукловод.

То есть, он способен не только управлять телами усопших своей волей, но и возвращать на время души мертвецов? Очень редкое умение. Право, можно сказать даже, уникальное.

Вот так сюрприз. На мне желает жениться истинный некрмант. Чем я, интересно, заслужила подобное счастье?

— Вы не приказываете, потому что...

— Потому что любой риск должен был точно просчитан.

Матушка улыбается мягко, обманчиво, приглашая к откровениям.

Ван не прячется за масками — фарфоровыми, хрупкими. Говорит правду. И змеи, выгравированные на браслетах жрицы, слишком тяжелых для тонких ее запястий, слушают внимательно.

А я собираю мысленно звенья строгих фактов в цепи.

Итак. Что имеем. Альберт не желает рисковать, потому как мои умения весьма ценны. Я не могла винить его за столь... практичный подход. Бывает такое, что необходимость исполнять свой долг превращает защитника в вероломного и жестокого зверя. Но Альберт мудр, и умеет балансировать на лезвии. Кажется, ему это даже доставляет удовольствие.

Родители же, в свою очередь, готовы заплатить за мое благополучие любую цену, и их бескорыстие объясняется естественными причинами — ведь я плоть от плоти их.

Наш союз, если он состоится, принесет большую пользу как магам, так и дроу. На мгновение мне подумалось даже, что векторы наших сил, хоть и противоположны по сути своей, способны прекрасно друг друга дополнить. Белая глина — мягкое изменение. Хитрость. Красная глина — агрессия. Мучение ради удовольствия.

Воздействие на дух, на ментальные потоки, на воплощенное тело не было злом — и не было добром. Определяющим фактором является намерение. Любой системе необходимо равновесие. Иной раз приходится ломать неправильно сросшуюся кость, причиняя боль, потому — мне ли осуждать кого-то?

Военное и экономическое сотрудничество, опять же.

— ...естественно, боевая магия. Но тут тоже не без сюрпризов. Это некое ментальное воздействие, основанное на том, что дроу способен заставить мертвых твоего рода предать тебя.

Ван встает на ноги. Опускает щиты.

Линии его энергетического поля, будто рты жадные, требуют накормить их — и завтра, как взойдет Отец тепла на небе, они получат желанную пищу.

Довольное урчание и лисий прищур.

Альберт обернулся спиной, и я вижу, как напряжены его мышцы. Оттенок его кожи — топленое молоко — сливается почти со стенными панелями.

— Они рассказывают ему.

Правитель рисует образы.

Волк замер без движения, поджидая жертву. Белый его мех сливается с тускло сверкающим снегом.

Ну же, подойди. Ближе.

Настороженный, тихий шаг. И пусть подветренная сторона — хищник чувствует.

Поздно.

Клыки вонзаются в плоть, рвут жгуты вен. Шкура, окрашенная багровым, стремительно меняет цвет.

Глаза волка смеются. Что ему чужие страдания?

Мои пальцы дрожат. Я закрываю глаза.

Глупая Лидия. От этого знания не спрячешься.

Альберт видел, как тонет его женщина, и студеной вода пахнет мертвыми розами.

Камилла не жалуется розы.

Вот и сейчас, не приведи Сотворивший, мигрень вдруг разыграется от сладкого запаха.

Ван бессилен, и бессилие это злит до скрежета зубовного.

Но самое поганое — желание бороться спит уютно, свернувшись калачиком, укрыв пушистым хвостом теплый нос.

Лицо Камиллы безмятежно — и жутко в этой своей неподвижности черт.

Горькие слезы. На губах я чувствую их вкус.

Тошнота. Холодный пот. Альберт шипит от злости, но сделать не может ничего.

Ничего.

Снег сошел, обнажая черную землю. Рыхлую, влажную. И легко представить, что в ее глубине скрыты кости прежних жертв волка.

Как изюм в пироге.

Лучи мертвого тепла переплетаются, становятся изогнутым клинком, перерезающим пути.

Рык — низкий, грудной. Альберт, почти сдирая кожу о хрустальную мерзлую траву, кидается к полынье. Одеревеневшие пальцы смыкаются на прядях волос Камиллы, что извиваются слепыми змеями.

Дверь захлопнулась.

Ван, тяжело вздохнув, вновь садится на свое место.

— Этому противостоять можно, но требуется сил немерено.

Отец сделал большой глоток джина. Всем нам сейчас необходимо привести мысли в порядок.

— Занятно, — задумчиво сказал сэр Томас. — Чего здесь больше: гордости от осознания своих возможностей — или желания от них избавиться?

— Вообще..., — Альберт потер щеку и усмехнулся, — интересно было узнать об особенностях дроу.

Атака и нападение.

Нападение и атака. Черный дар итилири замораживает вены, будто северный ветер лозы зимой, и на губах — лиловый цвет виноградных ягод.

Но ведь наверняка есть возможность забрать... Если...

Встреча оставила новые шрамы на коже обоих, но — мужчины находились в уважении друг к другу. Уж не знаю, как насчет войны и экономики, но взаимодействию в сфере обмена знаниями, кажется, начало положено.

Лисы хитры. И ван понимает прекрасно, что две расы будут гораздо сильнее вместе.

— Я попросил Аларика... подтвердить, что он сможет защитить свою женщину, — прикрыв веки, говорит ван.

Ну разумеется.

А для церемоний время еще найдется. Возможно.

— Аларик и его родители, правящая чета, просят позволения посетить род Блаэри.

Веснушки на бледной коже стали будто темнее, в цвет гречишного меда.

Дроу уверены, что им ничего не грозит в нашем доме? Очень зря.

Луна в ипостаси плодовой женщины — будто тусклая золотая монета. Возможно ли купить за нее покой?

Томас Блаэри сумеет. Он поделился воспоминаниями с нами, и я знала, как это было.

В тот день, говорил отец, она услышала призыв. Шла по топким болотам, не оставляя следов. В изящных пальцах, униженных перстнями с бирюзой — говорят, в камень этот превращаются кости умерших от горькой любви — скорлупа бледно-голубая, с коричневыми крапинками. Тонкий длинный язык мелькает быстро, и желток тает.

— Чего ты хочешь?

Мать обмана смотрит прямо в глаза, усмехается холодно, и холод этот, кажется, способен запечатать кровь в венах.

Но маг давно не боится.

— Мне необходимо защитить свой дом и свою семью. Я прошу твоей силы.

Луна отбрасывает ненужную уже скорлупу — жаль, жизни в ней ни на каплю не осталось, — и касается безымянным пальцем уголка губ.

— О, вот как. Меня это должно интересовать?

Отец склоняет голову к плечу, и белые почти пряди касаются щеки.

— Почему нет? Оружие служит лучше, если заботиться о нем и лелеять.

Смех ее резкий, высокий, будто птичий клекот.

— Пусть так. Чем заплатишь за мою благосклонность?

Отрез шелка брошен в сторону, и у ног сэра Томаса остается подношение. Грудная клетка вер-льва, убитого им лично. В костях светлого достаточно тепла, и Луна насытится.

Маг действительно желал, чтобы вечно Отражающая смогла хоть немного утолить свой голод.

Мать обмана ломает легко ребро, самое нижнее, и лакомится им, будто сахарной конфетой. Жмурится довольно.

— Возьми, — Луна протягивает ладонь, исчерченную темными линиями, а на ней — тонкая ветвь белладонны. — Прикрепи над входом, и если кто задумает зло против тебя ли, против твоей женщины или дочери — иллюзии заманят его в свою паутину и осушат до дна.

Именно потому сейчас я глубоко вздохнула и сказала:

— Отец, матушка, думаю, мы должны хотя бы познакомиться с ними.

Будут ли итилири оскорблены, если мы откажем им? Несомненно. И вряд ли недовольство выразится только в словах.

Сэр Томас попробовал, остры ли Близнецы — отражение того серпа, что на небе. Остры — и перышко надвое легко перережут.

Кивнул, соглашаясь с моими словами. Разумеется, в личных покоях Альберта существуют определенные ограничения, но клятве Блаэри ван верит, а серпов не боится. Управляться с ними он вряд ли сможет, а вот нейтрализовать — вполне возможно. Слишком много энергий этого мира питают правителя.

Леди Сиенна поправила и без того идеально заколотую камеею из малахита на вороте своей блузки и невозмутимо сказала:

— Ждем их в час после захода дневного светила, через три малых круга.

По дороге домой я думала почему-то о том, что прекрасные корзиночки с компотом из ревеня мы так и не попробовали.

Той ночью мне, естественно, не спалось. Сделав себе крепкий кофе с щепоткой красного перца, я забралась с ногами в любимое кресло, намереваясь ознакомиться с трактатом об устройстве мира итилири, любезно предоставленного мне из секретного отдела библиотеки вана.

За окном — предрассветные сумерки цвета шелковичного вина, старые страницы пахнут гвоздикой и мускатом. Я в своем доме, и все дышит покоем, но читать я... боюсь?

Это ведь нормально, волноваться о будущем. Вот только кто же знал, что будущее наступит так скоро. Естественно, я обладала определенными достоинствами, которые делают девушку привлекательной для мужчин — происхождением из древнего и сильного рода, предположим, — и осознавала, что без брачных предложений не останусь. Но думалось об этом туманно как-то — в конце концов, я еще очень молода.

Впрочем, для вступления в брак мой возраст уже допустим. И кажется, родителям осознать этот факт еще тяжелее, нежели мне.

Признаться откровенно, принц меня заинтересовал. Каково это — жить, слыша голоса мертвых, их мольбы и проклятия? Делиться с ними своей кровью? Какую игру он ведет? Возможно ли, что демонстрация способностей все же была угрозой?

Решительно отставив чашку с остывшим кофе, я обратилась к фактам.

Как оказалось, мир Феантари весьма богат ценными ископаемыми. Процвечают животноводство и земледелие, — правда, плодородность почв весьма умеренная.

Дроу воинственны, и их армия много времени проводит в походах.

С кем они воюют? Почему?

Основные способности — некромантия и Хаос.

То есть, теоретически, каждый из них способен превратить любое кладбище в беспокойное? Великолепно просто.

Женщины пользуются равными с мужчинами правами, утверждает автор. Активно участвуют в политической и социальной жизни.

Воодушевляет. Справедливость мне по душе. Но что насчет обязанностей?

Гильдии работников, ремесленников, торговцев и земледельцев пользуются серьезными льготами.

Что же, это правильно — для развития экономики.

Ритуалы итилири — как бытовые и войсковые, так и призванные поддерживать равновесие и верную циркуляцию энергий — весьма жестоки.

Вот это меня почему-то вовсе не удивило.

Поклоняются Северному ветру.

Я задумчиво накручивала локон на палец. Аларику необходима кровь, чтобы кормить свое божество? Возможно.

Мне для того же необходимо молоко.

Интересно, как он воспринимает этот аспект своего служения?

Система замкнута, продолжает почтенный исследователь. Темные эльфы весьма решительно пресекают вмешательство в свои дела — за исключением тех случаев, когда контакты с иными расами могут быть им полезны.

Как мило. Принц считает, что брак со мной может быть выгоден ему?

Наверное, это должно мне польстить.

Аларик Астис, наследник правящего Дома, прозван Волком.

Весьма серьезно. Но оправдано ли?

По тону автора я поняла, что поведения принца он не одобрял. Не думаю, правда, что самого дроу это хоть сколько-нибудь заботило.

Несколько Кругов после возвращения Аларика из плена были ознаменованы в общей истории многими кровавыми сражениями.

Кто его пленил? Как это произошло?

— Даже не знаю, что во всем этом более забавно: вопросы — или ответы на них, — сказала я родителям на следующий день за обедом.

Откусив блинчик, я поморщилась. Что придает горечь лимонному джему? Наша тревога, быть может?

Я повела плечами, желая немного расслабить мышцы. Жаль, что сегодня я проснулась позже обычного и предпочла подольше нежиться в горячей ванне, не сделав свой комплекс гимнастических упражнений, развивающих сосредоточенность и концентрацию.

Поделиться ли с матушкой и отцом своими размышлениями? В нерешительности я мяла в руках льняную салфетку, на которой гладью были вышиты дубовые листья, олицетворяющие силу.

Несомненно. Я должна быть сильной.

— Возможно, это... все неслучайно? То есть, я говорю о другой стороне своего дара.

— Не думаю, что при том образе жизни, который привычен дроу, принца будет волновать тот факт, что ты можешь остановить сердце живого существа, не прибегая к оружию, — любимая трубка леди Сиенны из черного мореного дуба неподвижно замерла в ее пальцах.

Запах табака и мяты.

Глубокий вдох. Следует сохранять спокойствие.

— В любом случае, это будет твой выбор, родная, — сэр Томас обнял меня за плечи.

А в день перед визитом дроу — молочный туман и низкое небо серое, будто спина голубки, — расцвели белые хризантемы.

Когда я родилась, семена четырех видов хризантем, обласканные руками моих родителей, легли в мертвую плоть убитой кобры, а затем были надежно укрыты черной, пряно пахнущей землей нашего сада. И сейчас, когда необходим был совет, Сероглазая дала понять: она не ограничивает нас в бесконечности путей.

Это был ожидаемый ответ.

Я никогда не была кокетливой — и в силу склада характера, и по причине того, что юным ведьмам законом предписывалось вести себя скромно и не допускать близкого общения с посторонними мужчинами, — потому сложность выбора наряда для столь важного случая буквально застала меня врасплох.

Примерки, сомнения, долгие обсуждения с матушкой — и выбор наконец сделан. Платье из кашемира глубокого изумрудного цвета, строгое и изысканное, длиной до ступней. Оно прекрасно подчеркивало мои пепельного оттенка локоны и зелено-карие глаза.

Своим внешним видом я осталась довольна.

Черная узкая юбка немного ниже колена и шифоновая блузка подчеркивают гибкость матушкиной фигуры. Обманчиво-нежная грация.

Металлическая отделка на кожаном жилете отца остра, будто шипы терна.

Родители неподвижны почти, надменны даже.

Илиас и Мирабелла смотрят прямо в глаза, пристально, будто желают увидеть самую суть — что мы такое? Черты их слишком резки, чтобы этих дреу можно было назвать красивыми, но они завораживают, — будто рассказы о лесных жутких великанах.

На веках Аларика рисунок тонких лиловых сосудов — как прожилки на лепестках лилий того сорта, что смертельно ядовит. Запястья с темно-синими руслами вен.

Интересно, водятся ли в этих реках чудовища?

Отметины на костяшках пальцев.

Он берет мою руку, невесомо касается ладони.

— Здравствуй.

Аларик говорит на всеобщем, слегка растягивая гласные. И эти низкие, хриплые ноты.

Его губы, пересеченные шрамом, навсегда застыли в презрительной усмешке. Лично я, предположим, стирать бы этот рубец не стала — он казался регалией не менее важной, нежели лаконичные каффы с темными гранатами в остроконечных ушах. Насколько я могла судить по имеющейся у меня информации, правители дреу не привычны себя щадить — ни при защите своего народа, ни при уничтожении чужого.

— Здравствуй, — тихо отвечаю я.

Принц и не думает отпускать меня. А я не желаю даже просить его об этом, — будто рука моя — корабль, пришедший, наконец, в свою гавань.

Наверное, щеки у меня сейчас цвета маковых лепестков.

— Надеюсь, ваша семья благополучна, — приветствует нас король.

Черные волчьи следы на хрустком снегу. Мгновение — морок рассеивается, и уже не белый жесткий мех — а волосы, собранные в безупречную косу. Холодная улыбка. Глаза темные, хищные.

Кажется, родители отвечают что-то. Официальные приветствия — это ведь важно, да.

— Ваша дочь прелестна, — королева протягивает матушке руку.

Элегантный костюм в черно-бордовую клетку, и юбка идеальными складками у колен. Опаловые коготки на тонких пальцах. У Мирабеллы мягкий голос — так могла бы мурлыкать дикая кошка, вздумайся ей отдохнуть от охоты, — и двигается она совершенно бесшумно. Светло-карие, почти желтые глаза.

Одинаково сдержанный наклон головы двух женщин.

— Благодарю.

Правящая семья дреу прибыла к нам без стражников. И на них не было венцов — так, насколько я могла понять, подчеркивался личный характер визита. Впрочем, эта сила в специальных внешних эффектах точно не нуждалась. Она сама по себе была достаточно... убедительна.

Мне нравится, что температура тела принца ощутимо выше, нежели температура моего — а я ведь мерзну очень часто. Кожа Аларика пахнет сандалом и немного — соленой морской водой.

Когда уже все представлены друг другу, итилири преподнесли нам дар: лавандовый мед в сосуде темного стекла, как пожелание вечной жизни.

Правящую семью одной из рас, представляющих Разрушение, довольно трудно вообразить за делами обычными, простыми. Но поглядите же: общение складывается просто и даже гармонично.

Магушка и Мирабелла, сервируя стол к ужину, говорили о — любви, конечно. К шоколадным пирогам, ибо до сладкого обе оказались большие охотницы. А вот отцы наши, уверена, рассуждали о войне. Томас Блаэри напустил бы случая обсудить боевые плетения дроу.

— Великолепные розы.

Принц стоял у большого витражного окна в гостиной, выходящего на наш сад. Он разглядывал розовый куст, за которым я ухаживала с особым рвением. Насыщенный, глубокий оттенок зелени и багровые, черные почти цветы. Изящество в каждой линии самого крохотного лепестка.

— Этот сорт называется «Холодная кровь». Большая редкость. Цветет, как видишь, поздней порой.

— Холодная кровь? Занятно. Существует атакующее заклинание, традиционно называемое так же.

Аларик повернулся ко мне, и я невольно задержала дыхание. Неподдельная нежность в его глазах испугала меня больше, чем даже если бы дроу бросился на меня, желая разодрать горло.

Он подошел очень близко. Рост у меня не девичий, но принц все же ощутимо выше меня.

Аларик расстегивает две верхние пуговицы на своей рубашке. Любопытно, хлопок цвета черничного варенья столь же мягок на ощупь, как и на вид?

Да что это за мысли глупые вообще?

Я отступаю назад, почти в ужасе.

— Что ты..?

— Позволь сделать тебе подарок, — дроу улыбается едва заметно. Кажется, мой страх его забавляет. — Ведьма, исповедующая Равновесие, вряд ли обрадуется погубленным ради каприза живым цветам, но надеюсь, ты не откажешься вот от этого.

Аларик снял медальон, что висел на его шее. Простое гладкое серебро. Легкий щелчок — и воздух вокруг нас наполняется густым, пряным ароматом. Истолченные в пыль насыщенно-красные листья, которые, и будучи высушенными, не потеряли свой цвет.

Это айра — трава, растущая лишь в землях светлых эльфов. Легенда гласит, что выросла она из капель крови Зеленой княгини, когда блуждала красавица в отчаянии, разлученная коварной ложью со своим Сияющим на небе возлюбленным, и не чувствовала дева, как острые камни ранят ее ноги. Потому и дает это растение возможность видеть любой обман.

— Но как тебе удалось достать такую ценность?

— Позволь, — итилири коснулся легко моей кожи, надевая украшение. — Как достал? Очень легко. Изрубил на куски хранителей священного Леса и выкрал несколько побегов айры. Для тебя.

Я просто смотрела на дроу, не в силах и слова произнести, — и вдруг заметила искорки смеха в агатово — черных глазах.

— На самом деле, все честно. Никто не пострадал, уверяю тебя.

Курс Академии, где я обучалась, представлял итилири как почти помешанных на смерти существ, не знакомых с тем, что такое добро. Да и автор прочитанного манускрипта об этой расе отзывался довольно резко. А сейчас, не могу понять — что, принц дроу действительно откровенно смеется над всеми этими привычными убеждениями... о своем народе?

— Вот это да, — тихо сказала я, опускаясь на диван.

Вообразить даже не могла, что Аларик окажется... таким. Почти нормальным? Темный сел рядом и вновь прикоснулся к моей руке. Бережно, неощутимо почти.

— Хочу, чтобы у тебя не было сомнений.

— Сомнений в чем? — спросила я.

— Во мне — и в моих словах.

Кажется, платье мне все же стоило выбрать более легкое. Так жарко.

— А я должна сомневаться? — почти шепот.

— Ты должна быть рядом со мной.

Аларик целует мои пальцы, и это легкое прикосновение буквально пленяет меня, окутывает медовой лаской.

Я улыбаюсь мягко:

— Уверен, что сможешь меня убедить?

— Несомненно.

И он действительно не сомневается.

Мы смеемся вместе. Признаться, общаться с Алариком на удивление легко. И это мне очень нравится — так же, как и называть жестокого принца дроу свободно на «ты».

Он и сам будто не против.

Родители нашему разговору не препятствовали, но за происходящим следили весьма пристально и со всем вниманием. На моей руке — малахитовый браслет. Тринадцать малых кругов — по числу всевидящих глаз Мудрейшей — пролежали камни в родниковой воде с корнями дуба, и обрели силу хранить от насильственного разлучения с родной землей. Но если Аларик задумал не похитить меня, а иным способом причинить вред? Не следует отрицать подобную вероятность.

За ужином мы вели неспешную беседу. Леди Сиенна готовит прекрасно, а сегодня расстаралась особенно. Паштет с черносливом и сладким перцем буквально таял во рту, а оленина под брусничным соусом была особенно сочной и пряной. Кстати сказать, принцу явно пришлись по вкусу карамелизированные овощи, а я предпочла салат с мягким сыром. Аларик ухаживал со мной во время трапезы, и это было совершенно прелестно. Однако, вниманием моим владел не только принц, но и его родители: во взглядах и случайных прикосновениях Илиаса и Мирабеллы друг к другу я угадывала единение и страсть, выдержанные, будто драгоценное вино, подобные тем, что связывали моих родителей. Что же, прекрасно, если Аларик имеет верное представление о семейных ценностях и черпает силы в семейных узах — как и я.

Когда наступила ночь, пришло время десерта — и откровенных слов.

Бронзовый заварник. Аметисты, украшающие его, мерцают в полутьме, будто густой виноградный сок. И горят ровно огоньки ароматических свечей.

Ветивер, грейпфрут, анис — дымно-тяжелые, плотные ароматы.

Спит усмиренный мертвый огонь дроу, зеленоватой дымкой опутав их ладони и запястья.

Чай с чабрецом. Или, может быть, Мирабелла предпочитает с черникой и мятой, спрашивает матушка.

— Насколько я могу понять, у вас крепкие дипломатические связи с вампирами и светлыми эльфами, — будто невзначай, говорит леди Сиенна.

— Само течение времени решило так, — едва заметно улыбается король. — Цели у нас схожи, но эти расы не могут существовать в нашем мире. Потому даже в смутные времена у

нас с ними не случилось вооруженных конфликтов. Более того, выяснилось, что мирное сосуществование может быть весьма выгодным для всех.

Смутные времена? Не помню, чтобы автор монографии останавливался на этом периоде истории.

Миндальные пирожные. Лимонный сорбет. Или, возможно, все же шоколадный пирог?

— Я хотел бы задать вопрос, который волнует меня, мою супругу и нашу дорогую дочь. Как вы узнали о существовании Лидии — и почему, собственно говоря, именно она?

Голос сэра Томаса слишком спокоен. О, разумеется, никакой прямой угрозы — но отец обязан принимать все меры к защите своего дитя.

И итилири отнеслись к этому с пониманием.

— Сэр Томас, леди Сиенна, вы помните, когда ваша дочь была еще совсем малышкой, ее едва не похитили?

Я обернулась к родителям, пребывая в полнейшем изумлении.

— Это правда?

Матушка, побледнев, смогла лишь утвердительно кивнуть. Отец же, нахмурившись, спросил:

— Откуда тебе известно это, Аларик?

Из внутреннего кармана своего жилета дроу молча достал крошечное колечко с опалом и протянул его отцу.

— Если не ошибаюсь, второе подобное по сию пору хранится в вашем роду.

Еще одно невыносимо долгое мгновение и голод во взгляде дроу, который я буквально ощущаю кожей.

— Злоумышленниками были веры — вы ведь почувствовали особую энергию их прикосновений. По счастью, она не успели покинуть Меарис.

Кажется, для принца чужое прикосновение ко мне возглавляло список преступлений, карающихся смертью, подумалось мне. Маска исчезла всего на долю мгновения. Горечь немилосердия и прищуренные глаза. Безумный хищник, который безумие свое умеет прекрасно контролировать — и тем опасен.

— Это все просто невероятно!

Леди Сиенна сцепила у подбородка дрожащие пальцы.

Огоньки свечей заметались беспокойно, будто взволнованные открывшейся правдой.

Принц не лгал. Вряд ли он стал бы рисковать, зная о Зрении моей матушки — а в том, что он знал, я не сомневалась. Итилири вообще казались до странности хорошо подготовленными к этому визиту. От меня не укрылось, что королева безошибочно определила, в каком именно шкафу хранится любимый фарфор леди Сиенны. Взгляни я в сторону кухни чуть позже — не заметила бы ничего. Но я заметила — и была весьма удивлена. Чернобурые лисы, изображенные на инкрустированных перламутром дверцах шкафа, кажется, тоже.

— Мы обязаны тебе всем, — сказал отец просто, но с самым искренним и глубоким чувством.

Их с матушкой ладони сомкнулись, и родители взглянули на меня, прося не винить за невольную ложь.

Аларик неестественно плавным, текучим движением склонил голову, и коса черной змеей легла на его плечо.

— Гномы просили о заверении договоров кровью, и возникла необходимость

обратиться к магам. На зов итилири откликается только мертвая кровь, а я ведь еще жив.

Его изысканно — саркастичное чувство юмора мне, определенно, было по нраву.

Не слишком ли велик уже список того, что мне нравится в принце дроу?

— Я должен просить прощения за свою дерзость, — Аларик смотрел лишь на меня, говоря эти слова, и ничуть не выглядел виноватым, — но я наблюдал за Лидией.

Мое имя в его устах звучало мягко и тягуче, будто карамель.

— И уже очень давно решил для себя — как только она войдет в брачный возраст, времени терять я не стану.

Как девушка, я почувствовала себе польщенной. Но вот к этому «я наблюдал за Лидией» у меня были вопросы.

— А что, если бы в тот день меня спас какой-нибудь другой принц? — с самой нежной улыбкой спросила я.

Дроу засмеялся — искренне.

— Ты же знаешь ответ.

То давнее происшествие, главной героиней которого помимо своей воли я оказалась, требовало разгадки. Но ни наши родители, ни Аларик не могли ничего сказать о мотивах похитителей. Отношения оборотней с другими расами уже тогда были напряженными — веры буквально помешались на идее собственного превосходства, заявляя, что каждый из них не человек, не зверь, а оба они — вместе, и потому гораздо ближе к тайне истинного могущества.

Конечно, участие принца в моем спасении придало новые оттенки вкуса этой встрече. Она не могла закончиться иначе, нежели как вопросом Аларика:

— Могу ли я просить возможности ухаживать за Лидией?

Само собой, отказ вряд ли удержит его. Дроу возьмет этот шанс силой. Но не в том даже дело.

Я ведь могу сделать свой выбор?

— Что скажешь? — услышала я в мыслях голос отца.

Королева невозмутимо взяла еще одну порцию сорбета. Трубка матушки замерла в ее руках, и пальцы опутали нити ароматного вишневого дыма.

— Да.

— Да, — сказал сэр Томас.

Когда мы тепло прощались, Аларик коснулся поцелуем моего запястья, и я вновь зарделась румянцем.

— То есть ты ей солгал?

Дьяр ан Саиррэ, хранитель священного Леса и воплощение верховной власти в землях светлых эльфов, едва заметно прищурился.

— На первой же встрече?

Аларик разглядывал темно-рубиновые переливы вина в своем бокале и будто даже не слышал обращенного к нему вопроса.

— Не солгал. Просто не сказал всей правды.

— А вдруг Лидия узнает, что причиной твоего желания жениться является не только ее красота? Я не ставлю под сомнение...

Дроу поднял голову. На губах его медленно появилась жуткая улыбка. Равнодушная, жестокая.

Здесь ведь не от кого таить свою истинную суть.

— А ты желаешь просветить ее?

Дьяр молча откинулся в кресле, небрежно положив ноги на обитый дорогим бархатом подлокотник. Такой прекрасный золотисто-коричневый цвет. Будто ореховое варенье.

Давно эльф не лакомился своим любимым десертом. Неудивительно, все времени нет для изысканных удовольствий. Постоянные конфликты серебряных с золотыми, да и Лайолешь...

Эта стерва просто сводит с ума. Держит его сердце в тонких пальчиках и отламывает по кусочку, изводя сладкой болью.

Почему у него нет сил прекратить это?

— От женщин охрененно много проблем.

— Какое ценное наблюдение, — Аларик засмеялся и взял с драгоценного блюда немного холодного мяса, но тут же положил обратно. — Это я уже понял.

Дроу встал и подошел к окну, отвернувшись. Бледный свет зарождающегося дня кошкой ластился к сомкнутым векам.

— Я хочу ее. Безумно хочу. Затащить в постель, мою самую желанную добычу — и не отпускать, пока оба мы не останемся совершенно без сил.

Усмехнувшись, Дьяр покачал головой. Ему было известно, почему дроу не употребил гораздо более откровенные формулировки для выражения своих желаний.

— Но в то же время... Знаешь, — Аларик уперся ладонями в стекло и глубоко вздохнул, — если бы вдруг она была моим противником хоть в одном сражении, я бы проиграл. Я не смогу воспрепятствовать ей перерезать мне горло. Даже клинок направлю.

Дьяр сделал глоток вина, прижал на мгновение холодный бокал к виску.

— И как им это удастся? Заставлять нас идти на жертвы? Смерть, да ты же детей убивал, не думая дважды. А теперь я слышу от тебя такие речи.

— Сука. Я просто не был готов к тем ощущениям, когда... она рядом.

Мрамор подоконника от удара пошел трещинами.

— Не готов.

Светлый устало потер переносицу.

— Да. К таким вещам не бываешь готовым.

Но цена назначена — и ты платишь ее. Светлый вытянул перед собой левую руку и

стянул кожаную перчатку, рассматривая металл и патрубки, заменяющие ему кисть. Механические пальцы послушно сжались в кулак.

Данни Грасс, один из самых искусных мастеров — дварфов, постарался на славу. Об увечье ничто почти не напоминает — кроме язвительных замечаний Лайолешь, конечно же, поглоти ее твердь земная.

Это его жертва. Карта. Вены — ручьи и реки, суставы — холмы.

Кисть, лунно-холодная. Без этой страшной карты Лайолешь не спаслась бы тогда. Не вернулась.

— Это того стоило? — Аларик, устроившись уютно на твердых лазуритовых плитах пола (даже сейчас спина дроу, как всегда, безупречно — прямая, будто он арбалетными болтами к дереву прикован), достал из кармана куртки флягу с напитком, крепостью и горечью гораздо более подходящим для подобного разговора. Сделал добрый глоток.

Огненная вода, настоящая на пряных травах.

— О да.

Дьяр подошел к принцу и взял флягу из рук друга. Металл пальцев диковинным узором на металле сосуда.

— А твоя теперешняя слабость?

Улыбка Аларика совершенно шальная, будто течение соков в пору цветения. И все равно, что за окном — тяжелые ледяные капли дождя падают на ладони земли.

— О да.

— Какой смысл обвинять себя в том, что ты не всемогущ? Это ведь были дни военного противостояния. Уверена, тогда случилось множество еще более... ужасных событий.

Мы с родителями сидели на нашем любимом диване в зеленой зале. Голова моя покоилась на плече матушки.

— Это не оправдание, — покачал головой сэр Томас.

Я взяла со стеклянного столика чашку и протянула ему — пусть лучше пьет вкусный какао, а не корит себя понапрасну.

— Твои шрамы, как и те, что скрывает под высокими воротами и широкими браслетами матушка, — это достаточное доказательство того, что вы всеми силами пытались не допустить худшего.

Та неудавшаяся погоня стала их ночным кошмаром. Но есть ли смысл позволять кошмару управлять своей жизнью? Тем более, что я была уверена: мне удастся узнать в разговорах с Алариком больше о случившемся, и возможно, мы найдем даже злоумышленников. Эти веры должны понести достойное наказание за ту боль, что причинили моим родителям. Матушку и отца я не могла винить ни в чем — ведь они дали мне так много. Теперь я могла понять их, пусть даже иной раз, чрезмерную заботу и волнение.

— Дроу не все нам поведал, чувствую, — сказала я, украшая свое собственное какао зефиром.

— Он не солгал, — тихо ответила матушка. — Не он задумал это.

— Ты всегда говорила мне, что нет ничего случайного, — сказала я, улыбаясь леди Сиенне.

Я вовсе не удивилась, когда увидела Аларика в своем доме, лишь настал зенит

следующего дня. Он принес мне в подарок чернику — ароматную, темно-сапфировую, будто окутанную туманом. Я настояла, чтобы принц разделил со мной угощение — и выяснилось, что мы оба любим ягоды. Потому в последующие дни мы лакомились земляникой, смородиной и ежевикой. Когда я спросила, откуда они, Аларик продемонстрировал мне свежие шрамы на шее и предплечьях.

Подходящий ли момент для того, что узнать больше о том, как именно питают энергией свой мир дроу, как влияют на него и как вмешиваются в естественный ход вещей?

Раны не побледнели, даже учитывая регенерацию итилири. Идеально ровные края и цвет темной вишни.

Мои ладони в его руках.

У этого дроу неизменно безупречные манеры. Я рассказывала ему о своих успехах в составлении новых рецептов согревающих мазей и поисках редких рукописей о свойствах ядовитых растений. Принц отвечал мне искренностью, говорил о задуманном смотре вооружения армии итилири и важности развития сельскохозяйственной отрасли. Дабы проверить его реакцию, я стала болтать и о сущих пустяках, — но даже во время обсуждения цвета нарядов, которые я намеревалась купить, Аларик был сдержан и слушал меня внимательно. Хотя я понимала, что на самом деле мода никоим образом не входит в сферу его интересов.

Наши жизни переплетались все крепче, будто нити в узоре на лепестках тех роз, что я вышивала. Мы откровенно наслаждались обществом друг друга, но ни я, ни родители бдительности не теряли. Впрочем, принц не позволил себе ни единого нескромного взгляда или прикосновения, каким-либо другим способом вред причинить также не пытался.

А через тринадцать дней он решил все же кое-что изменить. Только поздоровавшись, дроу коснулся нежно губами моей щеки, обнял крепко и прошептал:

— Хочешь прогуляться?

Мне понадобилось время — несколько ударов сердца, — прежде чем я расслышала вопрос Аларика. Нет смысла скрывать, его мужская притягательность меня... интересовала. И этот поцелуй...

— Куда же ты намерен забрать мою дочь на прогулку?

Матушка стояла в дверном проеме, скрестив руки на груди. Широкие накрахмаленные манжеты ее блузки, белоснежные, украшены вышивкой в виде весов.

— Я желал бы показать Лидии мой мир. Вернее, мое любимое место уединения, — улыбнулся принц.

Взгляд потемневших глаз матушки скрыт ресницами. Слова Аларика рисовыми зернами ложатся на мерные чаши.

Весомы. Несомненно. Но не отягощены ядом лжи.

Леди Сиенна выразительно приподняла бровь.

— Что же, если она не против.

Разумеется, не против.

Благословение матушки — еще один слой моей защиты. Еще один лепесток цветка. Не то, чтобы он был крайне мне необходим. Но никогда не следует недооценивать даже возможную угрозу.

— Без глупостей.

Аларик посмотрел прямо в глаза леди Сиенны.

— Обещаю. Поверьте, я прекрасно осознаю, что Лидия может причинить мне боль гораздо большую, нежели я ей.

Любопытная точка зрения. Но матушке она понравилась. Она усмехнулась едва заметно.

— Прекрасно.

Язык темных гортанный, резкий. Каждое слово — как удар кнута.

Итак, мое первое путешествие в Феантари. Я не очень люблю переходы, потому как после их использования зачастую чувствуешь сильную головную боль, но в мир итилири мы попали быстро, и единственным неудобством был ужасный холод (насколько я могла понять, это вызвано тем, что порты дреоу охраняли мертвые). Впрочем, объятия Аларика сделали дорогу весьма приятной.

— И... что же это?

В одном принц не солгал: место действительно было уединенным. Сжав руки, чтобы согреться, я выглянула в окно. По всему судя, мы находились на морском берегу, а строение — это, кажется, можно назвать так, — представляло собой просто каменный остов с перекрытиями. Древесина, правда, сохранилась хорошо. Не слишком высоко, примерно третий этаж.

Но почему так близко к линии воды?

— Иди ко мне.

Дреоу подготовился к нашему небольшому путешествию безупречно. Он набросил мне на плечи свою теплую куртку и укутал пледом, потому как мое платье, хоть и из тонкой шерсти, для подобной погоды все же не подходило. В кувшине — горячее вино с пряностями и медом. Разлив напиток, Аларик подал одну медную — очень вместительную — кружку мне.

Вода морская — тяжелая, серая, и шепот волн — будто шелест чешуи змеиной по мокрому песку. А облака, полные дождем, так низко, что того и гляди, на голову нам упадут.

Багряное сладкое вино и медленная, темная вода.

Это ведь первый раз, когда мы остались наедине. Но нет сейчас никакой неловкости, и не хочется даже нарушать тишину.

Дреоу встал за моей спиной, его ладони на моих ладонях. Аларик поднимает наши руки и делает глоток горячего вина — будто из моей кружки ему вкуснее.

— Под этими камнями лежат кости отряда белых орков. Они смогли открыть переход, но вода — не их стихия. Далеко, как видишь, ублюдки не ушли. Пришлось закопать их здесь и обрушить сваи. Я... не смог отказать себе в удовольствии.

Обернувшись, я посмотрела на Аларика, но перебивать его не стала. Мне любопытно было послушать личные признания.

— Тела сгнили довольно медленно. За несколько дней — когда они еще были живы и сердца их бились. — Принц усмехнулся. — Моя матушка называет сердца драгоценными плодами, из которых произрастает сила. Она женщина с изысканными манерами: предпочитает коварные приемы даже в бою. Или отравленный кастет, например.

Вздвогнув, я напомнила себе, что у итилири женщины также обучаются военному искусству.

— Это должен был быть дом для отдыха — я люблю море, и мастера планировали использовать особые механизмы для укрепления, — Аларик прижал меня к себе, выпил еще вина и поднес кружку к моим губам, чтобы и я сделала глоток. — А сейчас это место стало напоминанием о том, как я первый раз использовал родовую силу.

Наверное, это грустно, когда самые важные воспоминания... такие. Я мягко коснулась волос дроу.

— Может быть, у тебя есть, чем подкрепиться? Кажется, я голодна.

Конечно же, есть. И не только вкуснейшее мясо, а еще и демонстрация его поджаривания на небольшом костре из можжевельных веток.

Горячее мясо с розмарином и холодный соленый ветер.

Темно-зеленые прожилки и сколы на стенах. Мы с Алариком лицом к лицу. Одна его ладонь упирается в камень, другая же — нежно касается моей щеки.

— Я хочу, чтобы мы дали друг другу клятвы Шелка.

Эти слова создают узы, почти неразрывные — как шелковые нити. Связывающие — вместе и в жизни, и в смерти.

То есть, у этого дроу действительно серьезные намерения.

Он наклонился ко мне — и замер, давая возможность остановить его. Но я не стала этого делать. Обняла принца за шею, приподнялась на носочках — и ответила на поцелуй.

Губы Аларика жесткие, обветренные, но прикосновение их удивительно приятно.

Мы стояли так, кажется, очень долго, впитывая эти медово-тягучие, неспешные мгновения. Привыкая к ощущению близости.

— Любопытное предложение, — улыбнувшись, прошептала я. — Необходимо подумать.

Да, поводов для серьезных размышлений очень много. Но я займусь этим позже. Сейчас мы с Алариком разбавляем холодный ветер болезненно-нежными прикосновениями и мятным чаем, вода для которого нагревалась в том самом котелке, что сопровождал принца в военных походах. Как и нож с инкрустированной гранатами рукоятью, которым он резал мясо и хлеб сейчас. Я высоко оценила это стремление поделиться важным, сокровенным.

Маленькая общая тайна. Чай — лишь возможность еще немного побыть вместе.

Для дроу совершенно естественна и знакома эта простая обстановка, без всяких излишеств. Я же — избалованная любимая дочь, тепличная орхидея, и я привыкла к уюту.

Глиняная чашка цвета темной охры едва не выпала из моих рук — кажется, сок изображенного на ней граната, разрезанного пополам, обжег мне кончики пальцев.

Я не была уверена, что смогу вынести ожидание, если темный вновь уйдет воевать.

Я действительно не была уверена.

Глубокий вдох. Желая успокоиться, я сделала глоток чая, смакуя равнодушную мятную сладость.

Возможно, мне не придется...

— Прости. Я отдал бы все, чтобы избавить тебя от подобного.

Аларик протянул мне кусочек кукурузной лепешки, но я не спешила ее принять.

— Ты что... слышал мои мысли?

Принц мягко коснулся моей щеки, а затем своей, привлекая внимание.

И я поняла, что он имел в виду. На этой земле нити его энергетики гораздо сильнее. Прочнее. В Феантари я вижу их гораздо явственнее, они мерцают тихо, темно-серые — будто сытый зверь щурится.

Он просит меня не бояться.

И я действительно не боюсь.

Черная вода. Она способна дарить запредельные страдания, заливая глаза, разжигать огонь мучительной смерти в легких — но теперь... Она так бережно целует мои ладони.

Вода белая, слепая будто — мой источник — взвилась, шипя рассерженной змеей. Бросилась молнией вперед, защищая границы.

Я не причиню зла, говорит темная. Не ей.

Там, откуда обе силы родом, нет необходимости задавать вопросы, чтобы узнать правду.

Белая вода растворяется вновь в моей крови, принося с собой успокоение.

Вот и состоялось наше с Алариком истинное знакомство.

Мы смотрим лишь друг в друга. Все, что кроме, становится вдруг совершенно неважным.

На скуле дроу две ранки, как укусы змей. Я сажусь за спиной принца и целую эти отметины. Обнимаю Аларика за плечи и шепчу ему на ухо:

— Ты ведь... не все сказал, правда?

Черные жесткие пряди его волос скользят медленно по моей коже, дразня и оставляя на ней едва ощутимый запах сандала.

Конечно, он мог бы солгать. Пустить реки по неверным руслам, исказить реальность.

Но дроу не стал этого делать. Он ведь не глупец.

Принц закрыл глаза, впитывая ощущение моей близости.

— В тот момент я не намерен был никого спасать. Вообще редко занимаюсь подобным, откровенно говоря, — Аларик усмехнулся. — Оборотни — наши враги. А желание убить врага более чем естественно. Но когда я прикоснулся к тебе — знаешь...

И вновь его инаковость проступает, пугая. Волнуя. Тяжелой лапой касается сердца, оставляя шрамы, едва заметные.

Один взгляд — и я будто ныряю под лед.

— Двойственность твоего дара — серьезное испытание. И ты достойно преодолевала это. Ты осознаешь ответственность.

Еще после первой нашей встречи я волновалась о том, что возможно, он видел меня обнаженной — у него было мое кольцо, и через воду принц мог узнать многое. Теперь это вовсе не казалось мне главной бедой.

Одна улыбка — и становится так жарко.

— Меня удивляет и восхищает то, как ты тратишь себя на помощь другим. А если прибавить к этому то, что с каждым днем ты становилась все прекраснее — уж поверь, это именно так, — у меня просто не было шансов захотеть другую женщину.

Я, вздохнув, положила подбородок на его плечо.

— Ты ведь понимаешь, что мой дар, при определенных обстоятельствах, может выгореть. Я погибну.

Аларик поворачивается и касается губами моей щеки.

— Нет. Не погибнешь. Если возникнет необходимость, я поделюсь с тобой своей энергией, или же буду забирать ее у других. Для тебя. Как пожелаешь.

Он совершенно безмятежен и совершенно уверен в своих словах.

— Уверена, ты готов на все, чтобы исполнить свой долг. У меня тоже нет права отступить.

Мое внимание привлекли большие рыбы, поднявшихся на несколько мгновений над морской водой. Они выглядели так, будто были отлиты из зеленого стекла.

— Какие чудные, — я указала рукой в том направлении.

— Владыка серых вод подарил их моему отцу. Я расскажу когда-нибудь тебе эту историю, — принц усмехнулся. — И наживка необходима особая — глазные яблоки

противника, убитого в ближнем бою. Зато блюда из хаири обладают способностью облегчать страдания мертвецов.

Никогда не подумала бы, что возможно нечто подобное. Видимо, войны дроу действительно могут обходить некоторые законы.

— Каждый должен ответить за ту боль, что причинил другим, — нахмурилась я.

Я не успела заметить его движение, но вот — я лежу на спине, тяжелое тело Аларика прижимает меня к полу.

— Вот об этом речь, драгоценная моя.

Пальцы дроу коснулись моей шеи — там, где лихорадочно бился пульс.

И я полностью потеряла возможность двигаться, как мушка, завязшая в янтаре. Не было отчаяния, не было страха. Лишь разрывающая сознание тоска. Крылья птиц, терзающих мое тело, измазаны кровью, обратившейся уже в серый пепел.

Тоска по тому, что не вернется.

Дроу сидел в стороне. Как это?..

Меня мучила ужасающая жажда, и я лихорадочно потянулась к кружке с вином — но рука прошла сквозь нее, даже не задев. Я вскрикнула — горло было сухим, будто земля в степи, — и пробовала вновь сделать что-то, но безрезультатно. Желудок сдавливал голод, но мясо оказалось столь же недостижимым.

Чувство опустошенности, рассыпавшись на тысячи белых червей, пожирало меня заживо.

Только один глоток...

Какое блаженство! Я пила и не могла напиться. Когда темный отнял кружку от моих губ, я едва могла перевести дух.

— О Мудрейшая... Это...

— Да, так это и бывает.

Что же, никто и не обещал, что знакомство с миром дроу будет приятным. Но это важный опыт. За кругом моего комфорта.

— В следующий раз предупреждай о подобном, пожалуйста.

Дроу поцеловал мою ладонь. Он действительно сожалел.

После произошедшего еще некоторое время мы сидели в молчании, обнявшись.

Но, как бы нам обоим не хотелось остаться здесь, Аларик все же понимал, что подобная погода не особо благоприятна для столь нежного и хрупкого существа, как я.

— Здесь холодно. Думаю, нам стоит вернуться в твой дом. Или хочешь погостить у меня?

Я иронично изогнула бровь.

— Как мило. Мне даровано право выбора?

Замалчивать имеющиеся проблемы — не в моих правилах. Следовало признаться самой себе — сердцем я уже знала, что скажу этому дроу «да», и потому необходимо внести ясность и обсудить некую разницу наших убеждений. Я не желала быть причиной страданий ни в чем не повинных существ, когда принц будет забирать их жизнь для меня. Кроме того, в посмертии сам принц, возможно, пожалеет об этом. Я уже вполне четко понимала, что за свои поступки он будет расплачиваться... долго.

— Я не хочу, чтобы ты замерзла, — Аларик поднялся и протянул руку мне. — Мужчина должен заботиться о своей женщине. Оказывается, весьма приятная обязанность, скажу откровенно.

Я немного запуталась в плеле, но встала, сохраняя достоинство и вздернув подбородок.

— Я не твоя женщина.

Принц, улыбнувшись мягко, обнял меня за талию и привлек к себе.

— Как я уже говорил, я уверен, что смогу тебя убедить.

— А если нет? Что тогда? Похитишь меня? Может быть, изнасилуешь?

Аларик взял меня руки и усадил на широкий каменный подоконник — я успела лишь судорожно вздохнуть. Ветер сразу же ужалил холодной лаской кожу, лишенную защиты теплого плета.

Впрочем, ощущение это было довольно отстраненным. Гораздо больше меня волновало то, что принц так близко, и его бедра между моих коленей.

— Идеи — одна соблазнительнее другой. Но насилие вряд ли поможет мне завоевать твою любовь.

Губы дроу коснулись моей шеи, превращая кровь в хмельное вино.

— О, насилие для тебя — соблазнительная идея? Да ты просто деспотичное чудовище! — возмутилась я.

— Именно так, — совершенно спокойно согласился со мной Аларик. — И потому я не отпущу тебя до тех пор, пока ты не согласишься стать моей женой.

Я покачала головой. Очертила кончиком пальца линию его шрама и спросила тихо:

— Ты что, с ума сошел?

Серый лед хрупок, как кости мертвецов. Один неверный шаг, и черная вода сомкнется над моей головой.

Но шаги мои тверды. Я уверена в своих способностях.

Моя рука на его плече. Капли проступают на ладони. Они становятся твердыми, превращаясь в шипы.

Освобожденная сила — смертоносная змея, готовая к броску.

Его кожа податлива, будто сливочное масло, и сосуды рвутся так легко. Тонкими линиями они обвивают мое запястье, подобно стеблям черного аконита.

Аларик совершенно не обращает внимания на боль.

Шипы становятся длиннее. Это очень неприятно — пробовала на себе.

— Ты ведь согласна.

Черные глаза следят за мной, отмечая изменения в ритме дыхания.

Другая сторона дара была той самой причиной, по которой у сильных целителей не так уж много друзей. Держать ее в узде, конечно, возможно — но вдруг целитель в некий момент забудет о своем долге, о том, что он всегда должен контролировать свои эмоции, мысли и действия?

Опять же, скажу то, что знаю из своего опыта — забыть об этом невозможно. Поверьте мне.

Но Аларик способен был... справиться. Принцу нравилось, что я бросаю ему вызов.

Значит, романтические истории все же не лгут? Осознание того, что твой мужчина может тебя защитить и от тебя самой, от твоих страхов — это... прекрасно.

— Да, сказала я. — Согласна.

Я чувствую его голод. Его жажду. Утолить их могу лишь я.

Эти эмоции — такие вкусные.

Будущий супруг лучится довольством, будто сытый хищник. Будущая супруга едва ли не

в обморочном состоянии из-за собственной смелости. Родители в явном замешательстве.

Не то, чтобы именно так я представляла себе подготовку к бракосочетанию.

— Что случилось?

Угроза в голосе отца столь явна, что воздух сгустился. Его можно было резать, как ореховый пудинг.

Думаю, от немедленной расправы Аларика спасло только то, что на моем теле повреждений не было, и охранные контуры молчали, утверждая — опасности нет.

Хорошо еще, что в момент нашего возвращения дома матушки не оказалось. Иначе ох что началось бы.

Отец встал между мной и дроу, дабы контролировать ситуацию. От его внимания не укрылось, что весь левый рукав принца в крови.

Красное на белом смотрится красиво. Торжественно даже.

— Его Высочество, как выяснилось, весьма серьезно относится к моей безопасности. Он намерен защищать меня методами, которые я не слишком одобряю, — пояснила я.

Мужчины переглянулись. Аларик утвердительно кивнул, отвечая на невысказанный вопрос.

— Любыми методами, — заявил этот наглец.

— Я не желаю, чтобы страдали ни в чем не повинные существа, — я повернулась к дроу. — Не желаю, слышишь?

— Хорошо. В случае необходимости я поделюсь своей собственной силой.

— А знаешь, я согласна.

Наверняка, со стороны это выглядело бы ужасно романтично: принцесса умирает, и принц, не в силах вынести боль утраты, уходит за ней. Потому как...

Знает ли принц, что принцесса может забрать слишком много его жизни?

Странные мысли.

Склонив голову к плечу, Аларик смотрел на меня так, будто прикидывал в уме, как повкуснее приготовить мои ребрышки: в сливовом соусе? Или, может быть, в гранатовом?

Я опустила взгляд. Знаю ведь правду. Он действительно готов на жертвы ради меня.

— Прости.

Рубашка падает на пол. Аларик касается моей щеки, и я вновь чувствую ту самую болезненную нежность, от которой у меня перехватывает дыхание.

— Мой народ счастлив будет узнать, что их будущая королева сильна и горда.

Я никогда не жаловала особо украшения из драгоценных металлов — и сейчас, кажется, поняла, почему. Моим любимым металлом, самым драгоценным, суждено было стать меди, которую я ощущала в пряном запахе крови дроу.

Необходимо сосредоточиться.

Бронзовый таз, кремовый хлопок и теплая вода. Я омывала руку принца, удивляясь потрясающей регенерации. На месте ран остались лишь едва заметные линии.

Я нахмурилась. Шрам на лице, по всему судя, мог бы быть гораздо менее заметным.

Оставил его специально?

Как и... вот эти.

Не дыша, я касалась его спины, его рук и плеч. Некоторые отметины — идеально-ровные, тонкие, другие напоминают жгуты, будто раны сшивали грубо, наспех.

Может быть, в делах военных я ничего и не понимаю, а вот в медицине кое-что смыслю.

И я крепко подозреваю, что не все эти шрамы получены непосредственно во время боев.

Их было очень много.

Аларик во время моего обследования сидел, не шелохнувшись, но мышцы его были напряжены.

Моя жалость ему не нужна.

Не нужна.

— Они... понесли наказание за содеянное? — прошептала я ему на ухо.

— Да, — принц в пол-оборота ко мне. — Я преподнесу тебе их черепа в подарок. Если пожелаешь.

Этого достаточно. Пока что.

Исследовать его тело весьма волнующе. И занимательно. Рука дроу сжала мою ладонь. Пальцы скользят по жестоким отметинам, и я наношу мысленно на карту моря, горы и материи.

Под левой ключицей участок кожи — будто расплавленный воск. Ожог.

— Тебя это не отталкивает? — принц пристально смотрит в мои глаза.

— Я видела травмы и пострашнее.

Дроу усмехнулся.

— Я вовсе не о том.

Судя по ощущениям, щеки уже полыхают румянцем.

Конечно, я поняла, о чем именно он говорит.

— Если я стану твоей женой, то обязана буду делить с тобой ложе, — вздох.

Конечно же, я дразнила принца. Уверена, он чувствовал, что притягателен и желанен для меня.

— Вот как? — протянул Аларик. — Обещаю, что приложу абсолютно все усилия к тому, чтобы сия тяжелая повинность была... не столь тяжела.

Принц уже откровенно смеется.

— Что ты такое говоришь.

Ох уж, шутник.

Я уже собралась было встать с кушетки, но была схвачена и заключена в крепкие объятия.

Мне все же определенно нравится температура его кожи. И само существование Аларика в воплощенных мирах — тоже.

Если он не прекратит прижимать меня к себе так сильно, мои кости могут не выдержать. Но тяжело отказаться от удовольствия насладиться его благодарностью.

— Все в порядке?

Отец зашел в мой кабинет, очевидно, встревоженный долгой тишиной.

— Да, конечно.

Я отпрянула от дроу и стала проверять идеальность складок на юбке.

Чтобы ни подумал сэр Томас, свои сомнения он оставил при себе.

Церемонный поклон и бесстыдный поцелуй украдкой.

Принц отправился домой, а рубашка его осталась у меня — в качестве первой семейной реликвии.

За ужином я рассказала родителям обо всем, что произошло во время моего пребывания в Феантари.

— Это будто ледяной ветер внутри. И такая дикая скорбь, такое неутолимое, бесплодное стремление к тому, чтобы вновь чувствовать...

Я покачала головой. Вряд ли удастся облечь эти ощущения в слова.

— Это было ужасно. Но это очень важный опыт для меня.

Матушка мягко улыбнулась.

— Да. Такие моменты учат острее воспринимать те дары, что преподносит нам жизнь.

Несомненно. Эта мысль зрела в моем сознании, будто посаженное в плодородную почву зерно. Может, именно потому каждое движение — в радость, и хлеб особенно душист и мягок?

Я кивнула, опустив взгляд и внимательно рассматривая свой какао в чашке. Не знаю даже, как сказать о...

— Он ведь нравится тебе, да? — спокойно спросил отец.

Темнота за окнами густая, будто патока, и пахнет можжевелевым дымом.

— Очень. Мне так хорошо с Алариком. Но это... слишком сложно. То есть, всегда ли цель оправдывает средства? Он готов на все, чтобы исполнить свой долг.

Я сжала руки и замолчала на несколько мгновений.

— Это восхищает. Это пугает. Я понимаю, что не имею права осуждать Аларика, не пережив всего, что выпало на его долю — думаю, многие его раны получены во время плена, — но где мне взять силы ждать его? Каждый раз.

Родители сомневались — так же, как и я. Но они не были бы моими родителями, если бы не нашли тех самых, единственно верных слов.

— Знаешь, дочка, мой совет таков: подумай, стоит ли он того, чтобы ждать его возвращений, — сказал отец.

Забыв о трапезе, я смотрела на него с матушкой. Почему они любят друг друга — кроме того, что... просто любят? Сэр Томас выбирает расслабленные кашемировые свитера, леди Сиенна — строгие линии и жесткие ткани. Сэр Томас предпочитает уничтожать физически, леди Сиенна — морально.

Отец всегда высоко оценивал значение врожденных инстинктов, матушка же привыкла все тщательно взвешивать. И они в полной гармонии.

Но как обрести равновесие мне? Несомненно, к Аларику меня очень тянет. И неужели я позволю страху лишить меня возможности быть с этим дроу?

Тяжелый выбор.

И легче вряд ли станет.

Следующий день я провела в госпитале, где проходила практику, готовясь к поступлению в магистратуру. Мэтр Фредерик строг и серьезен, но мне удалось снискать его расположение уважением и преданностью своему делу, желанием постоянно совершенствоваться, и я очень благодарна учителю за те знания, которыми он щедро делится.

Смена выдалась нелегкой — во многом из-за женщины, обратившейся с весьма

тяжелым случаем. После трагической гибели своего сына у нее начались серьезные проблемы с дыханием — альвеолы будто отказывались выполнять свои функции. Мэтр Фредерик задумчиво проводил тонкими пальцами по энергетическим линиям стихии воздуха. Белый цвет потускнел, стал тяжелым, серым.

Наставник всегда говорил мне, что тело узнает о проблемах души гораздо раньше, нежели сознание.

— Что же вы, голубушка, так себя мучаете?

В широко распахнутых глазах пациентки блестят слезы. Горечь и боль.

— Меня ведь... не было рядом, когда мой мальчик захлебывался... и...

Этель, откинувшись на кушетке, рыдает, не стесняясь уже.

Она переживала эти мгновения вместе со своим ребенком. Она винила себя — и потому наказывала.

— Вы ведь все понимаете, — мэтр, милосердный и жестокий, сел рядом с пациенткой. — Если душа, искра мудрости, оживлявшая его, пожелала обнулить дурные деяния рода — так тому и быть. Уважайте выбор своего сына, Этель.

Верные слова. В самом облике Фредерика нет ничего не-верного: стихии в полном взаимопонимании. У него черные глаза, холодные, внимательные. Белые волосы. Белый двубортный халат и черный агат — накопитель в кольце.

Голосу мэтра тяжело противиться, и пациентка устало опускает веки.

Вероятно, думается мне, кто-то из предков Этель по кровной линии отнял в свое время право другого на свободный выбор. Прочертил ограничительные линии, которых не должно было быть. А ведь тело с духом единое целое, и конечно, оно дало сбой.

— Лекарственные препараты ей помогут, — сказал мне позднее Фредерик. — Если она им позволит.

Как только мэтр покинул ординаторскую, где мы отдыхали, дверь скрипнула вновь, и в комнату неспешно и с достоинством вплыла миссис Одри Сален, старшая медицинская сестра.

— Лидия, какой приятный сюрприз. Я рада вас видеть.

— Взаимно, — сдержанно улыбнулась я.

У моей собеседницы узкое лицо, собранные в аккуратный пучок светлые волосы и нос с благородной горбинкой. На шее — сиреневый платок, воздушный, очаровательный, и улыбается она весьма дружелюбно, но синие глаза смотрят уж больно пристально и изучающе.

— Как дела у вас, душенька? — походка у женщины плавная, неспешная. Шорох длинного платья. Одри грациозно опускается на соседнее кресло.

Я отвечаю, что все хорошо и благодарю ее за внимание.

— О, чудесно.

Дальнейший разговор — кружевная вязь из слов, что нанизаны друг за другом с вполне определенным умыслом.

Иной раз, будто между прочим говорит Одри, с твоими знакомыми могут приключиться прелюбопытнейшие вещи. Вот взять хотя бы ее добрую приятельницу, миссис Терезу Малл. Когда для дочери сей достойной леди шили свадебное платье, по недосмотру на столе были оставлены тончайшие кружева.

— Редкого оттенка, душенька, будто топленое молоко.

И каково же было огорчение, когда выяснилось, что пушистый рыжий кот по прозвищу

Колобок, любимец всей семьи, счел драгоценную материю прекрасной игрушкой.

— Кстати сказать. Я слышала, будто вы знаете с принцем итилири, наследником рода Астис.

Небрежность тона меня не обманывает ничуть — я вижу, как трепещут ее ноздри. Гончая, что почуяла добычу.

— Да, это правда, — отвечаю я.

Женщина складывает свои изящные ладони на коленях.

— И каков же он?

Я все более явственно чувствую сладкий яд в ее словах. Может быть, она и улыбается доброжелательно, но не желает мне добра.

Неприятная особа. К тому же особа, которая, как мне известно, не прочь посплетничать.

Матушка преподала бы ей урок, несомненно. Смогу ли я?

— Может, выпьем кофе?

Я встаю и направляюсь к столу для обедов.

Одри удивлена, но решает не подавать виду.

— Как мило. Мне два кусочка сахара, пожалуйста.

— Конечно.

Медальон, подаренный Алариком, всегда со мной. И я совершенно не горжусь, что в тот раз воспользовалась его содержимым. Если это можно считать оправданием.

Поставив на поднос две большие чашки с ароматным напитком и присовокупив к ним еще блюдце с сыром и шоколадом, я вернулась к Одри.

— Угощайтесь.

— Благодарю, — женщина греет ладони о фарфор чашки и делает несколько глотков.

Пей же.

— Вы спрашивали, каков Аларик, — мягко напоминаю я. — Могу сказать одно — он прекрасен. Мне вот что любопытно: как вы узнали обо всем?

— Ничего странного, — смеется женщина. — Репортер из «Сладких сливок», находясь в укрытии, наблюдал несколько раз, как дроу посещал ваш дом.

— «Сладкие сливки»? — изумленно переспрашиваю я.

Моя собеседница шутливо закатывает глаза.

— Журнал о светских событиях.

— Вот уж никогда не думала, что стану героиней подобного издания, — мне только и остается, что развести руками.

Благо, что этому репортеру хватило ума не попадаться на глаза принцу. Но сам факт был неприятен. Кто знает, что могут измыслить авторы этого журнала?

Одри кивает, медленно, будто в глубокой задумчивости. На ее висках — мелкие бисеринки пота.

— Почему ты? — неожиданно спрашивает женщина. На ее щеках вспыхивает яркий румянец. — Ты ведь сухарь! Он мог бы выбрать достойную девушку — мою племянницу Мерилл, предположим. Разве она не может стать частью столь могущественного Дома? Ее дар тоже не слаб.

Она торжествующе усмехается. Возможно, Одри втайне давно мечтала о случае проявить свою истинную натуру?

— Она могла бы дать ему все, чего бы он ни захотел. Принц ведь любит развлекаться. Готова об заклад биться, ты об этом даже не подозреваешь. Ты ведь столь добродетельна.

И как жаль, почти оскалившись, шипит Одри, что я не знаю, какой разврат устроил мой будущий супруг, наказывая веров. И, по словам очевидцев, предавался он этому самому разврату с большой охотой.

— Вам лучше уйти.

— К тому же...

— Уйдите.

Одри внезапно теряет весь свой запал. Осознает свои слова и ужасается. Закрыв рот ладонью, вихрем женщина уносится из комнаты.

Я же чувствую себя... холодной и пустой, будто земля, спящая под снегом. Каждое движение требует невероятного напряжения.

Чашку Одри я вымыла с добавлением отвара полыни (этот препарат хранится в моей медицинской сумке), чтобы смыть следы магического воздействия. О произошедшем разговоре не следует знать никому постороннему.

Сил практически не осталось, потому я взяла наемный автомобиль. Зайдя в свой дом, я прислонилась к двери и закрыла глаза. От всех сомнений и печальных мыслей у меня заболела голова. Почему все именно так? Аларик ведь целовал меня искренне.

Я кусала губы, вспоминая оскорбительные слова. Неужели я действительно заслужила их? И действительно ли мой принц...

Глупости. К чему тогда клятвы.

Но это может быть правдой. Что же делать теперь?

Вздыхнув, я сняла пальто, сапожки и прошла в малую столовую, откуда слышались приглушенные голоса родителей. Мне кажется, или они обеспокоены чем-то?

— Доченька, ты вернулась вовремя, — леди Сиенна поманила меня, чтобы поцеловать.

Я поздоровалась с родителями. Окинув взглядом сервированный стол, заметила, что ужин они не закончили.

— Что-то случилось?

Отец продемонстрировал свой коммуникатор.

— Со мной связался ван Альберт. Он говорит, что дело не терпит отлагательств, и ждет нас сейчас же.

Какой тяжелый день.

Мы выехали, не медля. Всю дорогу у меня дрожали руки. Я боялась беды.

И не зря. Когда распорядитель провел нас, выяснилось, что в личных своих покоях правитель не один.

Альберт серьезен и даже будто опечален чем-то. Черная рубашка подчеркивает бледность его кожи. А вот гость...

Оборотень. Глаза карие с прозеленью и темно-рыжие волосы, собранные в хвост.

Сквозь линии мертвенно-золотых теней, отбрасываемых масляными лампами, мы подали друг другу руки.

Обманчиво-ленивая грация его движений завораживала. Но я спешила поддаваться.

— Князь веров Мариус Таммари, — очень, очень, очень спокойно представил мужчину правитель. — Томас, Сиенна, Лидия, у него есть важные новости для вас.

Вряд ли она мне понравится. Как не понравился сам Мариус. Его огонь был разрушителен по сути своей. Возможно, оборотень не слишком хорошо контролирует временами свою животную суть. Это признак слабости.

— Да, это так, — вер насмешливо усмехнулся, демонстрирую клыки. — Я заявляю свои

права на эту женщину, Лидию.

Его откровенный, развратный взгляд очень меня злил. Замечательно, что на посещение домов, где жили представители Высоких родов, зачастую требовалось разрешение самого вана. Не хотелось, чтобы горький миндаль голоса Мариуса остался на ткани моих платьев и моих простыней. Тем более, что произносил он слова совершенно невозможные.

— Вы предлагаете мне греть ваше ложе, князь? — я иронично приподняла бровь. — Лестное предложение, но вынуждена отказать. Мой будущий супруг, боюсь, этого не одобрит.

Магушка смотрит на Мариуса презрительно и надменно. Да, я также не могу понять, почему этот наглец посчитал меня шлюхой. Всем хорошо известно, что имеют в виду оборотни, говоря о своих правах на женщину. Отец призывает силы, приготовившись к драке.

Альберт прячет ледяную улыбку в бокале с крепким красным вином.

Вер же отвечает безмятежно:

— Если ты говоришь о принце итилири, то должен разочаровать.

Брошенный небрежно, на пол летит охотничий нож с рукоятью, инкрустированной гранатами.

Тот самый, который Аларик носит на бедре. Тот самый, которым он резал для меня хлеб там, в Феантари.

Вер смотрит не скрываясь, жадно.

— Он мертв.

Ложь, это ложь, безо всякого волнения подумала я.

Где мой коммуникатор?

Пальцы леди Сиенны, тонкие, перламутровые будто, на запястье отца.

Родители, кажется, говорят что-то веру и Альберту, но это наверняка не имеет никакого значения.

Камни-передатчики не находят сигнал.

Мускус и пачули делают воздух густым, плотным, и я почти не могу дышать.

— ... ты сам подписал себе приговор...

Унесите же эти благовония. Я не могу дышать!

— ... мы сможем противопоставить...

Я едва не закричала от отчаяния, заполнившего меня, будто пустой сосуд.

Замолчите же все!

Крик уже стыл на моих губах, но вдруг я услышала голос Аларика. В своем сознании.

Не пугайся, когда увидишь меня.

Я вскочила, заламывая руки.

— Где ты?

Подобная экзальтация мне, в общем чужда, но напряжение изматывало нервы просто ужасно.

— Ты сказала что-то?

Мариус весьма снисходителен к женским слабостям. Например, к тому, что я смею открывать рот.

— Моя будущая супруга сказала, что я не совсем, чтобы мертв. Не стоит преувеличивать.

Оказалось, что за спиной Альберта есть тайная дверь. Ван повернулся, приветствуя дроу, и в глазах его плескалась злая, жестокая радость.

Я будто разрывалась на две части — одна я хотела броситься к Аларику, обнять его, а другая — застыла в ужасе.

Потому что мой принц действительно выглядел мертвым. Серая кожа, и глаза совершенно жуткие, как расплавленный металл — белоснежный с черным. Я вижу изувеченную плоть, новые раны на его теле. Ровную алую линию на шее.

Сама я этого не припоминаю, но матушка рассказала мне после, что на губах моих змеилась улыбка, когда я наблюдала за тем, как Аларик, откровенно издеваясь, душил оборотня. По венам разливается лунный холод — отец активировал защитный кокон для меня и для матушки.

Узкие ладони — я могу различить даже самый мелкий шрам на костяшках — сдавливают горло вера, и пальцы дроу полны силы тяжелой мертвой крови.

Мгновение мнимой свободы — и новый круг пытки.

Мариусу удалось перекинуться почти полностью (думаю, магия моего мира блокировала неким образом вторую его суть), только от этого пользы было немного. Вер сопротивляется отчаянно, зрачки его горят изумрудным. Мариус рычит, он в бешенстве, что его когти почти не причиняют вреда телу итилири, будто тот из мрамора выточен.

Наигравшись всласть, Аларик бросает вера о стену. Глухой стук удара.

Пальцы дроу — я все еще могу различить даже самый мелкий шрам на костяшках — сжимают пряди оборотня. Еще один удар.

Ван подает дроу цепи, и холодный блеск зачарованной стали прекрасно оттеняет теплый оттенок волос Мариуса. Он связан очень крепко.

Воины итилири, вышедшие из потайной двери, избавили сцену от лишнего участника.

Двое с пленным скрываются в мерцающем тускло переходе, а тот, кто остался, поворачивается медленно ко мне.

У него глаза цвета светлого янтаря. Резкие, хищные черты. И в белоснежных, собранных в косу волосах — изогнутое полумесяцем лезвие. Измятый металл кирасы, разорванные волокна мышц и обнаженные кости реберной дуги.

Он улыбается едва заметно.

— Мне пора.

Глухой, тихий голос, как песок, почти физически царапает кожу.

— Да.

Во взгляде Аларика — невыразимое чувство. Боль. Печаль. Скорбь.

Они просто шагают друг в друга, соприкасаются руками — и блондин исчезает.

Принц же выглядит смертельно раненым, но — живым.

Он жив.

Дроу подходит ко мне и опускается на колено, целуя мои ладони.

Взволнованные голоса родителей. Смех вана. Не задумываясь о том, какое могу произвести впечатление, я самым натуральным образом рыдала.

От страха, что могла потерять его. И от радости, что он все же здесь, со мной.

Аларик обнял меня за талию.

— Лапушка, не плачь. Прошу тебя, не плачь. Я в порядке.

— Да в каком порядке? — я кричала. — У тебя почти что горло перерезано!

Принц поднялся на ноги. Повинуясь сумасшествию чувств, он покрывал мое лицо

поцелуями, и я с не меньшим желанием ему отвечала.

— Вижу, пара получилась просто очаровательная. Они явно нашли общий язык.

Ван, облокотившийся о край стола, вид имел крайне довольный.

— Дозволено ли мне будет спросить, что здесь вообще происходит? — матушка, скрестив руки на груди, пристально смотрела на вана.

— Скажем так, — Альберт потер щеку. Отметины светила на бледной коже сейчас еще отчетливее, в цвет гречишного меда, — мы с Его Высочеством решили немного повеселиться.

Сэр Томас кивнул одобрительно. Совершенно не удивлена.

Я отстранилась от Аларика, упершись руками в его грудь. Моему возмущению не было предела.

— То есть вот это все — веселье?

— Да. Веселье.

Альберт занял свое место. Уже вновь — жестокое чудовище, которое не стесняет себя в средствах достижения цели.

Интересно, все ли правители — чудовища? Или только те из них, кого вынуждают обстоятельства?

Кстати сказать, об обстоятельствах.

Дроу усадил меня на мягкий диван, укрыл пледом и лег рядом, устроив голову на моих коленях. Я пыталась сопротивляться, но...

— Тебе в госпиталь нужно, Аларик. Я окажу тебе необходимую помощь, а потом уж отдыхать будешь.

— Это подождет немного. Я хочу убедиться, что ты никуда не исчезла.

Что прикажете делать? Мое сердце плавится от нежности.

— Мариус? — я провела кончиком пальца по алой черте, невесомо и мягко.

— Мариус.

Я чувствовала себя так, будто этот вер перерезал горло не только моему принцу, но и мне самой.

— Он попался на уловку. Подумал, что я потерял силу, — закрыв глаза, сказал дроу.

Мои руки дрожали, когда я гладила его волосы.

Альберт оторвал от грозди золотистую ягоду винограда. Улыбнулся почти мечтательно.

— Сеттар, один из воинов итилири, находящихся уже в мире мертвых — вы видели его только что — поменялся на время местами со своим принцем. Вдохнул воздух живых, свидетелем со своей женщиной.

— А Мариус был уверен, что убил меня, — ядовитая насмешка в голосе.

— Прекрасный план. Коварный, — выразил свое мнение отец. Вы даже благовония не забыли, чтобы обоняние запутать. — Но при чем здесь Лидия?

Ван указал рукой на Аларика, давая возможность прояснить вопрос ему.

— У этого оборотня ко мне личные счеты, — дроу закрыл глаза. — В одной из схваток я убил его старшего брата. И он не упустил бы шанса завладеть тем, что мне так дорого.

Итилири касается поцелуем моей ладони.

— И почему ты в этом так уверен? — тихо спросила я, очерчивая контур его губ.

— Политика. Естественно, в стане врага у меня есть информаторы.

Да уж, политика.

Матушка закурила свою трубку, и мятный дым помогает мне успокоить дыхание. Жаль,

что благотворное действие не распространяется на саму леди Сиенну.

— А если бы вер пришел не к правителю, а в наш дом? Ты сознательно подвергал мою дочь опасности?

Более всего голос матушки напоминал сейчас шипение разъяренной змеи.

— Мэм, я не поступил бы так никогда.

Кажется, браслеты на тонких запястьях зазвенели как-то особенно гневно.

— Никогда, — продолжил Аларик. Он говорил спокойно, зная, что леди Сиенна сможет верно оценить вес его слов. — Вы ведь заметили, что воздух стал холоднее? Это от присутствия итилири на защите вашего дома.

То есть, мертвых воинов, добавила я про себя.

— Говорил же, родная, это связано с Темными, — отец подошел к матушке, поднеся ей бокал вина.

— Тщеславие — одна из главных слабостей Мариуса. Он не упустил бы случая похвастаться убийством самого принца Темных эльфов, — примирительно сказал ван. — Расчет был верен.

Алая линия бледнела, таяла буквально на глазах. Уже второй раз дивлюсь регенерации дроу.

— Я же сказал, все будет хорошо со мной, — Аларик вновь коснулся губами моего запястья, понимая, что я очень волнуюсь за него. — Просто эти переходы даются очень нелегко.

— Ты часто действуешь подобным образом?

— Нет, я не часто прошу о подобном Северный ветер. Но этот вер много проблем доставил и итилири, и магам.

Он так притягателен для меня — будто ледяная вода в жаркий полдень. И это пугает. С другой стороны, если бы он скрывал от меня свою истинную натуру, лгал, было бы гораздо хуже.

И вот что еще. Едва не забыла, что есть одна важная тема, которую нам необходимо обсудить с дроу. Как можно быстрее.

Несомненно, эту мысль Аларик уловил весьма буквально, потому как поднялся на ноги. Надеюсь, он смирился с тем, что ему придется рассказать мне все.

— Простите нас. Мы хотели бы отправиться в кабинет Лидии — мне необходимо наложить повязки.

Получив полное одобрение сего намерения, мы с моим принцем покинули замок.

Четыре глубоких царапины. Стежки получились ровными, на загляденье. Мазь, ускоряющая заживление.

Запах сандала и соленой воды. Запах его кожи. Определенно, самая тяжелая процедура промывания ран и накладывания швов в моей практике — но вместе с тем, и самая приятная, ибо Аларик, нагло пользуясь ситуацией, все норовил поцеловать меня, склонившуюся над его плечом.

Раны на руках и на шее, почти затянувшиеся. Думается мне, Мариус переоценил нанесенный принцу урон.

— Как жаль, что среди итилири почти не рождаются целители. Ведь все наделенные даром лечить столь же заботливы и нежны? — почти промурлыкал принц.

— Кажется, у вас вообще нет необходимости в лекарях, — улыбнулась я, подняв

глаза. — При такой регенерации.

Дроу несколько мгновений молча смотрел в мои глаза.

— Дело в том, что кровь не каждого рода обладает способностью так быстро залечивать повреждения. Кроме того, и мои способности к восстановлению находятся в зависимости от того, холодный или горячий ветер властвует в ту или иную пору Круга.

Я скользнула кончиками пальцев по его кисти.

— Вот оно как.

Волосы принца не собраны в косу, и тяжелые черные пряди вновь льнут в коим рукам, обвиваются вокруг запястий, будто змеи.

— Замечательно, что Сеттар получил возможность сегодня быть в мире живых.

Так сложно подбирать слова.

— Я восхищена тем, что ты способен... справляться со всем этим.

Надеюсь, Аларик поймет, что именно я подразумевала под «все́м этим». Если бы я переживала подобное, то вместе с каждым павшим воином покоилась бы часть моего сердца.

Осторожно я коснулась плеча дроу. Мне нравилась и белизна его кожи, и сила его мышц, ощущаемая явно, — и то, какую тяжесть эти плечи могли вынести.

Одно неуловимое движение — и я лежу на спине, Аларик — сверху. Вспоминаю, что тяжесть его тела очень приятна.

И он так близко.

Дроу целует меня страстно, дразнит будто.

— Твои губы сладкие. Как спелое яблоко, — улыбается мой принц.

— А многих ли ты целовал?

Я обнимаю итилири за шею и приподнимаюсь немного, припадая губами к его уху.

— Тебе очень любопытно? — голос дроу звучит ниже и немного более хрипло, чем обычно.

— Странно слышать подобный вопрос от того, кто едва дождался, пока я войду в возраст — лишь бы ко мне не прикоснулся другой мужчина.

Аларик рассмеялся совершенно искренне. Устроившись рядом и повернувшись лицом ко мне, он оперся щекой о согнутую в локте руку.

— Тут не могу с тобой спорить.

Мне очень не хотелось выставлять себя в невыгодном свете, но я решила быть честной, потому в нейтральных — насколько позволяла ситуация — выражениях рассказала дроу о своем разговоре с Одри.

С волнением я ожидала реакции принца. Слава Мудрейшей, он не разозлился на незадачливого репортера. Зато его позабавил сам факт сплетен.

— Предполагаю, что Одри услышала все это, общаясь с дамами из Светлых эльфов.

Я глубоко вдохнула, будто прыгая в холодную воду, и спросила:

— Так это правда?

— Да.

Презрительный изгиб губ.

— И ты, насколько я могу судить, не раскаиваешься?

— Нет.

— Это просто невероятно!

Я вскочила на ноги и быстрыми шагами стала мерить комнату. Сейчас мне казалось,

что она возмутительно мала.

— Ты так спокойно говоришь об этом. Хотя, учитывая, как ты повел себя с Мариусом — ничего удивительного.

Дроу усмехнулся едва заметно, насмешливо, но ничего не ответил. Он даже не сделал попытки увернуться от летящих в него мягких подушек. Я же пылала негодованием, не понимая, почему Аларик так стремится переходить грань.

— Зачем ты поступаешь так?

Посмотрев в лицо принца, я лишилась дара речи. Он уже откровенно улыбался. И улыбка эта была злой, застывшей.

— То есть, ты предложила бы мне простить все, что произошло со мной в плену?

Ох. Первый раз он затронул эту тему.

— Прости, лапушка. Но нет.

Я остановилась, кусая губы.

— А что было в плену?

— Если пожелаешь, я поделюсь с тобой воспоминаниями. Но хочу, чтобы ты была готова: то, что ты увидишь, будет... отвратительным.

Чего еще я могла ожидать? Он дроу, и доброта не входит в список его достоинств.

Аларик жесток к врагам и так нежен со мной.

Игра? Ложь?

Или он действительно мой?

— Послушай, — я села и взяла принца за руку. — Нам придется быть откровенными друг с другом. И я хочу увидеть все. Справлюсь, не волнуйся. Но... много ли женщин было в твоей постели?

Поверить не могу, что спрашиваю об этом. Поверить не могу.

— Иметь совершенно не значит «заниматься любовью», — оскалился дроу, на мгновение став вновь хищным зверем.

На языке итилири это слово звучало мягко. Оно было сладким, как булочка с корицей. И означало...

Я закрыла Аларику рот ладонью.

— Поняла. Спасибо.

— Я верен тебе. Я хочу этого. И любовью желаю заниматься только с любимой.

По моим венам струиться мед. Думаю, мне понравятся таинства отношений между мужчиной и женщиной.

— С тобой.

— Ты обещал мне клятву, — коснулась я губ дроу поцелуем. — Тогда я смогу быть уверена.

Сама не понимаю, откуда эта ревность?

— Не сомневайся, — улыбается Аларик. — В любом случае ты будешь — единственной.

Откуда эта неприязнь к тем, кто был с ним?

Я сама не могла разобраться в своих чувствах. Так как же я могу ответить матушке?

— Я хочу стать его женой. Если честно, сама этого не понимаю.

Леди Сиенна удивленно смотрит на меня.

— В том смысле, что... он не идеален, как мне мечталось. Но меня все равно так тянет к этому дроу.

— Кажется, моя девочка влюбилась.

Нежные слова растворяются в лавандовом дыме благовоний. Приготовления к Ночи мертвых окончены, и мы с матушкой решили отдохнуть немного. Хрустальные бокалы наполнены вином, в полутьме темно-багряным.

Я делаю глоток, наслаждаясь пряной сладостью. Леди Сиенна права — не смысла лгать самой себе. Мое отношение к принцу было совершенно особенным. Более того, весомым аргументом в пользу серьезности чувств был тот факт, что Мариус не произвел никакого впечатления на меня. А ведь он роскошный мужчина. Интересно, как Аларик намерен решить его судьбу?

Я прильнула щекой к ладони матушки и вздохнула.

— Почему вы так встревожены? Я уверена, он будет прекрасно ко мне относиться.

Вполне возможно, мы будем счастливы.

— Разумеется, детка. Он совершенно очевидно без ума от тебя, — мягко улыбнулась леди Сиенна. — Я о том, что ждет его за гранью. Его мучения станут твоим кошмаром.

О да. Самым жутким кошмаром.

Я поцеловала руку матушки и сказала:

— Думаю, мы должны справиться с этим. Я не желаю заставлять его меняться.

— Таммарские кружева. Какая прекрасная работа!

Миссис Мэри Мартинс, одна из лучших модисток Танаиса, касалась ткани почти благоговейно.

Посетив салон достойной дамы, мы с матушкой поняли, что это лучший выбор. Обслуживание хорошее, и сама Мэри мне понравилась: у нее женственные, пышные формы, кудри цвета молочного шоколада, карие глаза и темная помада на пухлых губах. Мастерская «Красная роза» отличалась изяществом обстановки — белый, золотой и красный господствовали в интерьере — но именно хозяйка оживляла свои владения мягкой, спокойной энергией, и клиенты с комфортом могли насладиться визуальными и тактильными ощущениями.

Кружева действительно получились хороши. Мастерицы постарались на славу. Переплетение представляет собой изображения змей, обвивающих плоды и ветви граната. Цвет нитей удивительный, мерцающий будто кремовый.

Я представляю гибкие, тонкие пальцы слепых дев. Жили они в муниципальном районе на севере столицы, не испытывая ни в чем нужды, и пользовались неизменным уважением. С рождения лишены возможности видеть, они не знали соблазнов, но перед их внутренним взором были открыты судьбы каждого дитя. И во власти дев продлить года или уберечь от несчастного случая. Только вот, для родителей цена иной раз оказывалась слишком высока:

способности, или же собственное их благополучие. Но что пожалеет для своего ребенка любящий родитель?

Чуткие руки могли управляться не только с нитями жизнью, и в благодарность моей матушке, что питала их силой Мудрейшей, мастерицы преподнесли в подарок роду Блаэри столь чудесные кружева.

После продолжительных обсуждений за чашечкой кофе с кардамоном, фасон был утвержден лаконичный, без лишних деталей, но весьма изысканный. Закрытое (по причине неласковой погоды) платье с перламутровыми пуговицами на корсаже, невысоким воротником-стойкой и пышной юбкой. Поскольку я изначально хотела, чтобы наряд был цвета молока, то тяжелый шелк мы подобрали в тон к кружевам, которые предполагалось использовать в качестве отделки и для вуали.

— Позвольте предложить вам кое-что еще, — лукаво улыбнулась Мэри, осторожно раскладывая серебряными щипцами по десертным блюдечкам шоколадные трюфели, пропитанные ромом. — Ситуация ведь располагает. Поскольку юная леди станет супругой, думаю, ей могут понадобиться некие деликатные предметы туалета.

Заинтригованные, мы с матушкой отправились за хозяйкой в закрытый зал, где вниманию покупательниц предлагалось белье. Да еще какое! У меня просто разбежались глаза. Прелестнейшие бюсты самых разнообразных фасонов — бандо, брасьер, балконет, корбей. Бюстье, грации и корсеты из тонкого льна и атласа. Брифы, тонги и кулоты. Пояса и чулки, тонкие, будто паутинка.

Откровенность некоторых нарядов вначале несколько меня смутила, но я довольно быстро вошла во вкус. Оказалось, что мое хрупкое сложение — вовсе не проблема, а бледную кожу весьма эффектно оттеняют драматичные алый и черный. Впрочем, о белом и нежно-розовом, будто яблоневого цвета, мы также не забыли. Это белье отличалось от тех довольно скромных моделей, которые я предпочитала обычно, но странное дело — чувствовала я себя в нем органично. А как приятна была мысль, что, без сомнений, все это великолепие Аларик полюбится.

Если у меня хватит смелости ему показаться в подобном виде, разумеется. Но, в любом случае, этот визит в «Красную розу» поднял мне настроение и воодушевил.

В списке дел — который, по глубокому моему убеждению, был просто бесконечным, — значился и визит к ювелиру, дабы заказать кольцо для Аларика. Мэтр Уильям смог воплотить мою идею — даже невзирая на то, что рисовать я не умею. Тончайшая работа — серебряная змея была живой до последней чешуйки и изумрудных глаз. Не хочу казаться эгоистичной, но мне хотелось, чтобы каждый мог увидеть, что принц принадлежит мне.

Что касается банкета, который должен был пройти в замке дэру, меню почти всецело стало заслугой фантазии матушки и королевы Мирабеллы. Замаринованная в вине говядина, черные трюфеля и белая икра, шоколадный пудинг из четырех видов шоколада, взбитого с персиками, апельсинами и шампанским, мидии и хрустящий соленый картофель (просто обожаю его), совершенно необычный рис — со сливками и арахисом, овощи, приправленные кунжутным маслом, заяц в миндальном соусе и множество других вкуснейших блюд.

Все верно. Все складывается наилучшим образом.

Наши жизни переплетались, будто виноградные лозы — и я более всего желала, чтобы в свое время они принесли добрые плоды. Несколько дней я гостила в замке, где вырос Аларик. И надо признать, это было весьма приятно. Жизнь Гранатового дома лишена

жеманства, чопорности, однако во всем чувствовалась дисциплина и размеренность. Я с удовольствием заметила, что все относились к королевской семье с великим почтением. Наверняка, они мудро правят своими землями, подумалось мне.

Замок не был велик, но кажется, мог спокойно служить надежной защитой во время военных действий. Но самым серьезным оружием были отнюдь не крепкие каменные стены, сторожевые башни и нефы, созданные будто исключительно для того, чтобы воины-мечники могли затаиться и напасть на врага внезапно. Нет. Даже я, находясь под защитой Аларика и в силу наших чувств являющаяся одним целым с принцем, не могла ступить босой ногой на пол моей спальни — боль и тоска, будто острые шипы, раздирали тело, лишая воздуха. Прикосновение к стенам туманило взор алой пеленой ярости — и ничего не хотелось более, кроме как ощутить восхитительный вкус крови и плоти. Своих собственных крови и плоти, разумеется. Нежные фрезии в обманном саду убаюкают нежным ароматом, что осядет на веках — и не проснешься уже никогда.

Жутко вообразить, что же ожидает незваного гостя. Магия дроу совершенно естественна, гармонична строгой красоте этого мира. Лукава и жестока, будто шелковая петля, и тем напоминает магию Танаиса.

Пространство было еще неизученным мною, но довольно комфортным. Высокие стрельчатые своды, тяжелые бархатные портьеры (мне нравится, когда окна закрыты) и мебель темного дерева. Кожа и мех. Фиолетовый, черный, глубокий зеленый и синий. Мягкие ковры, скрадывающие звук шагов.

Малахит и хризопраз. Мускус, кипарис и бергамот.

Холодное оружие — лелеемое, тщательно начищенное. Только прикоснись — и на пальце вспухает багровая пряная капля.

На гобеленах — подвиги давно умерших героев. Застывшая история. Захватывающе, великолепно, но на данный момент меня больше интересовали ныне живущие.

К примеру, два близких единомышленника принца: Ссешес Риан и Камео Сианти. Они оба посвятили себя служению своему народу: один — воинскому, второй же — религиозному.

У одного — ядовитая зелень глаз, коротко остриженные черные волосы и улыбка, что полностью преображает его лицо, заставляя поверить, что генерал способен хоть что-то чувствовать.

Второй беловолос. Его речь плавная, как может быть плавным замах плети.

Ссешес вежлив столь безупречно, что это кажется игрой.

— Ничто не подготовило меня к созерцанию вашей красоты.

Он спокоен и честен. А вот у жреца, кажется, имеются весьма любопытные тайны. Не зря ведь этот разговор наедине. В библиотеке — лишь мы одни, а за окном — сумерки, лиловые, будто черничное варенье.

— Вы влюблены, мисс Лидия? — спрашивает мужчина, предлагая мне запеченное в карамели яблоко. Теплый аромат щекочет ноздри.

— Почему вас это интересует? — десертное блюдо я отставила в сторону.

Несколько прядей его волос свиты жгутами, и в них вплетены шнуры с привязанными к ним когтями диких животных и птиц. Разномастные глаза — карий, почти в черноту, и бирюза.

Темно-синяя замша туники и три ровных линии шрамов на щеке. Бледные губы.

— Не следует считать меня добром или злом, прекрасная. Я всего лишь инструмент.

Теперь вы часть Гранатового дома, и если будет в том необходимость, я отдам жизнь, чтобы защитить вас. Но... Считайте это личной просьбой: что бы ни случилось, будьте искренни с Его Высочеством.

А ведь он для тебя очень важен, правда, жрец? Почему?

— Я бы сочла это и весьма неплохим советом.

Камео медленно склонил голову.

— Могу я спросить?

Он вновь смотрит на меня. Взгляд, который так надежно скрывает истинные мысли.

— Кажется, вы единственный итилири с подобными украшениями. Это так? Что они означают?

Жрец засмеялся негромко.

— Они означают, что я предал сам себя.

Коснувшись поцелуем кончиков моих пальцев, он уходит.

А еще случилось знакомство с князем вампиров, Ашером. Любопытно, его пребывание в Феантари связано с предстоящим праздником или же он станет одним из тех, кто вынесет приговор Мариусу?

Нелегко смотреть на вампира — энергетика застывшая, будто... янтарь. Жуткая совершенно.

Согласно истории, свое происхождение вампиры ввели от Того, кто первым нарушил Закон и забрал чужую жизнь, за что был обречен на вечные скитания. Слишком тяжкое наказание? Возможно.

Я знаю, насколько вампиры смертоносны, и утонченной иронией кажется и цвет волос князя — будто варенье из лепестков роз, и обманчивая хрупкость пальцев.

Как состоялось их с Алариком знакомство?

Ашер рассматривает меня оценивающе, ничуть этого не скрывая, и странным образом эта откровенность располагает к вампиру.

— Наконец в жизни моего друга будет что-то, кроме войны. Лидия, птичка, не выпускай его из спальни хотя бы две луны, хорошо?

Я смущенно улыбаюсь, и князь смеется.

— Почти готов тебе позавидовать, Аларик.

Почти — важное здесь слово. Ибо когда в покои Аларика явился генерал — вампир не смотрел уже ни на кого и ни на что.

— Ссешес.

Князь подошел к дреу. Очень близко. Гораздо ближе, нежели дозволено. Риан улыбнулся едва заметно, и его руки коснулись волос вампира. Лаской скользнули по исчерченной шрамами рун коже щеки.

Ашер закрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Ссешес.

Разумеется, после ужина они удалились вместе.

Глоток горячего чая с мятой. Жестокий и холодный Ссешес в объятиях вампира мягок, будто сливочный крем.

— Почему мы должны проходить через это?

Дреу нежно касается поцелуем руки князя. Ему нет нужды уточнять. Разве разлука не мучает его столь же сильно?

Диковинный хрустальный сосуд наполнен соком календулы, разбавленным чистой водой. Как светлое растение, сей прелестный цветок способен накапливать энергию солнца и отдавать ее вовне — и импровизированный светильник излучает свет, зыбкий и золотой.

Ашер проводит кончиками пальцев по щеке возлюбленного.

— Ты помнишь осаду Ушшанаи, когда белые орки поливали нас расплавленным металлом?

— Конечно, — темный усмехнулся, закрыв глаза. — Тогда мы познакомились.

Восхитительные воспоминания. Благоуханные, будто цветение садов.

— Да. Этого не забыть. Меня поразила твоя сила и твоя храбрость, — мечтательно сказал вампир, обнимая возлюбленного крепче. — Ты был совершенно неотразим, измазанный кровью врага.

— Что за глупости ты выдумываешь? — против воли, дроу улыбается.

— Серьезно. Когда я врал? — возразил вампир.

Эльф поворачивается и весьма скептически смотрит на Ашера.

— Ну хорошо, — сдается тот, и искорки смеха в синих глазах гаснут. Но, сказать откровенно, он рад поводу сказать то, что давно уж собирался. — Да, я делаю много хреновых вещей. Мне нужны чужие эмоции и чужая кровь, чтобы поколебать Равновесие. Чтобы почувствовать хотя бы иллюзию жизни.

Ссешес молчит. Ему известно это. И ничего не изменить. Потому и невозможно связать судьбу свою с тем, чей голос слышишь во снах каждую ночь.

— Чужие руки. Чужие губы.

— Да, — спокойно говорит вампир.

Он знает, что сейчас в душе дроу. А от его собственной — боль отрезает сейчас по кусочку, лакомится не спеша, смакует, будто сыр с орехами.

Оба они спали с другими. Но сердце столь часто не согласно с тем, что творит тело.

— Предлагаю быть честными, — шепчет Ашер. — Я буду играть с другими. Я буду убивать других. Но свой Путь и свою постель я хочу делить лишь с тобой.

Руны на его лице кажутся вовсе черными. Когда вам скажут, что вампиры не боятся ничего — не верьте говорящему. Еще как боятся.

— Мать твою. Думаю, это самое романтичное признание, какое только можно себе вообразить, — дроу приникает к губам возлюбленного. Искренним и чистым. Ведь именно таким и должен быть церемониальный священный поцелуй.

Простые брюки из льна сидят столь соблазнительно-низко. Дроу, невзирая на свою силу, изящен и гибок, будто прут тиса. Он — прохлада и покой. Он — безжалостнее яда цикуты.

И это завораживает. С ума сводит. Убивает ласково, подобно холоду.

Отдай мне свою боль, темный. С дыханием. Поцелуй меня — и я готов буду даже позволить Лозам терзать мое тело, разрывать мышцы, оплетать и так мертвое сердце — за те жизни, что отнял ты.

Ашер, что разрушает столь просто, сладостно, играя, ломает души, сейчас едва осмеливается касаться дроу. Сегодняшней ночью происходят чудеса. Кто сказал, что невозможно удержать в руках ветер?

Алые языки пламени в Саду багряных роз оживают, извиваясь в чувственно-холодном, медленном танце.

Боль проникновения кажется удивительно правильной — и возбуждающей. Дыхание Ссешеса обжигает губы вампира.

Жестокие глубокие толчки. Отметины на спине цвета вина из слив.

— Ты даже не представляешь, как долго я мечтал о твоём члене. Он — та колонна из белоснежного мрамора, что поддерживает небо моего мира...

Дроу замирает на мгновение — а затем целует Ашера, грубо, наслаждаясь медно-пряным вкусом его крови.

— Кажется, ты несешь чушь.

— Я ведь влюблен. А значит, имею полное право страдать херней. Не ломай кайф, — тихо и немного хрипло смеется вампир.

Темный, глубоко вздохнув, трется щекой о ладонь вампира.

— Люблю тебя.

Стоны растворяются в холодных тенях — тех самых, за ледяными глазами которых скрывается первозданная дикость. Это ведь пытка, истинно страшная пытка — Ссешес, войдя до основания, не двигается. Лишь, не отрываясь, смотрит в глаза. Кончиками пальцев изучает черты Ашера, целует изрезанную рунами кожу.

Рука вампира скользит по груди брюнета, выше, сдавливает немного горло.

— Признайся, душа моя: тебя возбуждает осознание того, что я могу убить тебя?

Эльф улыбается, развратно, бесстыдно. Плавное, змеиное движение вниз (одежда и оружие в полном беспорядке на полу) — и в узкой ладони блеснул любимый стилет. Острие едва ощутимо проводит по бархатистой горячей плоти члена Ашера.

— У меня ведь тоже есть аргументы.

Вампир, прищутив глаза, выгибается.

— Правда?

Длинные пальцы обвивают запястье Темного. Переплетенные руки скользят вверх — и Ашер запечатлевает горячий поцелуй на коже любимого.

Второй рукой вампир прижимает дроу еще ближе к себе — и впивается клыками в его шею. Берет совсем немного. Удовольствие сумасводящее, жуткое в своей полноте.

Это вкуснее, нежели его любимый шоколадный крем. Вкуснее даже, чем ломать чужое естество на кусочки, будто бисквит.

Красные капли крови и белые — семени на шелковой коже. Что может быть чудеснее?

— Надеюсь, ты подготовил комнаты получше. Не станешь ведь ты заставлять Лидию жить здесь?

Камео умел появляться неожиданно, будто мертвое золото в кронах деревьев.

Назвать эту спальню аскетичной — значит, крайне польстить ей. Брошенный на каменный пол тонкий матрас — конечно же, неподходящее ложе для юной леди.

— Поглядим, будет ли она вообще со мной спать.

Аларик даже не открыл глаза.

Будет ли спать? Какая глупость, сомнения. Что может помешать дроу взять свою женщину, недоумевает жрец.

Камео садится у изголовья, спиной прислонившись к стене, и кладет обе ладони — кожа его обветренная, прохладная — на виски принца.

Энергия перетекает слишком легко. Густая, пряная, пахнущая дымом и медуницей. Старые раны, причиняющие боль Аларику — будто вечно голодная пустота. Ей все мало.

Жрец отдал бы больше, — много больше, — но принц мягко отстраняет его руки. Поднимается и садится рядом. Мышцы его напоены силой растений и зверей. Не в первый раз Аларик подумал о том, что не было у Северного ветра лучшего варианта, дабы наделить того властью над хищниками, порождениями холода — только Камео. Они умирали — и возвращались вновь. Более быстрые. Более ловкие. Более могучие, чем прежде.

— Благодарю тебя.

Передав тогда Аларику слова Северного ветра о том, что малышка Лидия нуждается в защите, жрец сделал свой выбор. И кто бы знал, каких мучений стоило ему это решение.

Возможно, Ветер разгневался бы, узнай он о том, что Камео ослушался — но что с того? Нет, куда страшнее эта боль, ломающая сладострастно и медленно каждую кость в теле — боль от потери того, что бесконечно дорого. Пусть оно и не было никогда твоим — опять же, разве это важно? Надежда мертворожденная погребена уже в стылой земле.

Все идет правильно. Принц ведь счастлив.

Может, и замечательно, если бы однажды Аларик забрал все. До дна. И тогда — покой.

Северные хищники склоняются перед ним. Благородство достойно награды. Но чем хуже те звери, силу которых он забирает? Звери не лгут. Они искренни.

Потому жрец всегда милосерден. И на его теле глубоких шрамов ровно столько же, сколько и отпущенных духов животных. Камео весьма чтит равновесие — здесь они с Лидией могли бы понять друг друга.

— Она достойная девочка. Она сможет понять.

Беловолосому дреу было многое известно от самого принца, да и личная встреча оказалась весьма любопытной. Окажись Лидия глупышкой — и все приняло бы иной оборот. Девичье сердце, запеченное под мятным соусом — чудный деликатес. Но Камео уверен: целительница способна размышлять, делать выводы и не станет демонстрировать нервные припадки.

Несомненно.

Аларик касается скулы жреца губами, и тот вздрагивает едва заметно. Сладкое, темное вино чужой энергии.

Принц темных всегда возвращает долги.

— Аларик, ты что, спишь здесь?

Я стояла на пороге комнаты принца. Признаться, я несколько иначе себе ее представляла — столь же уютной и роскошной, как та, которую предоставили мне. Но спальня Аларика была холодной, почти пустой.

— Лапушка, ты заболела.

— Даже не думай об этом.

Я подошла к тонкому матрасу и удобно устроилась, прижавшись к дреу. Собственно, побыть вместе со своим принцем и было моей целью. В прошедшие ночи он тайком приходил в мои покои, дабы мне спалось спокойнее и слаще, а сегодня вот я решила устроить сюрприз. Весьма познавательный, надо признать.

Аларик заботливо укрыл меня одеялом — которое, на мой взгляд, могло бы быть гораздо теплее.

— Я привык к таким условиям.

— Понимаю. Но возможно, — я погладила дреу по волосам, — ты будешь спать в более комфортной постели, когда не уходишь в поход?

Мы. Мы будем спать. Внезапно я осознала, что принц одет лишь в легкие льняные брюки, а мой шелковый халат так тонок...

— Если в постели с тобой — то совершенно плевать, какой она будет, — засмеялся тихо Аларик.

Медленный, откровенный поцелуй. Мы не переступаем границ — и это промедление дразнит, волнует чувства. Признаться, я боюсь того, что произойдет после свадьбы — и очень желаю этого. За окном — ледяной ветер и снег укрывает все сахарной глазурью, а я непогоду не замечаю вовсе, касаясь кончиками пальцев век своего мужчины, его скул и его губ. Мне нравится черный цвет его глаз, идеально ровная линия носа — и линии шрамов тоже.

— Я тебя сейчас изнасилую.

— Что? — моя ладонь замерла на груди дроу.

— Это же просто попытка!

— Когда я делаю так? — целую его плечо, слегка прикусывая кожу. — Или вот так? — провожу ладонью по плоскому животу. — Или...

— Ну все.

Аларик в шутку набросился на меня, делая вид, будто хочет искусать. Я едва не задохнулась от смеха, отбиваясь, — потому как боюсь щекотки — но шансов у меня, конечно, было мало, и очень скоро я оказалась в самых крепких и самых нежных объятиях, зацелованная и покрасневшая.

— Прекрати, чудовище, — я смахнула слезы с ресниц. — Я уже не могу смеяться.

— А кто все это начал?

Я возмущенно смотрела на принца. Что с того, кто начал эти шалости?

— Ты так прекрасна.

Кажется, наслаждаясь теплом моего мужчины, я и сама могу в это поверить. Поудобнее усаживаясь на коленях дроу, я подумала о том, что Одри была неправа. Все с моим темпераментом в полном порядке.

Кстати сказать, ведь этой ночью мы не единственные, кто занят любовью.

— Послушай, а что между Ссешесом и Ашером?

— Они любят друг друга. — ответил Аларик. — И ненавидят за то, что не могут быть вместе.

— Почему? — я была удивлена. — Если это действительно настоящие чувства, что им мешает?

— Моральные принципы Ссешеса, — принц усмехнулся. — Он вовсе не против насилия, но считает, что всему должна быть причина. Ашер же иной раз увлекается, мучая и ломая других. Знаешь, — Аларик замолчал на мгновение, — они оба близки мне. Не в одном бою мы стояли плечом к плечу — кстати, они и увидели друг друга впервые во время осады столицы орков. Жаль, что они не могут найти согласия, но я не хочу навязываться со своими советами.

Я тоже не стала бы. Задумчиво взглянув на Аларика, я спросила:

— А почему князь вампиров на твоей стороне?

— Все те же политические хитрости.

Агатовые глаза непроницаемы, как воды зимнего озера. Дроу надрезал своим любимым ножом палец и приложил к моим губам, будто призывая к молчанию.

Видение, сотканное из тумана.

Отрубленная голова катится по мраморному полу. Черный квадрат, белый квадрат. Черное — белое. Шах и мат.

Мгновения падают в вечность горькими можжевельными ягодами. Презрительное, небрежное касание подошвы узкого сапога, и голова замирает с едва различимым всхлипом — то ли радуясь, то ли досадуя, что жуткое ее движение остановлено. Синие глаза, мертвые, слепые (они так невероятно похожи на глаза Ашера), смотрят в исчерченный рунами потолок.

— Благодарю тебя, душа Северных земель.

Волосы — розовое золото, будто заря — падают на лицо, скрывая причудливую вязь шрамов. Руны на коже повторяют рисунок рун на камне.

Мужчина улыбается, и с глухим треском рвутся сухожилия, крошатся кости черепа, что под его ногой, превращаясь в синюю пыль.

— Благодарю.

Вампир. Восхитительный и омерзительный.

Не-живой.

И темнота. Ни единого лучика света.

Я часто моргаю, пытаюсь прийти в себя.

— Брат князя организовал против него заговор. Все уже было готово для расправы, но так случилось, что я ему помешал. И в благодарность владыка вампиров связал себя обещанием помощи для итилири.

Я пристально смотрела в лицо своего мужчины.

— Возможно, ты помешал мятежникам вовсе случайно?

— Возможно. А может быть, просто счастливое стечение обстоятельств.

Опять эти игры.

— Ты на всю голову больной ублюдок.

Его улыбка — чистая ласка. Чистый мед.

— Прости.

— Я самолично задушу тебя, — шепчу ему на ухо, — если не будешь честен со мной.

— Я говорил ведь уже, что не идиот — собственными руками разрушать свое счастье, — смеется Аларик.

Он действительно счастлив. И счастье это на вкус — как самое восхитительное ванильное мороженое.

Глубокий вдох.

— Люблю тебя, — говорит принц, целуя мои глаза.

— Почему ты сказал, что любишь меня?

Я повернулась к Аларику и взглянула в агатовые глаза. На самом деле, это очень важный вопрос.

Тонкие пальцы дроу замерли на острых углах ворота его кожаного жилета.

— Потому, что это правда.

Мы собирались встречать союзников темного, которые должны были прибыть в замок еще до восхода Луны, и я размышляла, подойдет ли выбранный мною наряд.

В зеркале я видела взгляд дроу, направленный на меня. Обжигающий, собственнический. Едва заметно усмехнулась: неужели не понравилась глубина декольте выбранного мною платья? Хотя, уверена, фасон (довольно скромный, надо заметить) здесь ни при чем.

— Доброго утра.

Принц обнял меня за талию и крепко прижал к себе.

Теперь действительно все хорошо — он рядом. Признаться, проснувшись и не обнаружив Аларика рядом, я загрустила.

Гляжу, кстати, мой принц также успел приодеться. Определенно, он выглядел изумительно в черной коже, украшенной серебром. И вместе мы смотрелись весьма неплохо.

Моя ладонь накрыла руку итилири. Губы Аларика коснулись моей шеи, заставляя разливаться по венам жидкий огонь.

— Позволь, — я красноречиво коснулась его волос.

Дроу ничего не оставалось, кроме как уступить моему невинному желанию, и Аларик сел в кресло, дабы мне удобнее было его расчесывать.

Обожаю его волосы. Одно движение. Еще одно — и вот уже угадывается рисунок косы. Возможно, именно так сплетаются нити наших жизней? Барбарис — красный, нарядный — любовь. Лакрица — вечная боль потери. Золотистый, чистый шафран — зов Истины.

— Я не могу полностью довериться тебе, — тихий, будто и не мой голос. Так неожиданно, но... это правда. Мне понятны мотивы его поступков. Смогу ли я их принять?

— Ничего страшного, — совершенно безмятежно ответил Аларик. — Все придет. А пока достаточно, что я доверяю тебе.

Великолепно.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Гости прибыли в земли дроу точно в срок.

Я внимательно рассматривала союзников Аларика. Дьяр и Лайолешь — светлые эльфы. Прекрасные совершенной, немного пугающей даже красотой. Надменные. Головы, гордо поднятые, украшены венцами Священного леса. Их сила — зелень с отблесками драгоценных металлов, сладкая. Жизнь.

Лука и Розали. Драконы. Огонь в физической оболочке, столь для него хрупкой. Драконесса держалась сдержанно, отстраненно (причиной тому, возможно, была ее беременность, о которой мне загодя поведал итилири), а вот ее супруг, признаться, понравился мне больше всех. Он прекрасно осознавал, насколько силен, и потому был преисполнен особого спокойствия, чем очень напоминал мне Аларика. Когда принц

знакомил нас, я не смогла отвести взгляд от лица правителя драконов — левая его сторона была обезображена ожогами. Заметив мой интерес, Лука лишь усмехнулся и коснулся церемонным поцелуем моей руки. Рубиновое пламя, всепожирающее, дикое.

На большом медном подносе — кружки с черным чаем, приправленным шиповником, чаши с миндальным ликером и теплым вином со специями. Рядом тарелки с различной снедью: кукурузный хлеб, холодная оленина, нарезанная тонко, паштет с перцем и черносливом, сыр. Ужин сегодня поздний, в благожелательной, теплой атмосфере, и оттого присутствующие за большим круглым столом тамарискового дерева пары не скрывают притяжения взглядов и рук. И наши с Алариком пальцы переплетены.

— Веры очень скоро вновь войдут в силу, — дроу обвел взглядом присутствующих. — И я рад сказать вам, что вампиры готовы помочь нам решить эту проблему.

Моей щеки коснулся ледяной ветер. Лишь на долю мгновения.

— Вампы? — Лайолешь изогнула тонкую золотистую бровь. — Им какая во всем этом выгода?

— Сила. Спокойствие, — усмехнулся итилири.

— Где гарантии, что они действительно помогут и это не ловушка? — спросила Розали.

Этот вопрос, видимо, волновал всех. В том числе, и меня, потому я с интересом взглянула на своего мужчину.

— Ашер связан клятвой. Не думаю, что он станет рисковать, — в пляске теней казалось, что Аларик улыбается зло и жестоко.

Уверена, Ашер вовсе не глупец. Он ведь понимает, у какого лагеря больше шансов.

— Я склонен принять их помощь, — задумчиво сказал Лука. — Они сильны и хитры, их магия — чистое разрушение.

— Допустим, и я за, — светлый откинулся на спинку своего стула. Нахмурившись, Дьяр поправил запонку на правом манжете. Кажется, любое несовершенство его раздражало.

— Орки все равно на стороне оборотней, — заметила Лайолешь.

Принц спокойно сделал глоток белого рома.

— Пускай. Это их неверный выбор. Подумаем лучше о себе — многое еще предстоит обсудить.

Далее совет проходил уже в личном кабинете Аларика, с участием Камео, Риана и князя вампиров.

Девушки же о серьезных вещах более говорить не хотели, и долг гостеприимства призвал меня остаться с ними. К моему удивлению, с эльфийкой и драконессой мы весьма легко нашли общий язык. Они были очень разными: яркая, дерзкая Лайолешь и спокойная Розали.

Под сладкое клубничное вино разговор лился легко. О родных землях, о нарядах — и о мужьях, конечно же. Хотя Лайолешь называла Дьяра не иначе, как 'надменная сволочь', прекрасные глаза ее светились нежностью. Розали же лишь улыбалась мягко, и румянец играл на перламутровых щеках.

Все было чудесно, но... Можно ли смешать воду и масло?

— Я не хотела бы, чтобы эта война унесла много жизней.

Моя новая реальность.

Эльфийка смотрела на меня, слегка склонив голову к плечу, и изумруды сверкали в ее подвесках, будто в них были заключены маленькие звезды.

— Все имеет свою цену, Лидия, — тихо, но очень твердо сказала красавица с волосами цвета меда. — Например, жизнь нерожденного малыша драконессы. Или жизни детей, которых мы подарим своим мужьям.

Разумеется, я поняла, что хотела сказать Лайолешь. Может быть, она и права. К тому же, я уверена, Аларик воспринимает угрозу столь же однозначно.

— Возможно... какая-то другая девушка сможет стать принцу лучшей женой, нежели я? Более понимающая. Которая сможет поддержать темного и помочь, как он того заслуживает.

Сама испугавшись этих мыслей, я приложила ладонь к губам.

Что за глупости лезут мне в голову?

— Что за глупости лезут тебе в голову? — узкая ладонь Розали накрыла мою руку.

— Он будущий правитель, и от его благополучия зависит благополучие этой земли. Ты знаешь, что такое быть правителем? — эльфийка усмехнулась с жестокостью избалованного ребенка. — Это значит стать хлебом для каждого, кто поверил тебе. Стать водой для своего народа. Но может ли слабый заботиться о своих детях? Нет, разумеется. Потому, Лидия, Аларик на ошибку в выборе своей женщины права не имеет.

То есть мы должны позаботиться о своих подданных, а за ошибки веров пускай расплачиваются те, кто ответственен за них? Весьма логично, по правде говоря. Тишина растворялась в сладком запахе шоколада и слив.

Драконесса смотрела мне в глаза, не отводя взгляд, будто желала угадать все мои страхи и сомнения.

— Кажется, он очень привязался к тебе. И это здорово — Аларик достоин тепла, — сказала наконец Розали. — Но если ты не уверена в своем решении, возможно, ему действительно стоит найти другую девушку.

Другую? Аларик — с другой? И не моим супругом он будет? Это причиняло почти физическую боль.

Мы с этими дивными красавицами не были еще близки, но определенно, я благодарна им за их слова.

Выпрямившись, я сложила руки на коленях. Жемчужно-серый бархат платья чудно оттенял мою кожу. Прохлада опалов, которые украшают пояс.

— Нет. Ему не стоит искать другую девушку.

— Послушай, Лидия ведь не виновата, что ты полюбил ее.

Дьяр саркастично улыбается.

— Может быть, оставишь ее в покое?

Дроу и не думает поддаваться на провокацию.

— Я ничем не обижу ее.

Внезапно светлый становится очень серьезен. В его руке замер стакан. Абсент, мед и лимонный сок. Оригинальное сочетание.

— Никогда не мог понять, как ты это пьешь, — усмехается Аларик.

— А я вот, знаешь, тоже кое-чего не могу понять.

Дьяр выпивает алкоголь одним глотком, не поморщившись даже.

— Мы все здесь, — светлый указал поочередно на Луку, Ссешеса, Ашера и Камео, — твои друзья. То есть, нам действительно не все равно, что происходит в твоей жизни. Тем более, что грядет война, и ты нам нужен, Смерть.

Вполне вероятно, что за подобные слова наглеца могло ожидать наказание. Но принц весьма вовремя сжал руку Камео, призывая к спокойствию.

Дьяр вздохнул.

— Ты не думал, о том, что... Вдруг Лидия узнает о твоих развлечениях? Она уйдет. А тебе будет очень херово. Очень. Ты влюблен, и я понимаю тебя. Она прекрасная, достойная женщина. Но рассуди здраво. Возможно, имеет смысл прекратить это сейчас?

Аларик прищурился хищно, склонив голову к плечу. Он прекрасно понимал, о чем идет речь.

— Ты так переживаешь за исход войны. Мило.

Ашер наблюдал за ходом беседы, не вмешиваясь — будто чай в стеклянном сосуде занимает его больше. На самом же деле, вампира интересовали не только переплетения прожилок на лепестках камелии, но и нити отношений, связывающих тех, кто присутствует в этой комнате. Может быть, малахитовая зелень убранства настраивает князя на спокойный лад, но Ашер подумал вдруг, что в этой компании он мог бы обрести свое место. К тому же, он не желал больше разлучаться с Ссешесом.

Светлый скрестил руки на груди и вновь улыбнулся.

— Ты что, хочешь рассказать супруге о той девице, что умоляла тебя связать ее и трахнуть? Признайся. Как бы ты ни пытался скрыть от Лидии прошлое, не получится. Не ведь ты и не хочешь этого, правда? Тогда между вами навсегда останется некая недоговоренность. То, что будет разделять вас. А на имитацию вместо истинного счастья ты не согласишься.

Аларик налил себе еще рома. Да уж, светлый действительно знает его очень хорошо.

Конечно, дроу мог оградить свою женщину от той жестокости, что есть в нем. Просто не рассказать. О том, как он убил вер-тигрицу Кариззу, что держала его в плену. О том, какое жуткое веселье он устроил после. О том, как они с Дьяром развлекались в человеческом мире — когда он только учился контролировать себя. За много Кругов до рождения Лидии.

Помнится, та девушка была брюнеткой с миндалевидными карими глазами. Всем вокруг казалось, что она надменна и холодна, а на самом деле — она жаждала унижения. Жаждала найти того, кто подчинит ее. Разумеется, она не знала, кем на самом деле является Аларик (морок работал отменно) — да ей и не важно было это вовсе. Главное, что от его пощечин она кончала мгновенно, а изящные, но опасные переплетения веревок оставляли на ее теле алые болезненные следы. Она просила, чтобы он имел ее так, будто она вещь — и дроу не отказывал. Брюнетка пила молоко у его ног и говорила, лишь когда он позволял. Аларик укладывал ее на стол — запрокинутая у края голова оказывалась как раз на уровне его бедер, — и его член оказывался у нее во рту. Эти сдавленные стоны, слезы — она едва могла дышать. Аларику нравилось мучить ее. Были и другие. Столь же... пустые.

Проблема в том, что если они с Лидией будут делить ложе, его воспоминания не останутся лишь его болью. Она увидит.

— Да, она просила душить ее. Это так. А Лидия заявила, что если я не буду честен с ней, она сама задушит меня. Восхитительная разница, — голос принца мягок, будто шоколадное суфле.

— Против того, кто тебе вровень и не боится, устоять трудно, — серьезно кивнул Ашер, глядя на своего любимого.

Разговоры о важном — это, конечно, здорово. И то, что яйца у Аларика стальные и силы

ему не занимать, — также. Но избавляет ли это от страха быть отвергнутым?

И Лука прекрасно понимал сомнения принца, вспоминая свою собственную историю.

Розали была эгоистична, жестока и вспыльчива, и потому ужасно злилась на родителей, которые заставили ее стать супругой Императора Драконьих владений. Он же уродлив! Какая глупость: не позволить лекарям полностью исцелить ожоги и раны от ледяных потоков после той страшной войны. Хорошо, что восстановили глаз. По задумке, это должно напоминать о славной победе, но в реальности из-за гордости повелителя левая сторона его лица выглядела, мягко говоря, жутковато — не говоря уж о теле.

Она не желала ни видеть Луку, ни тем более, делить с ним ложе. Понимая это, дракон сам не искал общения, отдавая все силы делам государственным.

А ей... ей было скучно. И потому Розали завела роман с Анселем Таирэ — прекрасным и обходительным. Сколько бы продолжалось это, кто знает, но теплой ночью на исходе месяца Цветения роз ее и ее любовника застал в оранжерее генерал Саннар, старый вояка и советник Луки.

Ей было известно, какое наказание ожидает неверную супругу.

— Это все правда, Розали?

В глазах цвета темного нефрита — лишь пустота. Кожа бледна, огненно-рыжие волосы разметались по плечам.

— Да, мой повелитель.

Дерзость. Не муж, но только повелитель.

Лука не позволил Совету Десяти вынести приговор. Сожжение заживо у позорного столба.

— Своей властью я дарю помилование Розали ра эн Таши.

В абсолютной тишине, сгустившейся, будто молочный пудинг, со своего роскошного кресла вскочил Имар Хави.

— Но повелитель! Ведь она...

— Я сказал: она будет жить!

Кажется, от этого рыка едва не рассыпались в пыль камни возвышения Древних, на котором восседали благородные.

— И я запретил проводить совет. Вы будете наказаны.

Светила совершили полный оборот, когда Розали смогла решиться поговорить с супругом.

— Почему ты оставил мне жизнь, Лука?

Огненноволосяй дракон неожиданно улыбается, спокойно и устало.

— Я не мог бы вынести твоей смерти.

Она сдвигает подлокотники кресла. Закрывает глаза, и соленая горечь слез струится по щекам.

— Послушай, мне так жаль. Я ужасно виновата... У меня не было никакого права поступать так, и...

— Успокойся.

Дракон садится рядом и притягивает девушку к себе.

Розали рыдает, крепко прижавшись к супругу и спрятав лицо в изгибе его шеи.

— Не плачь, Розали. Я прощаю тебя.

И это истинная правда.

Эти соблазнительные изгибы прекрасного женского тела так долго снились ему в самых

сладких кошмарах. И вот сейчас она в его объятиях, близкая, как никогда. В первый раз смотрящая на шрамы без омерзения.

В произошедшем есть и моя вина, говорит себе Лука. Мы вместе должны были растить светлые чувства. Но я устранился, надеясь, что когда-нибудь Разали сможет увидеть за моим изувеченным телом нечто большее.

И вот результат. Думаю, не стоит рассказывать тебе, родная, что стало с Анселем — в гневе я бываю несколько... несдержан.

Он осторожно целует супругу.

— Не плачь, Розали. Все будет хорошо.

Хоть им и предстоит еще долгий путь. В свою очередь, и Аларик с Лидией обретут гармонию и взаимопонимание. Несомненно.

— Все будет отлично, — улыбается дракон, подходя к принцу и касаясь дружески его плеча. — Уверен, ты не раз еще порадуешь нас добрыми вестями. Например, о рождении первенца.

Ночь в своих правах, и Аларика ждет еще один разговор.

— Сдохни, тварь. Сдохни!

Это злобное шипение — услада для него.

— У тебя был шанс помочь мне в этом. Но ты его упустила, — мягко улыбается Аларик.

За окном — луна в зыбком мареве. Круглая, будто жемчужина, цвета клубничной пастилы. Холодный свет растекается по надменно-белоснежной скатерти, льнет к лепесткам роз в высокой хрустальной вазе.

Принц с нескрываемым удовольствием разглядывает жуткие увечья Кариззы. Он откровенно гордится делом своих.

Исполосованное лицо — когда-то, без сомнения, оно было прекрасным. До того злополучного момента, когда наследнице правящего рода веров пришла в голову очень плохая идея — сделать Аларика своим рабом.

Ожоги и рубцы. Грудная клетка вскрыта жестоко, грубо, — будто движимый извращенной страстью исследователь пожелал узнать все тайны женского тела. Например, есть ли у женщин сердце — или же они просто куклы, созданные на погибель роду мужскому?

Что же, у Кариззы сердце было. Принц дроу знал это точно.

Вернее, когда-то было. Темно-аметистовое, трепещущее в его руках. Невыразимо вкусное, сладковатое едва.

Было, несомненно. Пока Аларик его не вырвал и не полакомился ним.

Запекшаяся кровь, цвета яшмы, на зелени платья.

Эта сука умирала долго. Очень долго.

— Сдохни.

Желтые глаза мерцают тускло. Тигрица, без сомнения, разодрала бы сейчас дроу на куски — если бы могла действовать самостоятельно. Чужая воля проникает в сознание легко, будто раскаленный нож в горячее масло.

Каризза оскалилась. Но дроу вовсе не обратил на это внимания, полностью уверенный в том, что творил. Когда-то тигрица держала его в плену. Истязая и заставляя страдать. Желая сломать. За ним долг теперь.

— Будь любезнее, — Аларик не скрывает насмешки в голосе. — Как в тот раз.

Последний. Помнишь?

Тигрица лишь зарычала от ядовитой боли. О, эти воспоминания. Мертвые вены наполнены тоской и яростью, не кровью.

Как она могла попасться на уловку? Веры, как и звери, всегда чувствуют опасность. Но в тот раз Каризза ошиблась.

Тигрица слишком остро реагировала на близость желанного самца.

Его член тверд и готов для нее. Такие восхитительно-мучительные, глубокие толчки.

Бледные пальцы сжимают горло так сильно, и от воли Аларика зависит, сможет ли она сделать следующий вдох.

Принц заставляет ее нагнуться ниже, проводит ладонью по узкой спине — кожа смуглая, будто плоды миндального ореха, — и связывает руки Кариззы.

Укусы — завтра они нальются сливовым соком. Ее пылающее лицо прижато к шелку покрывала — прохладному, золотистому. Тигрица изгибается в томлении.

Нежные ткани лона саднят, принимая — какое наслаждение и какая мука — член дроу вновь и вновь.

Принц рывком ставит Кариззу на колени перед собой. Он держит ее крепко, и тигрица покоряется.

Ее ладони гладят узкие бедра, а губы касаются пряной плоти.

Все то время, что Аларик был в плену, тигрица забавлялась, принуждая его к соитию. Всегда необходима особая мазь, чтобы его член был возбужден. Но в тот день он имел ее, повинуюсь своему собственному желанию — разве нет? Трахал жестоко и больно. То, чего она хотела.

Глупая, глупая Каризза. Каждый раз, когда Аларик был в ней — он забирал силу ее прародителей. Капля за каплей. Из прикосновений ее рук, из ее стонов. Из ее соков.

А затем этот дроу убил ее, и его отец и его союзники не оставили от дома Кариззы камня на камне. О том, насколько был разрушен в дикой злобе Саон, тигрица могла лишь догадываться.

Они искали Аларика долгих три Круга. Он сын. Он верный друг, проверенный в боях.

И не укрыли шкуры предков. Не сберегли оборотней.

Сейчас ее палач сидит напротив. Взгляд ледяной, тяжелый. В его руках — она прекрасно помнит эти руки — простая глиняная чашка с нарисованным на ней гранатом.

Рубиновая жидкость. Вишня, гибискус, шиповник. И кровь ее брата. Этот запах теплой меди — удар наотмашь.

— Что ты сделал с Мариусом? — прищурившись, сдавленным голосом спрашивает тигрица.

— Пока что, он жив.

Аларик делает неспешный глоток. Наслаждается вкусом. И улыбка у принца такая, что Каризза искренне печалится: неужто никто и никогда не пояснял итилири, что значит «милосердие»?

Тварь.

— Пей.

Перед Кариззой — такая же кружка. Тигрица хмурится — неужто он серьезно? — и скидывает упрямо голову.

— Нет!

— Тогда я сам волью это в твою глотку, — тихо — как тих свист топора у шеи

приговоренного, — говорит принц.

Не лжет.

— Так. Шиповник — знак семейных уз. Кровь будет проводником.

— Нет! — что еще этот ублюдок задумал?

Хищные, плавные движения. Дроу сел на край стола, рядом с Кариззой. Сжал пальцами подбородок тигрицы, заставляя смотреть в свои глаза.

— Заткнись и слушай. Я позволю тебе поговорить со своим отцом. Скажешь ему, что если веры еще хотя бы один раз нарушат наш покой — пускай винят только себя. Я истреблю вашу расу. Ты все поняла?

Эта жестокость могла бы возбудить ее — будь обстоятельства другими. Никогда Каризза не любила вишен, а теперь — и вовсе возненавидит. Кровь вот — другое дело. Но не родная ведь. Тягуче, приторно, будто патока.

Ужасная тошнота. Лишь гордость позволяет хоть как-то бороться со спазмами. Ее сейчас вывернет наизнанку.

Запечатанные лаской пера голубки уста — дабы не сказала она лишнего. Белый цвет — знак очищения страданиями, которые претерпевают духи за свои деяния.

Аларик нежно гладит белоснежную голубку с глазами черными, будто самые порочные мысли.

Каризза, напуганная и ожесточенная, хочет сказать что-то — но покуда она нема. Девушка уменьшается до размеров рисового зернышка, поддетая клювом голубки, а затем — лишь ледяная вода.

Аларик откинулся в кресле и вытянул ноги, наблюдая с довольной улыбкой, как мгновенно растворился в пространстве силуэт птицы.

Еще один глоток рубинового напитка.

Все прошло хорошо. Стражники порталов мира оборотней не узнают, кто прячется в белоснежных перьях вестницы мертвых. В случае необходимости, это облегчит путь в Саон — голубка укажет безопасный путь, что позволит напасть внезапно.

К тому же, Каризза — прекрасная возможность спровоцировать веров, дабы те развязали военные действия первыми.

Если будет желание поиграть.

— Зачем ты лжешь? Почему улыбаешься, если чувствуешь себя усталым?

Выходя, Лидия закрыла за собой двери потайной комнаты, откуда наблюдала за разговором с тигрицей.

Аларик поднялся навстречу своей женщине.

— Неважно. Сейчас меня волнует другое.

Девушка коснулась своих губ кончиком пальца, пристально глядя на дроу. Разумеется, его волнует другое. Например, Его Высочество желал бы узнать, что Лидия почувствовала, увидев, как он плетет сеть повиновения, будто из собственных своих вен, и в венах этих течет сейчас не кровь, горячая, яркая, а студеная черная вода.

Испугалась ли вида Кариззы, тело которой раздавлено, будто перезревший сладкий плод?

Да, теперь она знает. Тонкие пальцы все еще крепко сжимают его каффу. Она видела его воспоминания.

Не совершил ли Аларик роковую ошибку, поделившись своим прошлым?

— Я не виню тебя, — изящная ладонь касается щеки принца. — Хитро придумано: воспользоваться ее влечением, дабы отвлечь внимание. В то время, как твой отец выламывал уже ворота дома.

Аларик закрыл на мгновение глаза и улыбнулся. Он чувствовал себя... Нет, вовсе не воином, истребившим всех своих врагов. И не завоевателем, принявшем под свою длань давно желанные земли. Нет. Он чувствовал себя просто счастливым.

Дроу прильнул к этой руке, позволяя себе слабость. Или любовь — это все же сила?

— Нет у тебя случаев воды с лимоном? Хочу пить.

— Конечно.

Горечь неясная, будто оттенок вкуса. Черный шоколад. Что-то не так? Аларик налил из кувшина воды в высокий узкий стакан, подал Лидии.

И его целительница тотчас же выплеснула злополучную эту воду ему в лицо.

Свежий аромат лимона. Горький шоколад разочарования.

— То есть вот так ты решил, да? Чудовище.

Лучше бы она кричала. Или бросилась на него, чтобы вырвать лживый его язык. Но Лидия совершенно спокойна.

— Ты заставил меня влюбиться в тебя. Наговорил красивых глупостей, обманом заставил дать клятвы. И только теперь я узнаю, как ты ведешь себя во время близости? Только сейчас?

Стакан разбивается о плиты пола удивительно тихо. Разлетается мелкими осколками.

Узкая ее спина неестественно пряма. В свете масляных ламп складки на бирюзовой длинной юбке кажутся морскими волнами, обманчиво-мягкими.

Лидия уходит.

Нет. Только не сейчас, когда она сама сказала, что любит его.

Дроу резко привлекает строптивицу к себе.

— Я веду себя подобным образом лишь тогда, когда намерен убить женщину после близости. Ты хочешь, чтобы я тебя убил?

— Что? — Лидия, кажется, ушам своим не верит.

— Убийство, — терпеливо повторил принц. — Жестоко я трахаю только тех женщин, которых собираюсь убить.

Лидия едва ли не шипит от злости. Он еще и шутить вздумал!

— Отпусти меня, — глаза целительницы теряют цвет, становясь почти янтарными.

Аларик держит ее лишь крепче.

— Моя вина.

— Конечно. Чья же еще? — язвительно говорит Лидия.

На руках принца появляются следы укусов, и огненная боль туманит разум.

Лидия насмешливо улыбается.

— То, что ты почувствовала и увидела, взволновало тебя. Вывело из равновесия. Но ты все равно узнала бы обо всем. Незачем лгать.

Поцелуи тают на ее пальцах, на ее запястьях.

Целительница опускает веки, и тени на ее коже, будто золотая пыль.

— Я не желаю ничего обсуждать сейчас. Мне необходимо отдохнуть.

Что же, пусть так. Молча дроу взял на руки свою женщину и отнес в ее спальню.

Преисполненный жестокой какой-то радости — наконец она, его любовь, знает, каков ее будущий супруг на самом деле — и кофе с медом, принц заставил себя выждать немного

(почему время течет так медленно?). Не находя покоя, он направился все же в комнату Лидии.

Удача принцу сопутствовала — как оказалось, целительницу уже сморил сон. Поправив одеяло, дабы его женщине было тепло — и воспользовавшись случаем запечатлеть поцелуй на бледных обнаженных коленях — Аларик лег рядом и закрыл глаза.

Пробуждение было, сказать прямо, не самым радостным. Воспоминания о произошедшем ночью сразу же принялись терзать меня. Я растеряна, опечалена, зла. И я в смятении.

Благо, что смогла хоть немного поспать, хоть и была уверена, что глаз не смогу сомкнуть. Но когда видишь, как твой мужчина занимается сексом с другой — это... лишает сил.

Мне необходимо все спокойно обдумать, мысленно вздохнула я. Но как это сделать, если перед глазами — только лишь та отвратительная, мучительная сцена?

Вдох. Выдох. Следует помнить, что пришлось пережить Аларику по вине этой твари. Она пыталась заставить его думать, будто он слаб. Бессилен.

— И ей не удалось.

Вздвогнув, я обернулась к двери. Видимо, я настолько погрузилась в свои размышления, что не услышала даже, как в спальню вошел мой принц. Поставив поднос с завтраком на прикроватный столик, украшенный резьбой в виде волчьих голов, он сел на мою постель, рядом.

— Не лезь в мои мысли, — холодно сказала я.

Шагнув на иной берег охраняющего ручья, я укуталась в близорукий ядовитый туман.

Как ни желала я обескуражить дроу, он, несомненно, к подобному повороту был готов.

— Во время последнего нашего разговора, лапушка, ты назвала меня чудовищем. И это действительно так. Но я не отпущу тебя.

Не замечая будто моего возмущенного взгляда, принц заботливо поливал для меня малиновым джемом порцию золотистых пышных блинчиков. Я потянулась почти безотчетно, чтобы коснуться его щеки. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь облечь в слова, а значит, признать реальность страданий этого дроу, о которых мне довелось узнать.

— Не смей мне угрожать, Аларик.

Наверное, сейчас откровенность — лучшее решение.

— Да, все это совершенно жутко, но я так восхищена твоей силой и твоей стойкостью. Я оценила это.

Этот наглец, улыбаясь, съел уже половину одного блинчика, а другую, нанизав на вилку, поднес к моим губам.

— Звучит изумительно. Скажи еще раз, что ты восхищена мною.

Попробовав предложенное, вкусом я осталась весьма довольна.

— Может быть, и скажу еще. Не о том речь, — мои пальцы замерли на запястье дроу. — Ты должен понять, насколько я опечалена, хоть это и случилось давно. И твоя жестокость...

— Кстати сказать, о жестокости, — эта нежная улыбка обещала самые страшные муки, — тебя беспокоит мое поведение во время близости? Позволь развеять твои сомнения.

Отложив трапезу, принц мягко обнял меня за плечи и заставил вновь лечь на спину.

— Что ты делаешь? — я попыталась встать, но ладони принца дразнили меня едва ощутимыми прикосновениями к шее.

— Тише.

— Прекрати!

— Нет, не думаю, — усмехнулся дроу.

Горячий поцелуй. Аларик прикусывает мою нижнюю губу. Касается моих ключиц и плеч, оставляя следы цвета яблочной карамели.

Мой мужчина плавным движением опускается ниже. Я ахнула, почувствовав, как холодит кожу шелк рубашки, скользя по коже.

Движения его языка и его пальцев стали одним из самых прекрасных открытий в моей жизни. Желала ли я уйти сейчас от Аларика? Да. Но еще больше мне хотелось остаться.

Я извивалась под его ласками, и руки мои путались в черных волосах. Удовольствие было тяжелым, густым, будто розовое масло. Аларик целовал, лизал плоть самого сокровенного места моего тела, бесстыдно наслаждаясь мною.

Ох, это было невероятно чувственное переживание. И подумать не могла, что Аларик будет творить подобное.

— Этот опыт — одна из причин, по которым я с таким нетерпением ждал, пока ты войдешь в возраст. Очень хотел попробовать.

Принц развалился на кровати и выглядел очень довольным. Очень. Я же в смущении закуталась в одеяло и раздумывала над тем, что лучше мне так и оставаться. Пока, по крайней мере.

— Прекрати свои шутки!

В Аларика полетела маленькая подушка. Мимо.

— А я и не шучу.

Принц обнял меня и посмотрел в глаза. Он действительно совершенно не смеялся.

— Как я и сказал — я не отпущу тебя.

— Если ты вздумаешь тронуть меня хоть пальцем — у твоего народа будут серьезные проблемы с магами. Не говоря уж о моей семье, — спокойно сказала я. Разумеется, я знала, что Аларик никоим образом не причинит мне вреда. Но эти словесные игры очень забавны.

В любом случае, какие там политические интриги. Гораздо больше в данный момент меня волновало, было ли мое белье достаточно привлекательным. Мягкий хлопок голубого цвета, кажется, подходящий материал. Но что Аларик подумал о нем и... о моем теле? Нет ничего постыдного и дурного в близости — это ведомо каждому целителю. Но как женщина, я очень волновалась. Я ведь даже не была в ванной...

Дроу заглянул в мое убежище. Ох, какой красноречивый ироничный взгляд.

— А мне показалось, касания пальцев тебе нравятся.

Аларик самым возмутительным образом улыбался.

— А уж я — так был просто в восторге.

Коснувшись поцелуем виска дроу, я вдохнула сандаловый запах его кожи.

— У меня есть еще одна идея, которая, без сомнения, тебе также понравится.

— Как интересно. И что же это? — сейчас, под влиянием эмоций, гласные в речи принца стали еще более карамельно-долгими.

Поднявшись, я села на кровати. Скользнула ладонями по груди принца, а затем — еще ниже, к бедрам. Брюки из черно замши явно лишний элемент — но не о том сейчас. Улыбаясь невинно, я расстегнула ремни крепления ножен и забрала его нож.

— Это на случай, если вдруг в нашу первую ночь ты станешь вести себя... по-иному.

Полуприкрытые веки скрывают темный взгляд.

— Уверена, что сможешь меня ранить?

— Если будет необходимость — думаю, да, — ответила я, рассматривая клинок.

Аларик тихо засмеялся. Он доволен и восхищен. Мною. В этой неге мой принц

прекрасен, как никогда.

Он берет меня за руку. Да, нам обоим многое предстоит узнать о мужской силе и женской хитрости, но кажется, мы справимся.

— Я уже говорил, что безумно люблю тебя?

— Говорил, — я повернулась к нему и оперлась щекой о согнутую в локте руку. — Мне вот что интересно. Ты хорошо отдохнул? Твоя кожа все еще бледнее обычного.

Я положила ладонь на лоб Аларика. Температура, кажется, нормальная — для дроу. А вот линии течения энергий, земных особенно, тусклы.

— Вызывать тех, кого убил сам, всегда сложнее. Чувство вины забирает много сил. Потому уж мы, итилири, такие равнодушные ублюдки, — Аларик усмехнулся. — Вопрос выживания, ведь почти все способности моей расы завязаны на общении с мертвыми. Например, я могу даже забрать на время любую способность любого ушедшего — но потом меня выворачивать будет часа четыре. Подозреваю, что это не самое приятное зрелище. Но власть принуждать налагает серьезную ответственность, и откаты весьма неприятные.

Принц, едва заметно улыбаясь, смотрел в мои глаза, желая увидеть, как яотреагирую на его слова.

— Ты таков, какой ты есть, и другим уже не станешь, — я гладила ладонью его волосы. — Не могу тебя осуждать, не побывав на твоём месте. Но я хотела бы знать: ты ведь не мучил невинных только ради развлечения?

— Нет, — совершенно серьезно ответил Аларик. Сев на кровати, он потянулся к столику, взял себе одну чашку с черным чаем, сдобренным молоком, и предложил мне глоток. — Я был слишком занят, мучая виновных.

— Что ты имеешь в виду? — удивленно взглянула я на дроу.

— Если уж время откровений, то куда деваться, расскажу, — усмехнулся принц. Заинтригованная, я села на колени к Аларику и устроила голову на его плече.

— Однажды в Саоне, столичном городе веров, воины двусущих напали на представительство итилири — в то время между нами еще существовали торговые отношения. Помнится, в тот раз наши ремесленники привезли прекрасные изумруды и серебро, чистое, будто лунный свет. Мой отец, разумеется, очень оскорбился. Желание мести, как говорят, оно в костях — так просто не вытравишь. Королева пожелала быть рядом с ним в том походе.

Принц коснулся поцелуем моей щеки, замолчав на мгновение.

— Мой отец очень любит мою мать. Гораздо больше, нежели самого себя. Моя матушка, в свою очередь, без ума от супруга, а вдвоем они любят...

— Тебя? — спросила я.

— Меня. И ходить по острию лезвия. В тот раз король своей королеве отказать не смог. Я знаю, что он винит себя за это по сию пору. Потому как тогда королеву убили. Исполосовали острыми когтями.

Спокойный тон голоса Аларика способен был, кажется, замедлить ритм моего дыхания, но то, что он сказал только что о Мирабелле...

— Убили? — я повернулась к своему мужчине. — Но ведь она здесь, с нами сейчас. Как такое может быть?

Дроу улыбнулся, закрыв глаза.

— Да, здесь. Потому что отец смог вызволить ее дух из Серых вод.

— Как?

— Он уничтожил тогда почти половину Саона. И когда вернулся... Как рассказать, не представляю.

Молчание густое, плотное, будто патока.

— Он держал матушку на черных от крови руках, а в его волосах запутались ивовые ветви и вырванная чья-то трахея. Король спрашивал, где же его Мирабелла могла найти столько ягод брусники, которые испачкали ее — не сезон ведь. Я, сам почти уничтоженный, мог лишь верить, что отец справится с этим испытанием. И он справился. Мы нашли утешение друг в друге. Но король Илиас, правитель дроу, не был бы собой, если бы у него не появился совершенно самоубийственный план. Он убил девять сильных оборотней. Затем — девять светлых эльфов. Девять драконов. Девять орков. Привязал каждый дух к определенной игровой карте, согласно представляемой стихии. Очень долго вкушал тогда он одно лишь молоко, и много часов провел, снося порывы ледяного ветра и града, чтобы очиститься. А затем убил себя, и, явившись к Владыке океана ушедших, предложил сыграть. Развеять его скуку. И тот согласился.

О, этот сладкий привкус молока. Я отставила чашку, готовая слушать дальше.

— Игра в тот раз была азартной — отец говорил, что чувствовал, как рвутся нервы, будто шелковые нити, — но ему удалось одержать победу. Хитростью ли, или просто потому, что он не мог проиграть. Владыка отпустил королеву, но поставил условие: искупление они будут терпеть вместе. И когда отец с матушкой вновь оказались в родных землях, они были слабы из-за этого.

Искупление. Лозы, оплетающие тело, разрывающие плоть.

— Это и были смутные времена. Соплеменники тех, кем мой отец пожертвовал ради жизни своей любимой, напали на Феантари. В те дни я был еще очень молод, и это оказалось жестоким уроком. Но Ссешес и Камео стали моими самыми верными помощниками. Жрец питал моих родителей силой зверей Севера, над которыми он имеет власть, и король с королевой воевали вновь, презрев мучения.

Так вот почему волосы Камео украшают когти и клыки.

— Я понимал отца. Но и понесшие утраты были в своем праве. Были выплачены большие откупы. Кроме того, воины итилири помогали светлым и драконам в борьбе против веров и орков, которые, воспользовавшись ситуацией, задумали грабить их земли. Оказалось, что мы можем быть весьма полезны друг другу. А то, что случилось ранее — рассыпалось пылью на тех дорогах, что мы прошли вместе. Захлебнулось кровью, которую проливал каждый из нас. Вот, лапушка, и вся история.

— Лоза? — спросила я.

— Лоза.

— Я буду рядом, чтобы вновь собрать тебя воедино, пусть даже нитями своих вен.

Что еще могла я сказать?

— Необходимо, кстати, в последний рах поменять повязки с нять швы с твоих ран.

Итак, потянуться руками к полу, мягко выдыхая. Я невольно улыбнулась, вспомнив, как восхищался Аларик моими длиннопалыми ступнями. По его мнению, они изящные, белые, будто сахар. Надо сказать, его комплименты побуждали меня по-иному взглянуть на собственное тело. Пришло бы мне раньше в голову восхищаться собственными пальчиками? А теперь вот гляжу — да, действительно, красивые будто. Воистину, прав был мой наставник, утверждая, что если ты любишь и ценишь свое тело, найти гармонию между

физическим и ментальным гораздо легче.

Закончив выполнять свой комплекс гимнастических упражнений, я направилась в ванную.

Воск стекает прозрачными горькими каплями по свечам, смешанный с медом и высушенными, истолченными в пыль цветами горечавки. Вода нежит меня в своих объятиях. Из всех сил я стараюсь сохранять спокойствие, но выходит, прямо говоря, не очень хорошо. Завтра я стану женой. По обычаю, мы с Алариком должны провести эту ночь порознь, но у нас — особый случай. Нынче время Перелома. Время, когда Мудрейшая голодна, и во сне, как это бывало и раньше, Она указала мне на девушку, чье молоко ей желанно.

Надо сказать, избранница была прелестна. Невысокая, хрупкая. Кожа почти прозрачная, будто мякоть позднего ароматного яблока. Слегка раскосые светло-зеленые глаза, копна рыжих волос, необыкновенно длинных, и очень милая щербинка между передними центральными резцами.

Девушка непроста. Огонь ее болотный, зеленоватый. Обманчивый, такой и в топь завести может.

Она человек. А сын ее — кажется, не совсем. Я не могла в толк взять, что это все значит, пока Аларик не подсказал мне. Я поделилась с ним воспоминаниями, и он сказал:

— Это ведь Анна. Супруга правителя орков. Я видел ее во время вылазки в их земли со своими воинами.

Что же, выбором Хаиша я вовсе не удивлена: хоть Анна людского племени и способностей магических у нее нет, уверена, несомненная сила духа это с лихвой искупает.

— Я буду рядом, моя драгоценная, — заявил принц. — Тем более, что у меня есть идея, как сделать так, чтобы никто тебе не помешал. Насколько я могу судить по обстановке, в которой ты видела Анну, она сейчас навещает своих родителей. Наверняка, ее сопровождают воины орков.

Ситуация необычная. Я всегда была одна, направляясь по столь деликатному делу, но учитывая обстоятельства, матушка заявила, что Мудрейшая не против помощи друу.

Даже невзирая на неоднозначную реакцию, которую вызвал мой эмоциональный пересказ той истории, которую я узнала от Аларика. Конечно, вернувшись в родной дом, я рассказала родителям все — и о знакомстве с союзниками друу, и о той ситуации с Кариззой (один из самых тяжелых разговоров, признаться, который легче не мог сделать даже зеленый чай с жасмином), но особое внимание я уделила прошлому королевской семьи.

С одной стороны — боль утраты. Скорбь. Но это дикое сумасшествие... Оправдано ли?

— Он заплатил за это, не так ли? — напомнила я сэру Томасу. — Илиас дал крепкое обещание своему сыну: он не совершит подобного более. Король предпочитает теперь жестоким убийствам — купания в холодной воде.

Отец и матушка с удивлением взглянули на меня.

— Какая связь?

— А вот так, — я улыбнулась, вкладывая в руку леди Сиенны глянцевитое, бордовое яблоко, — король отдает воде гораздо больше энергии, нежели необходимо. Стихия усмирит вспышку гнева, случись что. Сдержит его.

Матушка опустила руку, отец потянулся навстречу ей, и пальцы моих родителей переплелись на верхушке соблазнительного плода.

— Родная, мы были готовы к чему-то подобному, — тихо сказала леди Сиенна. — Мы всегда учили тебя тому, что страх не должен управлять твоими поступками и твоими

желаниями. Но мы обязаны принять все возможные меры, дабы тебя защитить — даже если ты много времени будешь проводить здесь, с нами. Потому пускай это будет с тобой всегда.

Матушка протягивает мне массивный перстень с изображениями змей, нарочито грубыми.

— Внутри — особая мазь. Рецепта ее я не могу открыть, скажу лишь, что она позволит тебе мгновенно принять облик змеи — и ускользнуть. При необходимости. Нанеси немного на выступающий позвонок у основания шеи. Мазь мгновенно впитается в кожу. В нужный момент останется лишь сказать активирующее слово.

Разумеется, я намеревалась последовать этим наставлениям. А что касается вольностей, которые я позволила себе... Думаю, их с леди Сиенной мы обсудим особо. Когда-нибудь.

Да, моя жизнь, определенно, стала более насыщенной и непредсказуемой с той поры, как в ней появился Аларик. И сейчас мне стоит покинуть ванную, дабы привести себя в порядок до прихода моего принца, и вместе мы отправимся в мир людей, к Анне.

Сборы потребовали немалых затрат времени и усилий, но в итоге своим отражением в зеркале я осталась довольна. Волосы, завитые в локоны, свободно струились по плечам и по спине. Подведенные черным глаза буквально светились, а темно-вишневая помада подчеркнула рисунок губ. Разумеется, это была особая помада, которая благодаря добавлению в формулу травяных соков приобрела совершенную стойкость.

Из своих нарядов для сегодняшней ночи я выбрала изящную белую блузку и жаккардовый костюм, состоящий из пиджака и юбки. Ткань была кремовой, с тонкими полосками синего и зеленого цвета. Из украшений — лишь брошь в виде лилии, как знак чистоты намерений. Я лишь вкушу молока, и это ни в коей мере не принесет вреда малышу.

Последний штрих — любимый аромат с нотами фиалки и мха.

— Ты выглядишь так прекрасно, что я готов тебя съесть.

Аларик становится позади меня и целует в шею. Надо признать, дроу и сам был очень хорош в черных брюках, синем джемпере, черной кожаной куртке и тяжелых ботинках. Хищник на отдыхе.

— Ах, нет, мое любимое чудовище, не ешь меня, — с трепетом говорю я, — как же тогда я смогу покрасоваться в своем великолепном свадебном платье?

— Платье? — удивляется дроу. — Ну что же. Уважительная причина. Я дарю тебе жизнь.

Отвечая на поцелуй моего мужчины, я думаю, что, пожалуй, он и правда не прочь меня съесть. Аларик достаточно силен для этого и, возможно, даже способен пережить мое сопротивление.

— Итак, ты готова идти?

Я глубоко вздохнула.

— Да, несомненно. Сразу после того, как ты расскажешь мне о своей идее, которая сделает наш визит в мир людей едва ли не развлекательной прогулкой.

Аларик понимает правильно мой невысказанный вопрос. Улыбается иронично и указывает рукой на свою сумку-планшет, которую оставил на кресле, зайдя в мою комнату.

— Никто не умрет. Они просто уснут.

Уснут?

— На время. Не волнуйся. Я не собираюсь мешать. Сегодня твоя ночь.

— Прекрасно, что ты это понимаешь, — мягко улыбнулась я.

— Все-таки съем, — вкрадчиво сказал Аларик.

Я подошла к дроу и обняла его за шею.

— Пора.

Осталось лишь надеть сапожки на высоких каблуках и теплое пальто. Ласковый поцелуй матушки — и мы с моим принцем выходим под открытое небо.

В моих руках — свеча, обернутая сброшенной змеиной кожей. Серая чешуя тускло мерцает перламутром в темноте. Я произношу слова открытия перехода — резкие, будто шипение. Всегда они вызывают у меня ощущение капель ледяной воды на коже.

Мир людей встретил нас тихим дождем и аппетитным запахом свежее выпеченного кукурузного хлеба. Оглядевшись, я вижу, что исходит он из булочной, работающей в столь поздний час. Наверняка, пекари готовятся порадовать утром своих покупателей вкусным.

Мы с Алариком огляделись, чтобы оценить, нет ли угрозы. И не зря. Парадную, в которую мне необходимо было войти — я узнала ее по едва заметному зеленоватому свечению, знак, который всегда подавала мне Мудрейшая, — охраняли два орка. Действовать необходимо быстро, потому как планировка двора не оставляла нам путей отступления, и уже очень скоро охранники неминуемо должны были нас заметить, невзирая на то, что находились мы за углом. Не останемся же мы неподвижны. Благо, что огонь моей свечи погас и не выдает нас.

Обычно, направляясь по столь важному делу, я использовала возможности змеиного взгляда, которым на эту ночь я была наделена. Те, на кого я глядела, не имели силы сопротивляться, а после того, как я уходила — не помнили ничего. Но сейчас особый случай — тренированные воины, да и кто знает, сколько их еще внутри дома?

— Сейчас решим проблему, — шепчет мне на ухо Аларик.

Сохраняя безмятежность, он вынимает из своей сумки череп. Кладет на него ладонь и начинает что-то очень тихо говорить. Так сладки эти слова, но мед отравлен — я чувствую. Не остается ничего, кроме этого голоса, и все равно даже, что я падаю. Так хочется спать...

Я едва прихожу в себя. Мой принц поворачивается ко мне и улыбается:

— Вот и все.

Я вижу, что орки уже лежат на земле безо всякого движения. Надеюсь, они не мертвы.

Рука в руке, мы с Алариком идем к парадной. Мне очень нравится этот дом из темно-серого камня: он старый, и явно видел много разных историй. Декоративные элементы просто чудесны: на решетке одного из балконов застыл паук из темного металла, под окном — вырезанные в камне листья папоротника и грибы, а на арке у входной двери — сомы и змеи.

Все здание окутано туманом, и я ощущаю запах болотного ириса — землистый, глубокий, пряный.

Принц открывает дверь передо мной. Мы поднимаемся по лестнице, и ковер скрадывает звук наших шагов. Фигуры на оконных витражах наблюдают за нами, и я прикладываю палец к губам, призывая их к молчанию.

Вот и та самая квартира. Одно прикосновение моих пальцев — и ручка поворачивается покорно, впуская нас.

Как и ожидалось, мы увидели еще четырех воинов орков. Но разумеется, опасности для нас они уже не представляли.

Ах, как прекрасны плавные движения Аларика. Я тянусь, желая обнять своего мужчину, но вдруг мое внимание привлекает манящий, невероятный запах. Не в силах сопротивляться соблазну, я пошла вглубь коридора и открыла высокую двустворчатую дверь.

Да, Анна была здесь. Она лежала на кровати, обнимая свое дитя.

Ее лицо благородно, будто водяная лилия. Малыш же — определенно, сын своего отца. Кожа у него светло-оливковая. Еще такой кроха, а черты уже резки, сообщая о спящем до поры огненном и дерзком нраве. Улыбнувшись, я поцеловала пухлую щечку.

Прохлада шелка темно-синего покрывала. Ровное, спокойное дыхание. Я провожу ладонью по шее девушки, спускаюсь ниже, ощущая твердость ежевичных ветвей ее ключиц. Какая мягкая, бархатистая плоть.

Развязываю пояс ее легкого халата. Очерчиваю кончиком пальца линию груди и приникаю губами к нежному ореолу персикового цвета. С благоговением целую.

Молоко — кремное, густое, пахнущее ванилью, течет по моему горлу.

Нет, уже не по моему. По горлу Мудрейшей.

Ровно тринадцать маленьких глотков.

Я еще раз касаюсь кончиком языка затвердевшего соска, вытираю тыльной стороной ладони губы и поднимаюсь с кровати. Я еще раз касаюсь пышной груди с полупрозрачной кожей, под которой выделяются нити вен цвета черники, и запахиваю халат Анны.

Оборачиваюсь — и вижу в дверном проеме Аларика. Он смотрит на меня, не мигая. Я улыбаюсь едва заметно в ответ. Интересно, ему нравится, как изменились сейчас мои зрачки?

Принц подошел ко мне, притянул резко к себе и поцеловал. Он прикусил мою губу, но эта боль казалась очень приятной. Я сжала пряди его волос, желая, чтобы дроу был еще ближе.

— Возвращаемся, — выдохнула я.

В голове шумит, будто хмель. Убедившись, что мы благополучно вернулись, отец и матушка настояли, чтобы я отдохнула — завтра ведь предстоит много волнений. Разумеется, Аларик вызвался проводить меня в комнату — и получил разрешение. Без родительского наблюдения нас не оставят, уверена.

Я чувствовала спокойствие и безмятежность, как всегда после кормлений, и двигаться не хотелось вовсе. Принц усадил меня на кресло и принялся расшнуровывать ленты на моих сапожках.

— Если бы я уже не любил тебя, увидев во время того, как ты питалась — влюбился бы точно. Ты так нежна, — Аларик скользнул руками по ткани юбки, поднимая ее, и прижался к моим коленям.

Я смущенно опустила глаза.

— Рада слышать эти слова.

Дроу все не отпускал меня.

— Когда ты поцеловала сына Анны. Знаешь, о чем я подумал?

— О чем же? — я мягко погладила волосы моего мужчины.

— О том, что в свое время ты станешь целовать нашего ребенка.

Я наклонилась, чтобы прижаться щекой к его щеке.

— Невероятная картина.

Думаю, это верные мысли. И я сделала верный выбор, решив пройти свой путь с ним.

Попрощавшись со мною нежно, Аларик отправился в Феантари, а я попыталась хоть немного отдохнуть, усмирив все мысли и волнения.

Но это не было просто. Невзирая на все попытки выспаться, поднялась с кровати я довольно рано, ибо переверачиваться с боку на бок сил больше не было.

Я боялась. Я была в экстазе. Я пребывала в ужасе, и руки мои тряслись так, что лимонный чай едва ли не весь оказался на столе.

— Вспоминаю сейчас день свадьбы с твоим отцом, — улыбалась матушка, глядя на меня.

— Вы также и кусочка съесть не могли? — вздохнула я.

— Три дня едва ли не голодала, — кивнула леди Сиенна.

— Родная, все хорошо. Тебе стоит успокоиться, — отец легко обнял меня за плечи. — Расскажи о том, как все прошло вчера.

Это действительно немного отвлекло меня. Я рассказала родителям обо всех

подробностях вчерашнего нашего с Алариком пребывания в мире людей.

— Дух мертвеца, чей череп он держал в руках, заставил заснуть всех, кто был в том доме. Мы шли в полной тишине, и мы были заодно. Вместе. Оказавшись в комнатах, я ощутила, как манит меня запах Анны и ее дитя. Девушка была так очаровательна, и молоко ее — сладким. Аларик наблюдал за мной, чтобы защитить при опасности. Когда мы вернулись, он сказал, что восхищен. Мною.

Что и говорить, вспоминать его эмоции, ощущать вновь их вкус было очень приятно. Я сразу же почувствовала себя лучше.

Час был еще ранний. Но как определить, сколько это — «достаточно» времени для девушки, которая хочет предстать перед своим мужчиной во всем блеске?

Я не находила себе места. Я вздыхала, заламывала руки, меня бросало то в жар, то в холод. Думала было еще поспать, но простыни из тонкого льна, всегда столь приятные к коже, сейчас вдруг царапали.

Сейчас мне кажется, что я совершаю ужасную ошибку, а уже в следующее мгновение — дожждаться невозможно встречи с моим принцем.

Меж тем, за окном темнело. Снег падал плотный, будто рисовый пудинг. Следуя обычаю, на домашнем алтаре мы принесли в дар красное вино — как напоминание о родильной крови Матери (особым ликом которой является и Мудрейшая), что дарует всем в этот сезон новое солнце, и традиционный пирог с апельсиновой цедрой, корицей, цукатами и вишнями, для поддержания Ее сил.

Позже настало время дел мирских.

Для начала — ванна с маслом лаванды, чтобы немного успокоить нервы. Кроме того, необходимо убедиться, что лосьон для удаления нежелательных волос действует эффективно. Как бы то ни было, перед приходом моих сегодняшних помощниц из Союза мастериц изящества и красоты, я уже вполне владела собой.

Комната наполнилась девичьим щебетаньем, смехом и множеством баночек с самыми различными средствами для наведения красоты. Девушки развлекали меня, но творить свою магию не забывали, и когда после всех проведенных со мной манипуляций я взглянула на себя, то не смогла сдержать удивленного вздоха.

Макияж был в цветах ярких, но не кричащих, а природных и изысканных. Черные стрелки на веках и тушь на ресницах. Темно-шоколадные тени сделали глаза еще больше, рисуя хищный даже немного разрез. Подчеркнутые умело скулы и идеально ровный, фарфоровый благодаря пудре тон кожи. Идеально очерченный контур губ оттенка багряных розовых лепестков. Волосы собраны в пучок на затылке, открывая лицо. Лак для маникюра и педикюра — цвета черной смородины. Я редко использую краску на руках, потому как ингредиенты растительного происхождения могут помешать мне чувствовать линии энергий, но сегодня позволила себе вольность.

Из украшений, посоветовавшись с матушкой, я выбрала серьги из темных рубинов с подвесками и подобного же стиля широкие браслеты.

Леди Сиенна, кстати сказать, явно вознамерилась покорить своей красотой весь мир итилири. Она предпочла платье приталенного силуэта из парчи, длиной немного ниже колена. Обманчивая простота кроя компенсировалась рукавами с небольшими буфами и зеленой тканью, которая мерцала, будто змеиная чешуя. Макияж у матушки легкий, в кремовых и розовых тонах, а светлые волнистые волосы собраны в свободную косу причудливого плетения. Золотые массивные серьги, привлекающие внимание к изящному

овалу лица, и высокие каблуки. Отец же, принимая во внимание торжественность случая, добавил в свой облик элегантности: серые брюки, рубашка в тонкую полоску оливкового оттенка, вязаная кофта глубокого зеленого цвета, черный галстук-бабочка и черные же замшевые туфли на шнуровке.

И конечно же, безделушки, как называет их отец. На указательном пальце левой руки матушки — кольцо с выступающей острой пластиной, изогнутой мягко, будто волна. В кармане сэра Томаса — сантаса, металлический короткий стержень с острыми четырехгранными концами и кольцом для пальца, закрепленным посередине.

В зеркале я заметила, как леди Сиенна, обняв супруга за шею, шепнула ему что-то. Слова я не расслышала, но, судя по вмиг потемневшему взгляду сэра Томаса, это было нечто очень приятное. И очень личное.

Ради того, чтобы Аларик смотрел на меня так же, я готова была даже вынести ритуал надевания платья. В этом мне помогала только леди Сиенна. Не хотелось, чтобы мое белье видел кто-либо еще. Но ведь супруг его увидит в любом случае? Мне стало жарко. Белоснежное кружево и тот самый нож на бедре.

Пальцы мои вновь дрожали, когда я застегивала пуговицы на корсаже. Мария постаралась на славу, и подъюбники, хоть и были накрахмалены до жесткости, ничуть не мешали двигаться, да и сам наряд выглядел именно так, как мне мечталось.

Ботильоны из полупрозрачной плотной ткани, открывающие пальчики, вуаль — и я готова.

— Нет, я не готова. А вдруг это все — ошибка?

Я сижу на диване, пытаюсь справиться с подступающей паникой.

— Отменим свадьбу, — спокойно говорит матушка. — Хочешь этого?

— Нет, не хочу, — признаю я, на мгновение задумавшись.

— Такие эмоции совершенно нормальны, — улыбается леди Сиенна.

Родители садятся возле меня. Моя правая ладонь — в руке отца, левая — в руке матушки.

— Мы волнуемся не меньше твоего, — говорит сэр Томас. — А может быть, и более.

Я опустила глаза. В такие мгновения особенно ясно осознаешь, что такова жестокая суть законов жизни — твоим родителям суждено уйти раньше тебя. И мысли эти столь мучительны, что ты прячешь их за сами крепкими дверями в своем сознании.

— Великолепно выглядишь, девочка.

Мирабелла внимательно оглядела меня, склонив голову к плечу, и улыбнулась.

— Могу вернуть комплимент, — сказала я. — Присутствующие, несомненно, будут восхищены своей королевой.

О да, ей очень к лицу и лиловый бархат длинного платья, что льнет мягкими складками к бледной коже ключиц, и венец с темно-багряными, черными почти гранатами.

— И своей принцессой, — Мирабелла засмеялась. — Я пришла, чтобы соблюсти обычай и открыть переход, но время еще есть.

Мы с матушкой переглянулись — к чему клонит королева?

— Я хочу поблагодарить тебя, Лидия.

Мирабелла села в кресло рядом со мной.

— Ты могла испугаться того, что узнала об Аларике. Имела на это право. Но мои надежды осуществились, и ты потянулась к нему столь же сильно, как его тянет к тебе.

Родители замерли у стола, вслушиваясь, как и я, в мурлыкающие интонации низкого голоса королевы.

— Я так рада, что мой сын выбрал для себя столь достойную женщину. Не только сильную, с благородной кровью, но и способную понять его. Спасибо, что ты с ним.

— Должна признать, что я и сама весьма довольна, — я коснулась ладонью щеки, скрывая смущение.

Королева встала и протянула ко мне руки. Я подошла к ней, и мы заключили друг друга в объятия.

Ее Величество, как и мой отец, предпочитала скрытое оружие. Совершенно не удивлена.

Впрочем, время нашлось не только для изъявления чувств. Матушка и Мирабелла выпили по чашечке кофе с апельсиновым ликером, пока слуги королевского Дома переправляли отобранные вещи в наши с Алариком покои.

Разумеется, кофе — это напиток, не терпящий неуважительной суеты. Но вот сделан последний глоток, и наступает миг желанный — и жуткий.

После перехода пальцы мои так холодны, что я удивляюсь, как не появилась на них снежная глазурь.

Мы оказались в темной комнате, освещенной лишь одним масляным фонарем в виде лилии на каменной стене. Две резные лавки из черного дерева покрыты кремовым льном.

— Мне подумалось, что тебе необходимо несколько мгновений покоя перед тем, как выйти к своему будущему супругу.

Выйти? Как же мне найти смелость? Ведь Зал торжеств, который находится за дверью этой комнаты — так велик, и гости уже собрались. Сквозь витражи с изображенными на них гранатовыми деревьями я вижу Аларика. Рубашка цвета смальты, черные брюки и высокие сапоги из тонкой кожи. И эти строгие, жестокие линии венца на его голове.

— Он ждет.

Мирабелла касается губами моей щеки и выходит.

Да, он ждет меня.

Приглашенные встают и склоняют головы, приветствуя свою королеву.

Аларик, не отрываясь, смотрит на дверь, за которой я притаилась. И уверена — он меня видит.

Закрываю глаза и говорю:

— Что же, деваться некуда.

Матушка опускает вуаль на мое лицо, и я распахиваю дверь. Делаю первый шаг.

— Сэр Томас Блаэри, леди Сиенна Блаэри и мисс Лидия Блаэри, невеста Егс Высочества принца Аларика Астис, — объявляет распорядитель.

Шорох одежды. Приглашенные вновь поднимаются со своих мест.

Зал торжеств встречает нас звуками чужих голосов и прохладным спокойствием зеленого. На малахитовых стенах пляшут отражения огоньков церемониальных свечей, воск которых смешан с маслом лотоса. Тусклый свет, будто кокетливая красавица, любит себя своими отражениями в металле мечей и боевых топоров. Но лишь одно неверное движение — и смертельное оружие ранит прозрачные пальцы.

Мелодия, густая и мягкая, будто патока, разливается в воздухе. Я чувствую обращенные на меня взгляды и радуюсь, что вуаль достаточно плотная.

Справа и слева от возвышения, на которое ступает Мирабелла, в четыре яруса

полукругом расположились места для приглашенных. Я замечаю вана Альберта с супругой, мэтра Фредерика и других магов (они прибыли раньше, как было оговорено, с Ссешесом и Камео).

Поднимаю высоко голову и иду нарочито медленно. Если уж хотят разглядывать — пускай.

Но Аларику плевать на все тонкости этикета. Когда я почти уже приближаюсь к нему, мой принц сходит с возвышения, где стоял все это время, подходит и берет меня на руки — я охнуть даже не успеваю.

— Здравствуй, — шепчет мне на ухо этот наглец.

— Это положено — допускать такие вольности?

— Нет, это я так хочу.

Аларик доволен, будто зверь после удачной охоты. Вот уж действительно, деспотичное чудовище.

Обняв своего мужчину за шею, я одними губами сказала матушке и отцу: «все хорошо». Родители, переглянувшись, едва заметно улыбнулись друг другу и заняли свои кресла, рядом с королевской четой.

Аларик, вернувшись на свое место, опустил меня на пол — но руки, между тем, не отпустил.

Музыканты замолкают.

— Я желаю принести клятву верности этой женщине.

— Я желаю принести клятву верности этому мужчине.

Сейчас только ладонь дроу не дает мне упасть.

Леди Сиенна и Камео поднимаются медленно и приближаются к нам.

— Волк слышит вас, — серебряная вышивка на черной тунике Жреца — будто иней, и кажется, что его свободно распущенных волос касается неощутимый нами ветер.

— Змея слышит вас, — произносит матушка. Меня бросает в дрожь от ее неуловимо изменившегося голоса.

— ... обещаю стать иглой, что закроет края твоих ран...

— ... я буду вином и хлебом, дабы могла ты утолить голод свой и свою жажду...

— ... стану огнем, что согреет тебя...

— ... я буду студеной водой, что усмирит твою боль...

— ... и если изольется семя мое не в твое лоно, пускай убьет меня Змея, что покровительствуют тебе...

— ... и если понесу дитя я от другого, пускай своими клыками разорвет горло мое Волк, что покровительствует тебе...

Полновесные, драгоценные слова клятв путались в паутине вздохов и дрожащих рук.

Я верю своему мужчине. И он верит мне.

— Пусть будет так, — леди Сиенна поднимает веки. Глаза ее подернуты опаловой дымкой. — Способны ли вы достойно вынести боль, которая встретится на вашем пути?

— Да.

— Да.

Принц отпускает мою руку, делает шаг вперед и улыбается — той самой своей улыбкой, от которой у меня начинает кружиться голова.

Ритуальные пластины в тонких пальцах матушки скользят болезненной лаской по боковым верхним резцам Аларика. Жрица довольна — дроу переносит обряд совершенно

спокойно.

Принц приближается и поднимает мою вуаль. Смотрит так, что я понимаю: присутствие здесь и сейчас кого-либо, кроме нас, он считает излишним.

Наши мнения совпадают. Но не время еще.

Далее — моя очередь продемонстрировать свою силу воли.

Да, в манипуляциях с зубами приятного мало. Но гораздо больше меня занимает иное.

Куница ведь, надевая в пору снега другой мех, остается куницей. Вот и я оставалась собой — целительницей, следующей за своим долгом. Дочерью своих родителей. И теперь — женщиной, которая обрела своего мужчину. Но коготки мои стали острее, и раны наносить они способны более глубокие.

Вновь незабвенный запах меди с мертвенно-сладким оттенком — я расцарапала шею моему принцу.

Мои ладони на его скулах. Аларик обнимает меня так крепко, что кажется, на ребрах моих появились трещины, будто прожилки на листьях.

Порезы на ладонях, нанесенные Камео, ровны и глубоки. Поцелуи мы разбавляем кровью, смешанной с гранатовым соком. Я и мой принц пьем из чаши по очереди.

На пальце дроу — мое кольцо, и это, без сомнения, очень важно. На моем же — тяжелый перстень из черного серебра, камень в нем мерцает багровыми искрами. Глубокий вздох. Теперь он никуда от меня не денется. Как и я от него.

Внешний мир вновь обрел значение, и внезапно я поняла, что сейчас время для поздравлений приглашенных. Благо, гостей немного, ибо каждому необходимо уделить внимание.

Советники, главы гильдий и союзов смотрели на меня открыто и не опускали глаз, если замечали мой ответный взгляд. Они все были разными: мужчины, женщины, умудренные опытом и в расцвете юности — но волосы их исключительно либо черны, либо белы, без оттенков. Любопытная деталь.

Но я не поддаюсь страху. Мои родители рядом. Королевская чета обняла меня с трепетом, как и своего сына. Это ободрило и придало сил.

Очевидно, что каждый из гостей решил продемонстрировать свое мастерство во всем его совершенстве, и потому виноградные янтарные лозы, изображенные на тончайшем фарфоре посуды, казались живыми, а вытканые на гобелене олентя будто ждали угощения из моих рук. Глава гильдии оружейников, с глазами столь же серыми и холодными, как и металл, которому он посвятил все свои труды, преподнес нам небольшой круглый сосуд, опутанный платиновыми тонкими цепочками. Аларик был явно доволен подарком, и заметив мой удивленный взгляд, шепотом пояснил, что у итилири не принято дарить мечи либо что-то подобное — каждый воин сам выбирает для себя оружие, которое станет продолжением его руки. При этом в мыслях он надеялся как можно быстрее увидеть свой собственный нож на моем бедре. Я вернула рассуждения моего принца к делам более насущным и получила все же объяснение, что темно-зеленая жидкость в сосуде — отвар трав, который не только придает рафинированной стали необыкновенную прочность, но и отравляет нанесенные клинком раны. Как именно? Зависит от состава отвара. Этот, с соком болиголова, разъедает плоть.

— Края раны приобретают цвет клубничного джема. Очень аппетитно, — слышу я мечтательный голос дроу в сознании.

Мэтр Фредерик со всей торжественностью вручил нам два редких трактата о свойствах

ядовитых растений и о хирургических инструментах. Один том, переплетенный в коричневую с золотым тиснением кожу, я открыла наугад, привлеченная мускатным запахом страниц. Великолепная гравюра, изображающая виды скальпелей и пинцетов — потрясающе. Я улучила миг и показала ее Аларику. Дроу был впечатлен.

Чета драконов (сегодня они — пламя и пепел: красный бархат ее роскошного платья и серый шелк его рубашки) порадовала очень полезным (по глубокому убеждению Аларика) подарком: переплетенные листы плотной кремовой бумаги, которые хранили чертежи и информацию о последних разработках драконьих мастеров-механиков в сфере оружия, использующего разрушительную силу огня. А дар эльфов (Дьяр и Лаойлешь оба использовали в одежде золотой и зеленый цвета, выгодно подчеркивающие их благородство) привел в восторг меня. Это был розовый мед, столь высоко ценимый за свои чудесные свойства сохранять молодость, что за один его фунт платили такой же вес в лучших драгоценных камнях. Да и ткани, преподнесенные нам среди прочего Альбертом и Камиллой, были прекрасны: особенно по вкусу мне пришелся нежный лен лавандового оттенка, а Аларику — темно-синяя замша.

Однако, главное потрясение ожидало нас впереди.

Крохотный лунный даймон. Эта раса представляет собой воплощение безжалостной силы ночного светила. Скорлупа будто мрамор, светло-коричневый и глубокий зеленый. Яйцо находится в состоянии стазиса — сложнейшее заклинание полного замедления, окутывающее бронзовый сундучок, наверняка является творением Ашера. Подобные же пути держат дух волка, заключенный в бедренной кости.

Что и говорить, вампир знатный искусник. Филигранная работа. Нити цвета лакрицы невероятно холодны. Я прикоснулась — и как только кровь в венах не уснула, убаюканная обманом.

— И не сказал ведь, что помогает моим и твоим родителям, — дивится мой супруг.

— Эти фетчи, что передаем мы сейчас вам, в свое время станут надежными защитниками вашего будущего дитя.

Мы вновь оказались в объятиях родителей. С благодарностью я целую руки матушки и отца. Таков закон: дети вырастают, идут своим путем, но родители навсегда остаются непоколебимой основой нашего личного мира.

По традиции, новоиспеченные муж и жена одаряют друг друга лишь после первой ночи, но как я уже поняла, мой принц крайне свободно смотрит на условности, потому моя коллекция украшений пополнилась чудесным колье из бирюзы. А ведь как известно, бирюза — кости умерших от любви.

— Обещаешь последовать за мной, если я умру? — прошептала я на ухо своему мужчине.

— Обещаю, — совершенно серьезно ответил он.

После внесения записей в Книги закона дроу и магов, мы со всеми гостями отправились праздновать. Я ощущала негу и довольство, как объевшаяся сливок кошка, и искренне наслаждалась трапезой и окружающей обстановкой. Мелодия, густая и мягкая, будто горячий шоколад. Розы, бордовые до черноты. Гранатовый густой соус и ароматная оленина. Пряное вино. Приятный разговор с Лайолешь и Розали. Девушки были искренни в своих поздравлениях, и разумеется, дерзкая Лайолешь не преминула пожелать мне, помимо великого счастья, и более прозаических вещей — а именно, жаркой ночи.

Разве ночи? Небо ведь окрасили уже бледные перламутрово-бледные полосы.

— Боишься? — спрашивает меня супруг.

Я уткнулась лицом в плечо дроу.

Никаких условностей и оков. В глазах Аларика я вижу нечто гораздо большее, чем страсть. Его голод. Его надежду. Будто я для него — глоток живой воды.

— Нет.

Дроу смотрит в мои глаза, улыбаясь весенней улыбкой, очень мягкой. Вот только лишь глупец обманется этой мягкостью.

Наши пальцы переплетаются, замыкая потоки силы.

Страсть вела нас своими запретными тропами, опьяняя ароматами можжевельника и мяты. Мы снимали одежду друг с друга, будто обнажая самые сокровенные тайны. И прекрасное белье было оценено по достоинству, а нож дроу — без надобности пока.

Устроившись на коленях мужа, я немного приподнялась, чтобы провести кончиками пальцев по шраму на его лице. Аларик замер под моими прикосновениями, демонстрируя свое доверие. Я прижалась к моему принцу так близко, как могла, еда ли не стирая кожу в мерцающую пыль, и искренне порадовалась, что он все же вернулся из плена.

Увлеченная новыми открытиями, я гладила его грудь, задевая темные твердые соски. Аларик тихо застонал, и я, ободренная такой реакцией, осмелилась коснуться его члена, уже возбужденного. Плоть оказалась удивительно бархатистой, с заметным рельефом вен.

Темный вздрогнул и что-то почти прорычал на своем родном языке. Его бедра между моих ног и шелк простыней под моей спиной.

Кожу вновь обожгли поцелуи. В тот первый раз я поняла, почему секс действительно таинство. Слияние, когда ты отдаешь и владеешь одновременно.

— Прости, наверное, будет немного больно.

Аларик входит в меня одним движением. Наши стоны становятся одним. Я выгибаюсь, желая принять своего мужчину глубже.

Поцелуй в висок, будто удар.

Этим соединением мы заявляем права друг на друга. Тени, туманные, зимние, с черничным соком в призрачных венах, молча наблюдают, как мы двигаемся в одном ритме.

Дышим в одном ритме.

Следы от ласк — на скулах, ключицах, бедрах. Клубничные, персиковые. Вскрики, вздохи — яблочно-сахарные. Кажется, я расцарапала его спину своего супруга.

Член Аларика во мне до основания. Он замирает, целуя мои глаза. Дроу вообще очень нежен со мной, как может быть нежен меч, испивший немало крови в битвах, случись ему резать хлеб для любимых рук.

Когда мы вдоволь насладились друг другом и уже лежали просто обнявшись и пили охлажденный апельсиновый сок, мой супруг сказал:

— А знаешь, оказывается, заниматься любовью, любить кого-то столь же захватывающе и прекрасно, как воевать.

Смотри.

Поле простирается дальше, нежели могут видеть глаза. Безветрие и безмолвие. Вокруг меня — деревья, совершенно невозможные, состоящие из костей и суставов. Белых, будто сахар, и потемневших, подобно ореховой нуге.

Скелеты, спокойно спящие, опираются о жуткие острые ветви. На потускневших шлемах и кирасах застыли охотники, и никогда уже не суждено им настичь тонконогую оленя, чьи рога покрыты лунным серебром.

А вот этот воин, что лежит передо мной, наверняка был очень храбр — и по сию пору пальцы его не выпускают рукояти тяжелого меча.

Вместо земли под ногами — синяя пыль, но я знаю, что это не пыль вовсе, а истлевшая плоть давно ушедших.

Мертвецы обычно внушают нам трепет и ужас. Но сейчас я ощущаю лишь скорбь.

Следы моих босых ног. Пустые глазницы, внимательно наблюдающие. Ждущие.

Духи вьются вокруг меня, кружат, целуя плечи и опутывая колени ледяными объятиями.

— Послушай меня... Я хочу рассказать...

— Послушай...

И я слушаю их истории. Что же еще остается.

— Я Таррин, вождь клана Красный клык. Силен я, и нет равного мне...

— Я Шаисса, из рода Серых даймонов. Хитра, жестока и равнодушна, будто ледяная вода...

— Я Ансельм Яростный, и нет никому спасения от моих острых когтей. Славные битвы украсили морду льва гордыми шрамами...

— Послушай...

— Послушай...

Я теряю счет времени. Пью чужую кровь, чужую боль — и чужие жизни. Их подвиги и их поражения.

Их десятки. Сотни. Возможно, десятки сотен. Некоторые уж почти полностью обратились в прах, иные же лишь немного тронуты тлением.

— Лидия, родная, вернись ко мне.

Голос Аларика — моя путеводная нить, и я не желаю противиться его просьбе. Сознание увлечено одной мыслью: я жива. Все те мертвецы обречены лишь вспоминать. А я — жива, и могу продолжать свой путь, используя выпавшие мне возможности. Родители рядом. И Аларик — вот он, и сердце его бьется гулко и медленно под моими прикосновениями.

Я медленно открываю глаза — и вижу своего супруга, который лежит рядом, совершенно обнаженный — смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к столь волнующему зрелищу? — и прижимает мое запястье к своим губам.

— Что это... за странный сон?

Дроу смотрит на меня, приподняв иронично бровь.

Разумеется, мне стоило бы догадаться.

— Я увидела тех, кого ты убивал?

Едва заметное движение век — и на мгновение ресницы закрывают от меня радужку,

темно-вишневую сейчас.

А за окном погода просто пугающая. Кажется, я даже могу видеть измазанные клюквенным соком ладони, что бросают на стекло ледяное крошево.

— Я умею не только плести сети интриг. Для меня личный контакт с противником даже полезен — я могу забрать часть сил жертвы.

Личный контакт? Какая замечательная формулировка.

Дроу перевернулся так, что его голова оказалась на моих коленях, и закрыл глаза.

— Но потом, откровенно сказать, я чувствую себя так, будто кто-то раскроил мне топором череп. Энергии все же чужие, и переварить их не так легко.

Я молча глажу его волосы и думаю о том, легко ли это — убивать? Я ведь видела в воспоминаниях Аларика, что он сотворил с Кариззой — и не хотела признаться даже себе, какие чувства эта картина вызвала у меня на самом деле. Отторжение? Тошноту? Страх? Нет. Мне было жутко. Жутко любопытно видеть и такие проявления его натуры. Аларик стал еще притягательнее для меня. Значит ли это, что мои желания извращенны и порочны? Или это правильно — относиться спокойно к любым проявлениям мужской сути?

— Не оставляй меня, — говорит мой мужчина, не открывая глаз.

— Это просьба или приказ?

— Нечто среднее, драгоценная моя.

Дроу улыбается, открывая все же один глаз, и потягивается.

О, замечательная идея — размять немного мышцы. Подтянув одеяло, я поднимаю руки, расправляю плечи...

Что-то не так. Моя способность исцелять. Густое молоко, струящееся по моим венам. Куда исчезла эта благословенная тяжесть? Что происходит?

— Лидия?

Садясь на постели, дроу сразу же теряет сбрасывает свою расслабленность, встревоженный смятением в моих мыслях.

— Мой дар. Кажется, я лишилась его! — срывающимся голосом произношу я.

Аларик внимательно окидывает меня взглядом.

— Вряд ли. Проверим сейчас.

— Что ты собираешься делать?

Принц наклонился, взял с края кровати свой нож — и незаметным моему глазу движением повторил лезвием линию своего шрама на лице. Так опытный мореход уверенно ведет свой корабль по течению весенне-полноводной реки, известной ему до малейшей излучины, до мельчайшей заводи.

— Сумасшедший! Зачем ты?..

Казалось, я повторила эти слова определенно больше тысячи раз — хотя в реальности, думаю, вряд ли больше трех.

Я гладила его горячую кожу, и черная кровь струилась по моим пальцам тонкими змейками, извиваясь, кусая отравленными острыми зубами.

— Соберись и залечи мою рану. Пожалуйста.

Я почувствовала себя так, будто меня с головой окунули в студеную воду. Мой супруг прав: не время сейчас паниковать. Есть дела поважнее.

Я — источник. Я — сосуд наполненный.

— Другая ты, сстала другой...

— Но это все еще я.

Ступни ранит перламутрово-бледная трава на берегу моего ручья. Но не кровь остается на острых стеблях, а капли того нежного, ванилью пахнущего молока, что я пила из груди Анны.

— Правда ведь?

Правда исцеляет. Всегда.

— Да. Это все еще ты...

Острый змеиный клык становится иглой, а мои вены с холодной кровью — нитями.

Один стежок — один поцелуй. Процедура ведь болезненна.

Когда ко мне возвращается зрение моего физического тела, я вижу, что нанесенный совсем недавно порез стал почти незаметен, и даже старый шрам посветлел.

— Может быть, хочешь воспользоваться случаем и убрать его полностью? — лицо дроу было абсолютно серьезным, но в глазах плясали смешинки.

— Нет, не стоит убирать этот шрам, — я кладу ладонь на лоб. — Ты и с ним прекрасен.

— Это ты прекрасна, — тихо говорит Аларик и целует мои глаза. — Скажи, тебе было хорошо со мной?

Я краснею и утвердительно киваю. Хорошо, даже очень.

Супруг не сомневался в этом. Он ведь действительно хотел, чтобы я наслаждалась близостью.

Не сомневался? Весьма нескромно.

Принц садится за моей спиной, проводит кончиками пальцев по ключицам.

— Твое тело узнало новые удовольствия, но почему же твой дар должен был пропасть? Просто адаптация к течению различных энергий. Все хорошо.

— Да, действительно, очень неплохо, — я потянулась к супругу и потерлась носом о его щеку. — Нам пора вставать уже.

— Совершенно не уверен, — попытался отсрочить неотвратимое этот хитрец, но я выбиралась уже из-под одеяла.

— Точно не уверен.

Что-то в голосе Аларика заставило меня обернуться. Прищурившись, дроу любовался моей фигурой.

И почему раньше я не знала, что это так приятно — когда тобой восхищаются?

Конечно, я чувствовала смущение, но чего мой супруг еще не увидел прошедшей ночью? Моя ладонь скользнула по простыням, и тут... Я отвернулась, потому что щеки мои сейчас, наверное, просто полыхают. Внезапно вспомнилось, что перед сном дроу спрятал в шкаф ту простыню, на которой остались капли моей крови, и мы постелили другую.

Будто все правильно, все так, как и должно быть, но...

— Вторая реликвия нашей семьи.

Я фыркнула.

— Ты очень громко думаешь, — пояснил Аларик.

Я вновь ощутила объятия своего супруга — сильные и бережные.

— Люблю тебя.

Прикосновение губ, мягкое, будто сливочное суфле.

Запах сандала на моей коже. Единственный раз в жизни я не желаю принимать ванну, дабы не смыть его.

Но необходимо ведь начинать день, и родители ждут нас к завтраку — то есть, по

времени, уже к обеду.

Я прижимаюсь крепко к своему мужчине, целую его веки, — несомненно, он слышит все мои слова, которые так и остались произнесенными, — и отправляюсь мыться.

Дверь в соседнюю комнату, которая станет нашей гостиной, приоткрыта, и на столе из светлого кленового дерева я увидела преподнесенные нам во время церемонии подарки, в том числе — и фолианты от мэтра Фредерика.

Да, решение продолжать образование и врачебную практику — абсолютно верное, подумала я, нежась в горячей воде. Мне всегда казалось, что в великой любви есть зерна великой ненависти. Полностью принадлежать кому-то — значит, отдать ему ключ от своего счастья. И что же тогда остается тебе самому? Бояться каждый миг, что этот кто-то исчезнет? Изводить его и себя? Нет в этом смысла.

Я не представляю своей жизни без врачевания, без госпиталя и сухого запаха трав. А теперь — и без Аларика. И замечательно, если эти части моего мира останутся в равновесии.

А если говорить о вещах более прозаических, то ларцы с фетчами, кстати сказать, необходимо отправить в схоронную комнату, дабы никто посторонний не мог до сокровищ добраться. Да и мое платье не должно лежать на стуле.

Когда я вышла из ванной комнаты, Аларик уже вернулся в нашу спальню и расчесывал волосы, которые были влажными — он также успел освежиться. Конечно же, я не упустила возможности помочь ему. Мой гребень из березы сразу же высушил пряди, и я собрала их в косу.

— Мне любопытно, где все же находится сейчас Мариус? Куда ты его спрятал? — спросила я, приблизившись к уху супруга.

Дроу обернулся и взглянул на меня.

— Там, откуда он не сможет сбежать.

— И долго ты собираешься его держать в плену? И что станет с ним дальше?

В зеркале я увидела отражение спокойной улыбки супруга, и поняла, что его ответ мне вряд ли понравится.

— Так долго, как понадобится. Я так скажу тебе: вожак веров еще не напал на Феантари потому, что он достаточно умен и принял переданное через Кариззу предупреждение всерьез. Двусущим необходимо время подготовиться — но я им его не дам. Передача ценного члена стаи даст итилири возможность диктовать свои условия.

Я усмехнулась. Провела пальцами по тонкой пряже джемпера Аларика. Глубокий зеленый цвет, прекрасно оттеняет бледность его кожи. Решив позабавиться, я взяла из серебряного кувшина одну из багровых роз, которые в огромном просто количестве подарил мне вчера супруг, и пощекотала нос дроу.

— И ты действительно отдашь его семье?

Мой мужчина возмущенно возрился на меня — что за вольности, мол?

— Отдам. Не решил еще только: полностью или по частям.

— Что? — я замерла.

— Драгоценная моя, я поступлю так, как будет более выгодно для моего народа — и для моей женщины. Я сделаю все, чтобы защитить тебя. И мой долг — заботиться о своих воинах, не допуская потерь.

Неожиданно Аларик схватил меня за запястье и привлек к себе на колени и начал щекотать.

— Отпусти!

Но на свободу я смогла вырваться только тогда, когда оба мы едва дышать могли от смеха.

— Да что такое! Мне одеваться надо, а ты здесь...

— Что? — безупречно-искренне удивился мой супруг.

— Щекочешь меня!

— То есть это я виноват в том, что ты так прекрасна и соблазнительна, и я постоянно хочу касаться тебя?

Весомый аргумент, и возразить мне было нечего. А отказывать в просьбе помочь одеваться — вовсе не хотелось.

Я выбрала домашнее кашемировое платье кремового цвета в полоску оттенка горького шоколада, очень удобное — уверена, Аларику оно понравилось по причине того, что пуговицы располагались на спине. Собрала волосы в высокий хвост. Немного розовой помады, туфельки на плоской подошве — и я готова показаться родителям.

Когда мы собирались уже выходить из комнаты, я обняла супруга за шею и посмотрела в его глаза.

— Аларик, я понимаю, что ничего не смыслю в политике и делах военных. Но возможно, ты иногда будешь со мной обсуждать подобные дела? Мне было бы приятно видеть вое доверие, да и потом, кто знает, может и смогу посоветовать что полезное.

Я приподнимаюсь на носочках и касаюсь кончиками пальцев губ моего мужчины.

— Согласен, любимое мое чудовище?

Дроу целует мою руку, слегка прикусывая кожу.

— Согласен.

По обычаю, первую трапезу мы разделили исключительно с родителями, и на столе важное место занимал свежеспеченный ароматный хлеб. Его испробовал каждый из присутствующих — в знак объединения семей.

Надо сказать, что мы с супругом оба — большие любители хлеба. Он в силу того, что суровые условия походов научили его ценить еду простую, но питательную, а я — мне просто нравится вкусно покушать, что уж скрывать. Было очевидно, что в приготовлению главного блюда приложили руку и моя матушка, и Мирабелла, потому неудивительно, что хлеб удался великолепно. Оттенки вкуса свежайшего сливочного масла, терпкой муки, меда.

После мы лакомились рисом с анисом и кардамоном, пили чай с имбирем и молоком, и постоянно в поле моего зрения попадал тяжелый перстень на собственной руке. Что же, думаю, я привыкну к этому. В конце концов, замуж я пошла по своей воле. Но... нелегко принять все эти изменения. Теперь у меня есть супруг, знания о том, как убивать максимально болезненно, и в перспективе — две подруги и участие в политической жизни двух миров — при полном моем к политике равнодушии. Впрочем, матушка и отец считали, что я справлюсь. И родители Аларика — также. Это, несомненно, вдохновляло.

Обед прошел в обстановке приятной и теплой. Я, будто мучимая голодом, наслушаться не могла, как говорит Аларик. Наглядеться не могла на его улыбку, темно-лиловые прожилки на веках и на почти ровную линию переносицы. Он сейчас такой близкий и понятный.

А что насчет того Аларика, который, едва ли не безумный, ломал кости верам, будто ореховые прутья, ласковым почти движением? Знаю ли я его?

Разделенные воспоминания предстают с кристальной точностью. Мерно падающие на голову принца капли воды — как растаявший снег на обнаженной земле. Пошевелиться,

скованный, он не может, и бессилие прорастает шафранно-светлыми корнями в плоть, причиняя мучения гораздо большие, нежели металл.

Глубокие небольшие порезы, один за одним. Каризза смеется, и ее смех жемчугом рассыпаются по каменному полу. Вот сделать бы из жемчужин этих бусы и обмотать тонкую изящную шейку дряни, сдавливая, пока она не подойдет. Впрочем, принц и сам с этой миссией справился чудесно — в чем я вовсе не сомневалась. Если бы сомневалась в силе его духа, этот дроу не стал бы моим супругом.

Каризза могла сколь угодно долго поить Аларика зельями, рождающими в его сознании жуткие картины, сломать его в любом случае не удалось бы. Замечу, что сцена, призванная уверить дроу, что родители его убиты и подвергнуты расчленению, получилась анатомически недостоверной. Мой принц умеет контролировать свои страхи, сажать их в клетки с отметинами острых когтей на прутьях, а я — я прекрасно различаю оттенки цвета и запаха крови венозной, артериальной — и даже той, что наполняет печень в отдельно взятый момент.

Она действительно считала, что принц признает поражение?

Физические истязания, раны? Брось, милая. Ему иной раз сильнее во время обучения доставалось, я уж о походах не говорю. И шрамы очень ему идут.

Я знаю того зверя, что прячется в моем супруге. Этот зверь нашел в себе силы довериться мне, и я не могу обмануть это доверие. Их всегда было двое, а теперь — у них есть я.

Да, я определенно счастлива, что мой супруг многое открыл мне. Но все ли?

Я размышляю обо всем этом, а тем временем Аларик обсуждает способы очистки железистого песка с королем и моим отцом. Но эта тема захватывает его воображение не так, как то, чем мы могли бы заниматься сейчас вдвоем. Мои рассуждения и моя уверенность в нем невероятно его... радуют.

Все действительно хорошо, думаю я, делая глоток чая. Но несколько вопросов все же требуют ответов. Например, как Аларик попал в плен? И почему не использовал свои силы для того, чтобы вырваться, сразу же?

И если уж отныне мы — единое целое, то... Действовать я решила нежностью и хитростью. Уверена, супруг против не будет.

Поцелуй опалил мои губы сразу, как мы вновь оказались в нашей спальне. Я обняла моего принца и решила не корить себя, что нас ждет несколько дней блаженного отдыха. Все же это наше право.

Прикосновения к моей коже, почти благоговейные. Шрамы на плечах Аларика — как переплетение тонких можжевельных ветвей. Мне нравится яшмовая твердость его члена и ощущение, когда он заполняет меня. Глубоко, медленно, и я беззастенчиво пью его ласку, его силу. Целую его скулы. Мне нравится ощущать свою власть над ним — и его власть над мной. Сладкий стон...

Громкий, полный злости крик.

— Уноси ее! Быстро!

Что там говорил дроу насчет торговых дел? Он солгал.

Северный ветер решил позабавиться, по всей видимости. Именно от него жрец узнал обо мне и о том, что происходит в Танаисе.

И что же Камео? Я вижу его губы, на них капли теплого дождя, что пахнет медуницей.

— Хаан хочет, чтобы ты был там.

Мог ли жрец промолчать? Несомненно.

Но он не стал молчать. Его боль делает капли дождя горькими.

И теперь я понимаю, почему мой супруг вовсе не испугался боли, которую может приносить мой дар. Он уже ощущал ее раньше — когда спас меня во время нападения веров на Танаис. Я была так мала, и я была очень испугана. И на этих руках есть раны, нанесенные мной.

Ссешес принимает меня из объятий принца и скрывается в портале, а Аларик...

Возможно, если бы он и его отряд знали об истинном количестве веров, и если бы дроу не был ослаблен мною — все сложилось бы иначе.

Они держались очень долго. Гораздо дольше, нежели по самым моим смелым надеждам, они могли продержаться.

Я касаюсь ладонью шеи Аларика, поднимаюсь выше, к губам. Выгибаюсь, принимая своего мужчину.

Мое наслаждение. Его наслаждение.

Я целую его кожу — от запястья до локтя правой руки, следуя линиям темно-ежевичных вен. Мой способ сказать «благодарю».

— Они, кажется, любят друг друга.

Лайолешь отрезает кусочек миндального торта с ароматной клубникой. В кольцах эльфийки красуются лучшие бриллианты, но сейчас, при ярком свете, они тусклы. А в полутьме, стоит упасть на камень одному-единственному лучу — и заискрится он великолепием.

— Любят — это слишком сильное слово, — светлая покачала головой, глядя на свою подругу-драконессу. — Впрочем, у Аларика было время узнать многое о своей женщине. Но им еще предстоит научиться простым вещам: слушать друг друга. Быть вместе.

— Согласна с тобой. Но я не о том.

Розали поправляет белые кружева тонких митенок. К лакомствам она не притронулась — девушке нездоровилось, и это лишало ее аппетита.

Но, может быть, глоток воды с лимоном?

— Как думаешь, Лидии следует знать о том, как развлекался ее супруг до их встречи?

Эльфийка усмехнулась, коснувшись кончиком язычка измазанных сладким миндальным тестом пальцев — тонких, изящных.

Впрочем, руки Розали столь же хороши. Не так ли? Жемчужные ногти, атласная кожа. Кто может подумать, что эти руки способны в совершенстве управляться с самой непредсказуемой из стихий — огнем?

Вот только — огонь не терпит лжи. Не прощает слабости. Глубокий вдох. К чему эта ревность? Правительница эльфов — не враг ведь. И разве не уверена драконесса в красоте своей, которая проистекает из гармонии?

К чему эгоизм? Необходимо уметь думать о других. Заботиться о других.

— А твое мнение? — спрашивает эльфийка.

— Думаю, наши мнения совпадают, — улыбается в ответ Розали. — То, как жил Аларик раньше — это исключительно между ним и его женщиной. Она обо всем узнает сама. Не стоит вмешиваться.

— На том и решили, — эльфийка, располагаясь удобнее, снимает туфли — на шелке их

Вытканы розы — и устраивает ножки на резном подлокотнике дивана.

— Я все еще должна тебе подарок.

Аларик застегивает последнюю пуговицу на моем платье.

— Ты и так дала мне так много.

По его голосу я слышу, что принц улыбается.

— Может быть, и так, — я поворачиваюсь и глажу своего мужчину по волосам. — Но все же.

Выбранный мною сосуд напоминает пробирку, узкую и высокую, из очень прочного стекла и надежно закупоренную — как мне кажется, такая форма особенно удобна даже во время походов. Формула лекарства составлена мною лично — хоть советы моего наставника были весьма ценны, ведь я, разумеется, очень волновалась.

— Это обезболивающее. В его составе — не только вытяжки из растений, но и синтетические вещества, усиливающие их свойства.

— Я мог бы съесть тебя. Или позволить тебе съесть меня, — шепчет мне дроу.

Его способ сказать "благодарю".

— Мне очень нравится твоя откровенность, — я целую нежно губы супруга, отвлекая.

Ведь я сейчас не полностью откровенна, и некоторые мысли оставлю в тайне.

Размышления. О том, каковы на самом деле чувства Камео к своему принцу. И если они таковы, как я подозреваю, за мной долг — жрец поставил счастье Аларика выше своего. Он должен был понимать, что неспроста Хаан принял участие в судьбе девочки этой — то бишь, моей.

Ветру какой в этом смысл? Решил даровать детям своим свежую кровь — среди итилири ведь почти не рождаются целители?

А вот это, кстати сказать, обсудить необходимо.

— Аларик, как ты думаешь, почему Хаан направил тебя в Танаис?

Я провела рукой по гладкому шелку, подаренному Альбертом. Необходимо разложить подарки, да и привезенные наряды тоже.

— Точно не знаю, — отозвался супруг из спальни. — Но кое-какие соображения есть.

— Поделишься?

Трактаты от мэтра Фредерика пускай хранятся в закрытом ящике стола. А мои платья, юбки и блузки заняли свои места в просторном шкафу, дверцы которого украшены изображениями цветущих яблонь с янтарными плодами.

Принц появился в дверном проеме, оперевшись о косяк.

— Думаю, однажды, после очередного боя, мои раны будут настолько серьезны, что потребуют внимания целителя твоего уровня.

— Верно, — соглашаюсь я.

Поскольку покровители каждой из рас являются воплощениями различных сил Изначального, то и способности у каждого из нас свои. Но каким даром будет обладать ребенок, получивший благословение и Змеи, и Волка?

— Я не хочу ссор между нами. И не хочу недомолвок, — я приблизилась к супругу и взяла его за руку. — Ты любишь меня, это действительно так. И я... люблю тебя. Но ты должен понимать, что скорее всего, наше дитя получит способности либо только по твоей линии, либо только по моей. И если у меня будет основание подозревать, что ты задумал

меня использовать, обещаю: ты пожалеешь.

Дроу молча смотрел на меня.

— Знаешь, — сказал он наконец, — вот именно это я и имел в виду, когда говорил твоей матушке, что ты можешь причинить мне боль гораздо более сильную, нежели кто-либо еще.

Он готов зарычать, но сдерживает себя.

— Прости, пожалуйста, — я провела ладонью по щеке супруга.

Он зол. Он может сейчас убить меня.

Как и я его.

Странно, но эти проявления его природы меня очень волнуют. Они нравятся мне.

— А мне нравится, что такая прелестная маленькая цесарочка бросает вызов большому и страшному волку.

— Цесарочка? Почему именно цесарочка? — удивляюсь я.

— Они очень вкусные, — улыбается хищно принц, и, склонив голову, прикусывает кожу на моей шее.

Я, смеясь, в ответ кусаю его за острый кончик уха.

— Вообще, ты права, — мягко произносит дроу. — Я собираюсь тебя использовать, чтобы получить то, что мне надо.

Что?

— Мне нужна близость. Физическая и духовная. Я хочу счастья. Для подобных же целей разрешаю использовать себя. И какими способностями будет обладать наш ребенок — все равно. Главное — это будет наш ребенок.

Этот тон, от которого я плавлюсь, будто лимонный сорбет.

Что до смысла сказанного... Иной раз мой супруг мыслит просто непостижимо.

— Еще одно. Ночью у меня будет для тебя сюрприз.

— Расскажи мне.

Вместо ответа Аларик положил мои ладони на свои виски, и я ощутила то, что чувствовал он — будто мягкая лапа с острыми бронзовыми коготками царапает изнутри.

— Что это значит? Тебе больно? — обеспокоенно спросила я.

— Я в порядке. Просто связь с мертвыми работает в обе стороны.

Я нахмурилась. Как это понимать?

— Это значит, что некто, кого я убил, желает говорить со мной. Передать послание от того, кто связан с ним по крови.

— И... кто же беспокоит тебя сейчас?

— Среди тех, чьи кости остались на берегу Карасского моря, был и младший брат правителя орков, — супруг, успокаивая, погладил меня по спине. — Я выслушаю его. Хочешь пойти со мной?

— Мне будет очень интересно посмотреть, — искренне обрадовалась я. Это действительно интригует.

— Отлично. Но вначале, драгоценная моя, мне необходимо на кухню.

Я уж было подумала, что это будет банальная готовка, — хоть и непонятно, почему Аларик сам решил вдруг кулинарить, — но все оказалось немного сложнее.

Сидя на дубовой скамейке, я наблюдала за супругом. Точнее, за его руками. Кажется, готовил принц, совершенно не прилагая усилий — и мясо, и приправы послушны каждому

дурманяще-плавному движению этих длинных сильных пальцев.

— Духи убитых желают мстить. Это справедливо.

Низкий, немного хриплый голос.

— В тот раз повезло мне. Однажды не повезет.

— Верно. Мне вот что любопытно: зачем ты будешь его угощать?

— Это еще больше свяжет мертвого. А отказаться он вряд ли сможет. Ты ведь поняла уже, что ушедшие всегда голодны.

— Жестоко.

Дроу посмотрел на меня и молча усмехнулся.

Да, жестоко.

— Кстати сказать, почему Хаиш решил связаться с итилири именно через мертвецов своего рода?

— Как ты знаешь, отношения с орками у нас весьма натянутые. Феантари для них совершенно закрыт.

Аларик смешивает специи и обваливает в них кусочки свинины. В глубокой сковороде топится золотистое сливочное масло. Положив обжариваться мясо, принц нагревает молоко на паровой бане.

Запах невероятный — густой, пряный. Кориандр, базилик, куркума.

Еще несколько мгновений — и свинина томится в молоке, впитывая мягкость и сладость.

— Вот и все, — супруг садится рядом, вытирая руки полотенцем.

— Почему ты никогда не говорил, что умеешь готовить?

— Ты ведь не спрашивала, — дроу обнял меня и привлек к себе.

Пока Аларик относил ларцы с фетчами и обсуждал со своими родителями, чего ждать от правителя орков, я воспользовалась случаем и поговорила с матушкой.

— Все у вас благополучно? — спрашивает леди Сиенна, пригубив белое терпкое вино.

— Более чем. Мне очень хорошо с ним, и я думаю, со временем мы еще больше откроемся друг для друга. Но...

Внимательно выслушав, матушка заявила, что ничего не может быть дурного в происходящем между двумя влюбленными во время близости. Тем более, если это приносит удовольствие обоим.

Если так, это замечательно, ибо мое притяжение к супругу будило фантазию. В противовес тому, что Одри высказала весьма недвусмысленное мнение обо мне как о девушке холодной и чопорной.

Возможно, желание Аларика ко мне так сказывается?

Меж тем, пришло время отправляться на берег. Мы собрали все необходимые вещи и принялись одеваться. Учитывая погодные условия, я выбрала теплую серую кофту с высоким воротом, темно-серые узкие брюки, жилет из искусственного меха с лаковым черным поясом и ботиночки на устойчивом каблуке. Собрала волосы в высокий хвост и обернулась к супругу.

— Долго мы пробудем там?

Аларик предпочел сегодня черный. Свитер, замшевые брюки, тяжелые ботинки и куртка из кожи. И, разумеется, любимый нож. Изогнутые клинки, как он решил, без надобности.

— Не думаю. Мертвецам нелегко надолго оставаться здесь.

Ничего не бойся, добавляет Аларик.

Я и не думала бояться. Ведь он рядом.

Ночь была чудесная. Луна в призрачной зеленой дымке, морская вода, темная, медленная, будто патока, и холодный воздух: ладанный, соленый. Запах дерева мешается с драгоценной медью.

Кровь Аларика струится по его ладоням и пальцам, капает на пол — и исчезает, будто ее жадно слизывает кто-то невидимый. Камень покрывается наледью, а я, стоя в углу, кутаюсь в плед и думаю, что кажется, действительно очень мало знаю о своем супруге.

Черты его лица заострились, а кожа бледна, будто в его венах течет не только эта медовая, густая кровь, но и сок белого безвременника. Может усыпить до рассвета, а может и навсегда. А сон — это забытьё. Покой.

И влекомый желанием этого покоя, в дверном проеме появляется орк. Я смотрю на ширину грудной клетки, длину костей и клыки нижней челюсти. Наверняка, при жизни он был сильным воином.

Шорох песка и истертая кожа колета. Орк слеп, и ведет его лишь голос Аларика. Тяжелым шагом посланник подходит к принцу и садится у его ног.

Я почти протягиваю руку, чтобы коснуться нитей воли. Дроу крепко держит мертвого, и не стоит ему мешать.

Аларик склоняет голову. Его коса черной змеей скользнула по плечу.

Орк протягивает руку — и Аларик отламывает первую фалангу его указательного пальца. Лакомится костью, желтой, будто сливки.

Я вижу, как губы его изгибаются в жестокой усмешке.

— Согласен.

Орк поднимает лицо и смотрит на принца пустыми глазницами. Аларик ставит глиняную тарелку перед мертвецом, и тот насыщается духом, запахом угощения.

Когда ритуал закончен, орк вновь устраивается на своем последнем ложе. Из окна мы наблюдаем, как кости скрываются в объятиях серого песка, уходя все глубже.

— Что он сообщил тебе? — тихо спрашиваю я.

Супруг проводит ладонью по подоконнику и поворачивается ко мне.

— Хаиш просит о встрече. Беда у него.

Аларик приложил руку ко лбу.

— Уверен: дело в безопасности его женщины и его сына. Иначе на этот шаг он не пошел бы.

Я стала за спиной супруга, обняла его и поцеловала в шею.

— Держать мертвого — занятие утомительное. Оказывается, некромантия — магия не только жестокая, но и грязная, — задумчиво сказала я.

— Это грязно? Когда-нибудь я покажу тебе, как бывает, если труп еще довольно свежий. Потрясающе.

— Уверена, зрелище незабываемое. И познавательное. Послушай, — я потерлась щекой о плечо дроу, — а те, кого ты поднимаешь, одинаковы?

— Нет, — принц покачал головой. — Подобные тому, которого ты видела сейчас, управляются исключительно моей энергией. Послабление — и он выйдет из-под контроля. По сути, эти мертвецы движимы только своим голодом и своей тоской. А высшие поднятые, когда дух возвращается в свое тело на время, сохраняют очень многое от своей личности.

Любопытно, подумала я, наслаждаясь теплом рук Аларика.

— У меня тоже вот есть вопрос.

— Да?

— Твои руки случайно находятся так низко? Или — намеренно?

Любимое мое чудовище, ты ведь знаешь, что женщины коварны?

— А если и намеренно?

Аларик повернулся, взял меня на руки и сел на пол, прислонившись спиной к стене. Воспользовавшись случаем, я сразу же к нему прижалась, обняв за плечи.

— Идея великолепная. Но ты замерзнешь.

— Нет, я собираюсь согреться.

Мои руки оказались под его свитером. Я скользила кончиками пальцев по шрамам и рубцам, наслаждаясь контрастом горячей кожи и ветра, пропахшего солью и эвкалиптом.

Мне хорошо с ним. И разговаривать, и молчать.

Оба мы, не сговариваясь, не слишком торопились возвращаться. Политические вопросы — политическими вопросами, но мы все же муж и жена. А обсуждений тонкостей дипломатических отношений, думаю, будет еще достаточно. А пока — я пила из бортхи горячий чай с мелиссой, наслаждалась поцелуями своего супруга и слушала его рассказ об особенностях приготовления церемониальных блюд.

— Рисовая вода и мука. Мягкое тесто означает плоть, печеное — кости. Горячее масло, смешанное с кровью, впитывает слова и мысли.

Значит, вот как Хаиш разбудил брата.

Я погладила Аларика по руке. Нет смысла спрашивать, жалеет ли он мертвых.

Нет.

Еще когда принц дрался с Мариусом, а затем — и видя воспоминания супруга, я заметила одну особенность. Он почти никогда не уклонялся от ударов. И его воины тогда, во время боя с верами — не уклонялись. Они не жалели ни себя, ни противников.

Если подумать, это совершенно естественно для тех, кто знает грязь и скорбь смерти. Не торжественную, будто запах кипариса, печаль, а сладкое, восковое тление. Жгучую зависть и злобу. Это пропитывает все существо, будто кленовый сироп — кусок кукурузного хлеба. Вообще удивительно, как после подобного можно испытывать радость. И когда ты осознаешь, что даже самый близкий, уйдя, способен будет разорвать тебя на части, вымещая свою боль, стоит тебе только проявить слабость — как решиться на доверие? Сохранить милосердие?

У каждой расы — своя расплата за силу.

— Есть еще кое-что любопытное, — говорит Аларик. И вновь эта жестокая усмешка.

— Что же? — провожу я по волосам своего мужчины.

Аларик смотрит в мои глаза. Он вновь делает правильный выбор: говорит правду.

— Ради заключения союза между итилири и орками, в залог честных намерений, Хаиш готов отдать мне в жены свою сестру.

— О, вот оно что, — я улыбаюсь нежнейшей из своих улыбок, проводя кончиком пальца по губам дреу. — Тебе повезло, что Хаиш согласился отдать свою родную кровь такому жестокому и подлому ублюдку, как ты.

Злость придает мне сил. Я бью Аларика по лицу, наотмашь, и на его коже остается алая линия от тяжелого перстня на моей руке, будто полоса рассвета.

Кстати, о перстне. Я снимаю его и бросаю за окно. Не нужен он мне больше.

— Драгоценная, ты что творишь? — принц держит меня, не позволяя встать.

Я бью его еще раз.

— Отпусти меня. Иначе...

— Не отпущу.

Ну что же. Я произношу мысленно слово активации. Мои глаза утрачивают остроту зрения, будто подернутые молочной пеленой, и обоняние становится моим проводником. Выскользнуть из рук Аларика теперь легко — жестокая плавность движений моего нового тела помогает, а кровь, холодная, будто шелк, возвращала способность мыслить хоть сколько-нибудь здраво.

Благодарю приютившую меня змею — она прекрасна, с серой чешуей, переливающейся, будто перламутр, — и та возвращается во владения Мудрейшей, а мое тело — вновь в воплощенном мире.

Аларик стоял уже в двух шагах от меня и смотрел, как зверь на загнанную добычу.

— Ты ведь знаешь, что я больше не смогу быть ни с одной женщиной, кроме тебя. Я дал клятву, помнишь?

— Нет, это ты забыл, — я прижалась к стене и скрестила руки на груди. — Именно поэтому, думаю, и сказал «согласен». Ты внезапно понял, что я тебя не устраиваю? Или одной тебе мало?

— То есть ты думаешь, что я ждал тебя столько времени, чтобы затем, как ты говоришь, внезапно, жениться на другой? — вкрадчиво спросил дроу.

Его ладони на каменной стене по сторонам от моего лица, а губы — так близко.

— Все равно. Ты ведь согласен. Жениться на другой согласен, я имею в виду.

Хватит. Я мягко касаюсь его щеки — и тут же царапаю ее, желая причинить боль.

Не желаю сейчас ничего обсуждать. Не желаю ни о чем думать. Я просто хочу домой.

Родной мир встречает меня тихим снегом и безветрием. Глубокий вдох. Я закрываю дверь своего дома и прохожу в большую гостиную. Сажусь на диван и закрываю глаза.

Поверить не могу, что все это происходит на самом деле. Слова о любви оказались ложью. Дымом. Я не могу отпустить Аларика — он нужен мне. И не могу его держать — если он не желает быть со мной.

Просто не понимаю, как он мог так поступить. Жестокая шутка?

— Открой, пожалуйста.

Вздвогнув, я поворачиваюсь к окну — и вижу Аларика. Он облокотился о раму и смотрит на меня, не отрываясь.

— Убирайся.

— Я сейчас разобью окно, — спокойно говорит дроу.

Совершенно точно, я могла бы сказать: как пожелаешь, разбивай. Но это дом моих родителей, и я не могу позволить здесь подобного.

Задвижки скользят мягко вверх. Я успокаиваю охранные заклинания. Все хорошо.

Ложь.

Аларик буквально одним плавным движением становится на подоконник и оказывается в комнате.

— И что, ты готова отпустить меня?

Почти невозможно представить свою жизнь без него. Но гордость подаст мне руку и поддержит.

— Да, — я надменно вскидываю подбородок.

Он улыбается. Улыбается, подумать только!

Аларик обнимает меня за талию и привлекает к себе. С невыразимой нежностью.

— Я люблю тебя. И других не будет. «Согласен» относилось исключительно к возможности визита Хаиша в Феантари. Я согласен говорить с ним. Но только после того, как он узнает о том, свою женщину я уже обрел и его сестра может заинтересовать меня исключительно как пища.

— Что? — я отстранилась, чтобы посмотреть в лицо дроу.

— Орки сильны, и их плоть очень питательна.

Принц прищурился, наблюдая за моей реакцией. И хотя он улыбается, я понимаю, что он вряд ли шутит.

— Ты сумасшедший.

— Да, — признает мой супруг. — Но этот сумасшедший принадлежит тебе, и только тебе. По своей воле.

Следует запомнить на будущее, что злость блокирует нашу ментальную связь. Потому что это действительно была жестокая шутка. Только не надо мной.

— Ты сразу не мог мне все объяснить?

— Извини, лапушка, я просто не успел, — весьма резонно ответил супруг.

Допустим. Не о том сейчас.

Я прогнулась немного и потянулась назад, чтобы закрыть окно, и жестом предложила Аларику сесть на диван.

— Почему ты поступил так? Почему не сказал? Представь, каково будет Хаишу узнать о том, что ты несвободен. Он не должен строить подобных планов.

Дроу усмехнулся, совершенно беззаботно, и лег на спину, устроив голову на моих коленях.

— Это не стоит беспокойства. Он же не дитя, чтоб расстраиваться. Тем более, думаю, орку лучше увидеть все самому.

— Почему? — я проводила пальцами по его сомкнутым векам.

— Стихия орков — камень. Постоянство. Основательность. Они видят силу связей между двумя.

Принц, не открывая глаз, берет мою руку и целует ладонь.

— Потому я и говорю, что ему будет просто достаточно увидеть нас вместе. И о важном. Кажется, это твое.

На мой палец скользнул тяжелый перстень.

— Итак. Мы все, — Илиас обвел взглядом собравшихся в его личных покоях, — хотели бы услышать, что произошло во время разговора с ушедшим орком?

Поздний ужин проходил в компании весьма многочисленной. Наши с супругом родители, чета правителей Танаиса, Дьяр и Лайолешь, Лука и Розали, Ссешес, Ашер и Камео.

Когда мы вернулись, нас ждал уже горячий белый чай с лепестками хризантем, а на столе были блюда с куропатками в сливочном соусе, открытыми пирогами с нежными томатами и оливками и блинчики с арахисовым маслом.

Разумеется, говорить о нашей размолвке мы не стали, оставив это для самых близких (родители, несомненно, уже прочли все в наших мыслях), но вот о том, что поведал ему мертвец, Аларик рассказал подробно.

— Потрясающе, — Ашер засмеялся. — Хаиша ждет большой сюрприз.

Ситуация деликатная. Ведь если прозвучит официальное предложение, уверена, Альберт расценит это как оскорбление. Да что там, лично я расценю это как оскорбление.

Темно-бронзовая парча платья королевы тускло мерцает в свете масляных ламп. Мирабелла, переглянувшись с супругом, кивает едва заметно и соединяет узкие ладони под подбородком.

— Как только правитель орков прибудет завтра в Феантари, он должен узнать, что подобная плата за помощь нас не интересует, — говорит король.

Матушка и отец, конечно же, полностью поддерживают это решение.

А вот светлые и рады бы поспорить, но не вправе — ведь правители Феантари разрешили Хаишу ступить на их землю. Дьяр и Лайолешь, не скрывая презрения, заявляют, что оркам верить ни в коем случае не стоит. Драконы, Ашер, жрец и Ссешес предположили, что переговоры могут иметь смысл, особенно, учитывая возможное обострение в отношениях с двусущими. Альберт с Камиллой и мои родители высказались за то, что это внутренние дела государства, и, не зная всех обстоятельств, давать оценку сложно.

После ужина, разоблачаясь в нашей спальне, я думала о том, насколько можно доверять союзникам. Возможно, у них есть свои планы, не совпадающие с интересами дроу?

— Возможно, — соглашается со мной супруг.

— И кто первым попадает под подозрение? — я завела руку назад, дабы погладить моего принца по щеке.

Горячая вода. Высокие канделябры со свечами, сладкий, густой аромат жасмина и жестокая вьюга за окном.

— Я рассказывал тебе о смутных временах. По сути, у каждого есть повод, — отвечает Аларик.

Наши руки переплетаются, касаясь края мраморной ванны.

В полутьме снег на стеклах, будто сахарная пудра.

— Нелегко все это, — тихо говорю я. — То есть, быть правителем и играть во все эти игры.

Он благодарен мне за понимание. И он действительно любит меня.

— Выбора, в любом случае, нет.

На завтрак у нас — шоколадный пудинг, апельсиновый сок и разговоры о важном. Мой супруг запланировал сегодня проверку казарм своих солдат, а я решила посвятить время изучению трактата о свойствах ядов — и выбору платья для приема орков, конечно же.

Что поделаться, важные дела требуют нашего внимания. Мы с Алариком, уверена, были бы довольны, сосредоточившись лишь друг на друге. Но для гармоничных отношений необходимо взаимное уважение и восхищение. Каждый из двоих должен быть личностью со своими победами и поражениями, со своим опытом. Тем более, что вместе нам предстоит не только обставлять свой собственный дом, предназначенный лишь для нас, но и заботиться о благе целого народа.

Когда принц, нежно поцеловав меня, ушел, я принялась за свой комплекс гимнастических упражнений. Сосредоточенность на каждом вдохе, змеиная плавность движений всегда настраивают меня на спокойный лад.

После я приняла ванну и надела длинное платье глубокого зеленого цвета, дополнив его камеей из нефрита. Поправив острые углы воротника, я собрала волосы в косу и отправилась пожелать родителям доброго утра.

Обратившись с вопросом к одному из стражников, я узнала, что матушка находится в личных покоях королевы, а отец и Альберт присутствуют на совещании короля с главами гильдий.

Что же, думаю, мешать им не стоит, а вот выпить кофе в компании достойных дам — хорошая идея. Поднимаясь по лестнице, я думала о том, что мне действительно неловко, когда воины приветствуют меня, склоняя головы. Разумеется, это знак почтения не ко мне лично, а к моему статусу, но все же. Я ничем еще не заслужила их уважения.

— Девочка моя, здесь взаимосвязь немного иная, — улыбнулась Мирабелла. Кофе она пила очень крепкий, со жгучим красным перцем.

— Аларик не просто их командир, за которым они пойдут куда угодно, — совершенно очевидно, что королева очень гордится своим сыном, — но и наследник правящего Дома. Он, как и мы с Илиасом, жертвует частью себя, чтобы поля нашего мира были плодородны, реки — глубоки, а чрево земли — тяжело жилами металлов, дабы ковать оружие. Потому, если союз с тобой сделает его счастливым и увеличит его силу — этого достаточно.

Леди Сиенна касается кружева на манжетах своей голубой блузки и подносит к губам трубку. Вишневый дым растворяется в воздухе.

— Что случилось между вами вчера ночью? Почему вы поссорились?

Я отставила свою булочку с корицей и медом и глубоко вздохнула.

— Все из-за слов орка. Когда я узнала, что Хаиш предлагает в жены Аларику свою сестру, это несколько меня... расстроило.

Я знаю этот надменный и насмешливый взгляд матушки. Конечно же, кто может сравниться с ее дочерью?

— И ты его ударила?

Мирабелла смотрит на меня, едва заметно улыбаясь. Разумеется, она все увидела в мыслях своего сына.

— Да.

Не то, чтобы я гордилась этим.

— Всякое случается, — королева поворачивает голову, и ее длинные серьги, украшенные опалами, издают мелодичный звон. — Лично я была бы опечалена, если бы ты проявила равнодушие в подобной ситуации.

Переглянувшись с магушкой и Мирабеллой, мы все вместе засмеялись. Взаимопонимание женщин, которые знают: ни в коем случае не стоит отдавать то, что тебе дорого.

Оставив леди Сиенну и королеву обсуждать особенности системы образования итилири, я отправилась обратно в наши в супружном комнате.

Вазочка жаренного миндаля и хорошая книга — всегда особое удовольствие. Я читала о свойствах луносемянника, болиголова, лотоса, олеандра. Жестокие, ядовитые растения, но при верном использовании могут быть очень полезны. Токсины, выделяемые из ягод и листьев ландыша, к примеру, успешно используются для лечения болезней сердца. Но здесь вся тонкость в определении верной дозы.

За подобными размышлениями наступило время обеда — и Розали с Лайолешь не допустили, чтобы я осталась голодна. Общение с девушками было легким, приятным, и разговор вполне предсказуемо обратился к теме сегодняшнего визита правителя орков в Феантари.

— Ты ведь будешь присутствовать? — поинтересовалась драконесса.

— Без всяких сомнений, — усмехнулась я. — Конечно, я доверяю Аларику, но Хаиш должен ясно понять условия переговоров.

— Чудесно, — Лайолешь лукаво прищурилась. — Ты думала уже над тем, что наденешь?

— У меня есть платье, которое, как мне кажется, прекрасно подойдет для подобного случая.

Отобедав легким салатом из мягкого сыра, миндаля и лаванды, я отправилась готовиться к предстоящему приему. Тем более, что совсем скоро должен вернуться Аларик.

Выбранный мною наряд был совершенно не скромным. Платье из бархата цвета темного вина, с довольно пышной юбкой. Открытое декольте и спущенная линия плеч. Волосы, завитые в локоны, я собрала в высокую прическу, решив украсить ее несколькими бордовыми розами.

Ожерелье с рубинами и бриллиантами, охватывающее шею, и тяжелые серьги. Оттенок помады — в тон бархату платья, а взгляд подведенных черным глаз стал вдруг холодным и хищным.

Думаю, я готова.

— Ты такая красивая.

Аларик обнимает меня за талию. Руки его скользят вверх. Ладони, лунно-бледные, на моей груди.

Надо сказать, что подобный фасон платья делает мою грудь весьма... привлекательной. Приятно, что супруг это оценил.

— Надеюсь, Хаиш будет держать себя в руках. Для его же блага.

Пальцы Аларика коснулись моей шеи.

— Брось. Ты же видел Анну. Она очень хороша. Зачем ему я?

Дроу через зеркало смотрит в мои глаза.

— Ты действительно считаешь, что она может сравниться с тобой?

Сложный вопрос. Я поднимаю руку, чтобы погладить Аларика по щеке.

— Как прошла твоя проверка?

— В целом результатами я доволен. Но...

Последующие полчаса я сидела в кресле, слушала эмоциональный рассказ супруга о ратных подвигах его воинов, состоянии их обмундирования — и завидовала каплям прохладной воды, что прикасались к его коже — ибо принц решил принять ванну. Во время сего действия нас обоих посещали мысли просто забыть о предстоящем визите орка и остаться наедине. Но соблазн был преодолен, и Аларик принялся одеваться.

— То есть ты намерен немного изменить систему физических тренировок?

Дроу кивнул.

— Да. Развитие силы — хорошо, но и быстрота и ловкость в ближнем бою очень важны. Приемы должны быть отработаны безупречно. Это может быть вопросом выживания каждого из них.

Я понимала его беспокойство.

— Тебе виднее. Надеюсь, это действительно будет полезным. А вот касательно отваров растений, повышающих магические способности, — я встала за спиной супруга, расчесывая его волосы, — как это действует?

Аларик застегивал пуговицы на своей рубашке из тонкого льна, темно-синего.

— Растения, отмеченные силой Северного ветра, особенно вкусны для владыки мертвых. Они, как и кровь дроу, придают ему сил.

— Почему? — я приподнимаюсь и целую его в висок.

— Потому что Хаан, Северный ветер — воплощение энергий Изначального, олицетворяющих разрушение и утраты.

Тот самый Хаан, что создал итилири.

— Нам пора уже, — я взглянула на время.

Принц застегивает ремень своих черных брюк.

— Погоди, — Аларик взял меня за руку. — В твоём наряде не хватает одной очень важной детали.

Дроу открыл нижний ящик комода, в котором хранилась его одежда, и достал свой венец.

Два венца. Одинаковые.

— Ты не только моя супруга. Ты принцесса итилири. И это — символ твоего положения.

Венец неожиданно тяжёл. Но странное дело — мне нравится эта тяжесть. Она побуждает держать голову выше.

— По традиции, на официальные встречи принцесса надевает корону.

Супруг встал за моей спиной и крепко обнял. Я взглянула в зеркало, едва заметно улыбаясь. Все же мы изумительно смотримся вместе.

Зал совещаний полон тишиной и дымно-горьким запахом бергамота. Глубокие мягкие кресла, обитые серой кожей. Круглая мраморная столешница с золотыми прожилками и тяжёлые бархатные портьеры.

Камин разожжен, и янтарное пламя отражается в темно-серых глазах Хаиша. Правитель орков пришел один. Он весь будто высечен из камня — от резких черт лица, перечеркнутого вертикальным шрамом, до мышц, перекачивающихся под оливковой смуглой кожей.

Очень силен. Что может поколебать основы его мира?

На теле Хаиша было много опасных ран. И я вижу, почему он возвращался каждый раз.

Я не знаю письменности Анны, но чувствую, что буквы ее имени вплетены в линии причудливых татуировок на руках орка, и это дает ему поддержку.

Хаиш пристально смотрит на меня — и, повернувшись к Аларику, просит прощения за неуместное предложение, прозвучавшее ранее.

Принц склоняет голову. Каждый может сделать неверный ход.

Чего же хочет Хаиш?

— Восточный ветер скоро развеет меня. За мной долг.

Голос орка очень низкий, глубокий.

— Моя женщина тяжело переносила беременность, и лекари сказали, что роды попросту убьют ее. Я не мог допустить этого — и отдал ей время, отмеренное мне.

Спокойные, размеренные слова. И за каждым из них — разъедающая вены боль.

Я дышу с трудом. Слишком ярко вспоминается мне разговор с Алариком. Он ведь действительно пожертвует своей силой ради меня. Вдруг и нам предстоит этот жестокий выбор?

— Анна останется под покровительством своего отца и моих братьев. И в воплощенном мире остается мой сын. Он должен унаследовать власть. Потому я прошу тебя, душа северных земель: дай мне возможность увидеть их вновь. Тогда, когда я буду нужен. В обмен я дам тебе слово, скрепленное кровью, о том, что дети камня никогда не выступят против итилири.

Кровь правящего рода орков очень сильна. Другие ветви не слушаются, потому как не желают кары бесплодия.

Принц смотрит в глаза Хаишу. Он понимает, что правитель задумал убить тех, кто может угрожать его сыну и его женщине.

Холодный расчет. Это понятно итилири.

Аларик улыбается, и улыбка эта отражается на обветренных, темных губах орка.

— Ты получил согласие от того, чья плоть станет пристанищем твоего духа после призыва? Ведь тебе необходимо сильное тело, способное держать оружие.

— Да, — отвечает Хаиш. — Я получил согласие.

— Помоги ему, — тихо говорю я.

Взгляд Хаиша прикован к нашим переплетенным пальцам.

Услышав мой голос, орк медленно поднимает глаза и вновь пристально смотрит на меня.

Кажется, он не ожидал поддержки.

Принц понимает решение Хаиша, считая его весьма разумным, и уважает способность правителя орков мыслить хладнокровно.

Договор заключен, и Хаиш уходит, коснувшись губами моей руки.

Я возвращаюсь в нашу с супругом спальню, а Аларик идет к королю и королеве, дабы рассказать, как прошла встреча с орком.

Супруг хочет вернуться ко мне как можно быстрее. А я пью абрикосовое вино и жду его.

Наконец, мой принц вновь со мной. Звезды, будто осколки бриллиантов, на черном бархате неба. Ночь тихая, хрустальная, и мы не желаем тратить ее попусту.

Ни к чему условности. Аларик усадил меня на подоконник, целуя мои глаза, мои губы, мои ключицы. Рука скользит по коже, поднимая платье, и его бедра меж моих разведенных ног.

В том, как мы любили друг друга сейчас, не было нежности. Лишь желание обладать.

Наша близость чиста, как цветок лилии — и столь же порочна. Сладостно-болезненные

движения. Царапины и укусы, умащенные, будто драгоценным маслом, прикосновениями пальцев и губ.

А затем, когда мы нежились в горячей ванной, и я гладила тяжелые пряди черных волос своего супруга, мне вспомнилось, что есть вопрос, ответ на который было бы любопытно услышать.

— Аларик?

— Да, драгоценная? — дроу улыбается, целуя мое плечо.

— Во время празднования нашей свадьбы я обратила внимание, что у итилири волосы либо черные, либо белые, как молоко. Да и цвет глаз — только очень светлый или очень темный. Почему так?

— А по-иному и быть не может, — принц проводит ладонью по моей щеке. — Послушай. Северный ветер был странником, знающим лишь холод и одиночество. Пустота плескалась в его аметистовых глазах. Никем он не был любим, никому не мил — каждому известно, что прикосновения его рук несут ласковую смерть. Но однажды встретил он ту, что не боялась его — хранительницу быстрой горной реки. С улыбкой подставляла дева нежное лицо снежинкам, что жалили подобно змеям, не прятала хрупких рук от жгучих, будто удары плети, прикосновений. Подивился этому Хаан, залюбовавшись смелой красавицей. Сказочно хороша была она — высока и стройна, с теплыми янтарными глазами и тяжелыми косами, в которых пряталась ночная тьма. Опутали сердце Ветра неведомые доселе чувства гибкими побегими шаар-таи — цветов, что прорастают сквозь кости мертвецов, и Мириэлла не побоялась любить вечного странника. Сколь долго продолжались тайные встречи — знают лишь серебряные лисы, что прячутся в снегах. Только однажды, когда явились на небосводе алые и золотые полосы утренней зари, похитил Хаан возлюбленную и отнес в свои чертоги. Веселой, пышной была свадьба, и хмельной мед лился рекой. Нежно любящие друг друга, супруги жили в согласии, но не бывает любви без испытаний. Не смирившийся с утратой дочери, Владыка рек задумал злое. Обернувшись водяным змеем, слился он с волнами озера, на берегу которого любила Мириэлла отдыхать, и укусил красавицу, выпив ее дух.

Сотряс все миры ужасный крик, исполненный муки и боли — то корил себя Северный ветер за то, что не уберег любимую. Напрасно качал он бездыханное тело на своих руках, напрасно целовал бледные губы. Обрядив супругу в парчу и шелк, Хаан поднялся на вершину черного холма и предал тело ее земле. Велика была скорбь Северного ветра. Во всех мирах кружили снежные вьюги. Воя, будто голодные волки, шутя ломали они древние дубы и закрывали небеса серой непроницаемой мглой. Лишь желание отомстить жгло Хаана. Однажды увидел он гранатовое дерево, выросшее на могиле возлюбленной, и плоды его — белые, будто кожа незабвенной Мириэллы. Ветер коснулся ветвей дерева, зашелестели листья, и узнал Хаан о том, кто отнял у него его женщину. Понесся он над поверхностью воды, поднимая бури. Не смог скрыться владыка рек от ярости Северного ветра. Разрубленное тело змея бросил Хаан к подножию холма, где покоилась Мириэлла.

— Нет мне покоя. Я не смог найти камень, в который заключен дух твой. Моя вина.

Призванные к жизни болью, из зерен граната явились воины. Волосы иных так и остались белые, как снег, а кого-то навсегда окрасила кровь Хаана и кровь его врага.

Так и появились итилири — из скорби, снежных вьюг и пепла мертвой любви.

— Он нашел этот камень? — я обернулась к супругу, чтобы поцеловать его.

— Нет, насколько мне известно.

Я сочувствую Хаану.

— Теперь мне ясна и природа связи итилири с мертвыми, и ваше совершенно особая тяга к тому, чтобы убивать.

Аларик ничего мне не ответил, а только обнял еще крепче. Я, разумеется, против ничего не имела. Чувствовать себя великой драгоценностью весьма приятно.

Следующим утром я выбрала более чем скромный наряд: лимонного цвета блузку, отделка которой в виде романтичных рюш закрывала шею, и серую юбку с завышенной талией, потому как следы, оставленные супругом во время занятий любовью, наливались ежевичным соком.

Впрочем, глядя на Аларика, я поняла, что также была немного... несдержанна.

Дроу поцеловал мою ладонь, что лежала на его плече.

— Я люблю тебя.

Мои отметины на его теле. Его отметины на моей коже.

Прекрасная гармония.

А за завтраком нам довелось узнать, что любовью прошедшей ночью занимались не только мы, ибо на шее Ссешеса был замечен след от укуса. И уверена, укус этот имеет особый смысл. Ашер же внимательно слушал рассказ принца о встрече с орком, а затем сказал:

— Я дам возможность Хаишу и его женщине провести больше времени вместе. — Вампир замолчал на мгновение. — Чтобы попроситься. У меня есть свои причины помочь им.

За столом воцарилась тишина. Илиас, откинувшись в кресле, скрестил руки на груди.

— Поделишься с нами? — очень спокойно спрашивает король.

Лисьи глаза вампира темнеют.

— Я впервые увидел Ссешеса именно во время осады столицы орков. Сантименты, можно сказать. Особенности воспоминания.

Ссешес, возможно, желал бы сохранить свое холодное молчание — как и всегда, но его король, его королева и его командир ждут слов.

Его любимый ждет.

— Между нами существует связь. И мы не можем пренебрегать этим.

Очень откровенно.

Королева проводит ладонью по своим волосам, завитым в мягкие локоны, и топаз в ее тяжелом перстне на мгновение вспыхивает темным золотом. Она смотрит на супруга, безмолвно разговаривая с ним.

Илиас утвердительно кивает.

— Мы вас слышали.

И Аларик, и король имеют основания, дабы возразить. Но не делают этого, потому как понимают: чувства Ссешеса и Ашера серьезны. Иначе каждый из них не отказался бы от возможности иметь дитя.

Это личный выбор, и я рада, что все сложилось для этих мужчин хорошо.

День я провела в обществе мэтра Фредерика и своих родителей. Им пора было возвращаться в Танаис, и я заранее уже скучала. По матушке с отцом, по наставнику, по своему миру, где есть хрустальные ледяные реки и высокие молочно-карамельные горы. Поля золотой пшеницы, густые леса и уютные города с мощеными древними камнями улицами и домами, выкрашенными в белоснежный, темно-синий, алый и лавандовый цвета.

Мир Феантари мне только предстоит узнать, но я уже успела полюбить его строгую

гармонию. Было бы прекрасно нам с Алариком выбираться на прогулки. Сегодня, правда, вряд ли уже получится, потому как супруг проводил совещание с мастерами-каменщиками, а вечером Хаиш должен был вновь посетить нас, дабы поговорить с князем вампиров, который столь неожиданно решил проявить щедрость.

Интересное переплетение нитей отношений.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Розали вздохнула и отставила в сторону изящную фарфоровую чашку с какао. Не хочется сейчас какао.

Да и вообще ничего не хочется. Драконесса очень устала, и не плохое самочувствие тому виной.

Мысли. Тяжелые, темные, будто горящие угли под слоем мертвого пепла. Мысли, в которых и себе невозможно признаться.

Узкая ладонь легла на немного округлившийся уже живот.

У нее родится дочь. Самая прекрасная, самая замечательная. В этом драконесса уверена — но не уверена в том, что сможет стать идеальной матерью. Воспитать достойно. Подарить тепло и любовь, которая позволит ее ребенку расправить крылья.

Стыдно сомневаться: сохранит ли она свою красоту? Разве важно это в сравнении с новой жизнью?

Важно, оказывается.

Разумеется, Лука нашел бы оправдания для нее. Розали усмехнулась. Всегда находит. Он великодушен и мудр, вот только в супруги для себя выбрал...

О, подданные знают ее силу — и уважают за это. Но сей факт никоим образом не мешает им говорить о своей повелительнице с насмешкой — будто она даже ненависти недостойна.

Испорченная, грязная девка. Чего ей только не хватало, изумлялись благородные дамы — когда были уверены, что никто посторонний их не услышит, ибо повелитель скор на расправу.

Вот только... Если Совет открыто выступит против правящего рода — им не выстоять. Лука поставил свое положение под удар. Ради нее. Зачем?

Потому что любит. А она его — любит?

Звук его голоса волнует, и имя — медовыми нитями по венам. Розали тянет к супругу, к его теплу.

Любовь ли это?

Драконесса закрыла глаза и опустила голову на высокую спинку дивана.

Да, может быть, она и недостойна. И это заставляет ее злиться на Луку, который нашел в себе силы искренне простить ее. Наказание прощением.

Изощренная пытка.

— Уверен, никто не будет против.

— Надеюсь, — Лайолешь коснулась ладонью щеки супруга — и Дьяр тотчас же накрыл ее руку своей.

— И я надеюсь. На то, что нас, возможно, кто-нибудь увидит.

— Ты хочешь этого? — эльфийка удивленно изогнула бровь.

— Тебя это тоже волнует, правда?

Еще один горячий поцелуй, и такие родные объятия.

Подумать только, ведь они могли бы упустить свое счастье. Потерять друг друга.

Или она могла бы убить своего мужчину в ту, далекую теперь ночь. События ее по сию пору в памяти невероятно свежи.

— Ты ведь понимаешь все безрассудство своей идеи, мой ландыш?

Лайолешь замерла, услышав голос супруга. Дьяр взирал на эльфийку, и в его сиреневых, будто сумерки, глазах таилось обещание долгой и мучительной смерти.

Какая жалость, что не удалось убить наглеца, пока тот спит. А впрочем — сталь клинка все еще касалась горла мужчины, и тот будто даже не замечал этого обстоятельства. Красавица с волосами цвета меда гордо вздернула подбородок, презрительно усмехнувшись.

— А если я готова на жертвы?

Дьяр сжал лезвие ладонью, легко отобрав у непокорной оружие. На идеально острой поверхности мерцали несколько капель крови.

Лайолешь не склонила голову. Ледяной взгляд бьет, будто плеть, по сердцу — уже в который раз. Нефритовые глаза горят презрением. Высокомерная дрянь. Самая драгоценная и самая любимая дрянь.

— Не готова.

Сильные пальцы крепко сжимают хрупкое запястье с рисунком темно-синих вен — и красавица оказывается лежащей на шелковых простынях. Горячее тело Дьяра сверху не дает ни малейшей надежды на побег. Девушка бьет по щеке склонившегося над ней супруга, затем еще раз.

Серебряноволосый впивается в алые, чуть приоткрытые губы страстным поцелуем. В ответ — яростный укус. Дьяр со злостью сдавливая горло гордячки, едва не задушив ее. Со злобным рыком серебряный швыряет жену к резной спинке кровати.

— Выслушай меня хоть раз, идиотка.

Строптивница не смирилась ни на гран за те два года, что они были женаты. Тот проклятый и благословенный миг, когда Дьяр впервые увидел княжну золотых эльфов, будто был навечно выжжен на его сердце. Прекрасна Лаойлешь, лесной Ландыш. Перламутровое лицо обрамляют царственно уложенные тяжелые косы, а во взоре сверкает Сила. Неумолимый правитель Светлых земель взял ее силой — пригрозил отцу дивной войной. На самом же деле это было обещание уничтожить любого, кто встанет у него на пути. Серебряный был безумен — все истинно влюбленные безумцы. А княжна ненавидела его дико и презирала за жестокость. Но...

Она была истинной парой для Дьяра. И потому, каждую ночь, стараясь не показать свою реакцию на его ласки, терпела поражение. Но лишь стихали горячие стоны, вновь превращалась эльфийка в мраморную бездушную статую.

— Я почти за великую радость умереть от твоей руки, любовь моя.

Лайолешь с изумлением взирала на супруга, целующего ее колени.

— Но я не могу тебе позволить этого. Ради своего народа. Ради тебя самой.

Она должна была бояться этого эльфа. Тонкие пальцы касаются мерцающих прядей волос, и Лайолешь пьет силу Дьяра, будто пьянящие яблочные соки поры расцвета, зная, что он позволит.

Дьяр улыбнулся, плавным движением сел на кровати и притянул непокорную супругу к своему телу, принуждая узкую ладонь лечь на недвусмысленное свидетельство пробуждающегося желания. Он кусает нежную шею, оставляя отметину на коже, будто

клеймо, звериным чутьем улавливая перемену в ритме дыхания Лайолешь.

А затем... Затем были долгие часы, проведенные вместе за проверкой расчетной документации и обсуждением Собрания законов — министры взяли слишком много власти и позволяли себе праздность и стяжательство, считая, что за военными сложностями с оборотнями Дьяр ничего не замечает.

Они становились все ближе, стремясь к процветанию своей земли, и наслаждались единением не только своих тел, но и душ.

Не все цели еще достигнуты, но кто запрещает получать удовольствие от каждого мгновения этого пути?

— Это твое решение — принять или не принять мое предложение.

Вампир смотрит на Хаиша и наливает себе еще белого рома.

Орк улыбается. Он выглядит обманчиво расслабленным, спокойным сегодня. Простая туника кремового цвета, замшевые брюках оттенка темной зелени — и белизна острых клыков, что резко выделяется на фоне смуглой кожи.

Рисунок гибких, опасных ветвей спускается с гладко выбритой головы Хаиша на его плечи и руки — и я совершенно не удивлюсь, если руки эти сомкнутся на шее Ашера, случись тому солгать.

— Я помню тот бой, — говорит Хаиш.

Кажется, он жалел даже о том, что сейчас царит мир.

Условный мир, услышала я мысли Аларика. Веры непредсказуемы, тем и славятся.

Что же, ему виднее.

— Возьми.

В руках вампира — два яблока. Глянцевые, необыкновенно ярко-алые.

— Если волнуешься, испробуй вначале сам.

Серые нити вневременья — плотные, тяжелые — окутывают плоды.

Ашер кладет яблоки на льняную скатерть лавандового цвета и говорит:

— История моего народа учит тому, что за все следует платить. В том числе, и за счастливые встречи.

Орк накрывает яблоки ладонями и склоняет голову в знак того, что принимает их.

— Будущей ночью?

Рисса провела кончиками пальцев по груди вер-пантеры, сжимая легко мягкую, белоснежную плоть.

Маили изгибается, и в бирюзовых глазах любовницы темная эльфийка видит столь знакомый холодный огонь желания.

— Да, будущей ночью.

Пантера, потянувшись всем своим сильным, грациозным телом, подошла к окну и открыла раму. Капли дождя тотчас же осели на ее коже, и ветер, морозный, сладко-яблочный, запутался в волосах. Почему в этом городе людей всегда ветрено? Теплолюбивая девушка зябко повела плечами.

Не все ли равно? Главное, что Рисса рядом. Темная лишила ее воли. Взяла в плен. Кто мог подумать, что все произойдет так?

Это был просто подарок от ее покровителя, владыки веров. Гарнитур чудо как хорош: тусклое серебро и аметисты оттенка столь глубокого и чистого, что стоили они целое

состояние. Нежные фиалки опутывают запястья и шею, и каждый лепесток дышит ночной негой. Капризная и избалованная Маили, обожающая роскошь, пожелала заказать у мастера еще украшения для себя.

Мастером оказалась Рисса. Высокая, изящная, с белоснежными волосами, что спускались ниже талии, высокими скулами и прозрачными зелеными глазами. Она смотрела строго и немного насмешливо, и ее тонким длинным пальцам были покорны самые твердые алмазы. Все чаще пантера стала посещать открытый тогда еще для веров Феантари. Спокойная сила темной эльфийки, столь отличная от горячей энергии Дана, буквально заморозила Маили. И однажды теплым вечером, в благоухании грушевых деревьев, пантера коснулась несмелым поцелуем губ Риссы — и та не оттолкнула ее.

Маили не интересовалась тонкостями дипломатии. Ее гораздо больше волновало то, что теперь им приходилось прятаться. Что еще оставалось? Даже выразить свою тоску в рисунках она не могла — задумаешься на миг, и рука выводит уже любимые черты.

Пантера подошла вновь к кровати и поцеловала свою женщину в губы. Затем скользнула вниз плавным движением и прижалась губами к жасминовой коже плоского живота.

— Я просто хочу, чтобы ты была осторожнее. Эта война — такая глупость. Быстрее бы Мариус вернулся домой, и воцарился мир.

Рисса, едва заметно улыбаясь, гладит черные волосы любовницы.

— Я не знаю причин, почему все происходит именно так. Говорят, будто Мариус не только напал вероломно на Его Высочество, но и задумал забрать его супругу. Для развлечения.

— Знаю, — Маили разводит ноги эльфийки и проводит кончиками пальцев по нежным складкам лона. — Мариус всегда был излишне... горяч и вспыльчив.

Рисса не стала отвечать, наслаждаясь ласками и прикосновениями губ, языка, рук.

Тихий стон.

Эльфийка не любит Маили — лишь играет. Лжет с равнодушной жестокостью мертвых камней, которым отдала свое сердце. Но с этим исчадием ночи, чьи волосы пахнут мускусом, ей так хорошо на ложе.

Кто сказал, что исполнение своего государственного долга и удовольствие — несовместимы?

Мы с Алариком только отужинали вкуснейшими тыквенными рулетиками с грибами, как управитель явился в наши комнаты с вестью о том, что Его Высочество наследного принца и Ее Высочество принцессу Лидию (звучит очень непривычно, но приятно) желает видеть правящая чета.

В личных покоях короля и королевы находилась Рисса Каиро, первая из гильдии ювелиров. Я узнала высокую беловолосую эльфийку, потому как видела ее на нашей свадьбе, и со слов супруга мне было известно, что именно она была автором моего обручального кольца и того чудесного кольца из бирюзы.

Этот вечер мог бы быть весьма приятным. Если бы женщина с глазами цвета ивовых листьев не рассказала нам, что веры планируют нападение на Феантари.

После супруг пояснил мне, что Рисса, пользуясь привязанностью к ней некой высокопоставленной двусущей, имеет доступ к подобным сведениям, и я даже не успела поразмыслить, как мне отнестись к столь изящному равнодушию и использованию чувств других для собственной выгоды. Меня больше интересовало иное:

— Итак, что нам делать?

— Я разберусь с этим. А ты останешься здесь, в безопасности.

Руку Аларика я сжала так сильно, что кажется, могла бы раскрошить его кости в пыль.

— Ты намерен славно погибнуть, защищая меня? Не...

Договорить я не успела — почла за лучшее замолчать. Потому как очень отчетливо почувствовала, насколько супруг боится за меня. Не хочет потерять.

Я глубоко вздохнула. В любом случае, в бою помочь ему я вряд ли чем смогу, а вот помешать — вполне, если Аларик станет отвлекаться. Потому, вняв доводам разума, я просто молча обняла любимого.

Глава 13

Пальцы сдвигают кружево белья, и Дьяр касается поцелуем нежной ореолы цвета карамели. Лайолешь закрывает глаза, сжимая в пальцах пряди волос своего мужчины. Шершавая кора грушевого дерева царапает сквозь тонкий шелк блузки кожу, и аромат плодов возбуждает чувства.

Его пальцы внутри ее лона, поглаживают, ласкают, и соки возлюбленной для эльфа слаще белого меда.

— Дьяр...

Супруг накрыл губы Лайолешь ладонью.

Молчи.

Эльфийка застыла, почувствовав, как напряглось тело Дьяра. Что случилось?

— Слушай, — говорит он.

Шаги. Почти невесомые. Тихие. Даже слух эльфов, возможно, не уловил бы их, но Феантари помог им. Мир итилири не любит чужаков.

Дьяр и Лайолешь обернулись одновременно. Кто-то посторонний был в зимнем саду Гранатового дворца.

Серебряный положил руку на живот своей женщины, ниже ребер. Он призвал свою силу — их общую силу, и воплощенная, естественная природа помогла своим детям.

Лайолешь просто растворилась среди темной зелени листвы и пряного запаха магнолий. Ни один хищник не учуял бы ее сейчас.

Дьяр же оказался прямо за спиной чужака.

Это двусущий. Пума. Высокий, с песочного цвета волосами, собранными в хвост. В его руке — тонкий прочный шнур, с костяными рукоятками на краях.

По всей видимости, собрался незаметно подкрасться к стражникам.

Что же, путь иногда делает любопытные повороты.

Змеей тонкий ремень Дьяра скользнул на шею оборотня, и змея эта выпила его дыхание. Хруст позвонков.

Два воина-итилири вышли из-за ореховых деревьев. Светлый в который раз подивился способности дроу сливаться с тенями. Темнота стирала белизну их кожи, давая возможность напасть неожиданно, и даже прямые обоюдоострые клинки мерцают тускло, не выдавая присутствия.

У ног дроу — два мертвых тела. Еще веры.

Дьяр определенными жестами, принятыми в военное время, показал, что направится обратно в замок. Получив подтверждение, что он понят, эльф едва слышно сказал Лайолешь:

— Идем. Необходимо всех предупредить.

— Крайне невежливо приходить ранее намеченного срока, — говорит Мирабелла, скрещивая узкие ладони на шелке юбки.

Илиасу и Аларику ничто не сможет помешать. В это верит королева. В это верю я.

Смотрю на идеальный рисунок подготовки, который будет раскрашен скоро кровью врага, и думаю о том, что все же я многого не знаю о своем мужчине.

Например, как привычно лежат в его ладонях рукояти дважды изогнутых, коварных клинков.

Любопытно, оружие ревнует из-за того, что эти руки — сильные, с длинными пальцами, покрытые молочными линиями шрамов, — касаются меня?

Мой принц действительно не сомневается, лишая жизни. Просто не считает нужным сомневаться.

Я пытаюсь успокоить Розали и Лайолешь, а матушка, Ее Величество и Рисса пытаются успокоить меня.

Драконесса болезненно бледна, и наряд из кремового льна делает ее кожу почти прозрачной.

— С ними все будет в порядке, — я легко касаюсь губами виска Розали.

Драконесса сжимает мои пальцы. Ее кожа горяча, и я чувствую, как дрожат нити энергий.

— Будь благоразумна. Если ты и нерожденный еще малыш погибните, Луке это никак не поможет, — говорю я.

— Отряды итилири контролируют все переходы, — Мирабелла ставит на стол перед девушкой чашку с мятным настоем.

Королева вызывает у меня искреннее уважение. Я могу лишь догадываться, каких усилий ей стоит сохранять достоинство — ведь я знала, что ей довелось пережить в определенный период их с Илиасом истории.

— Кроме того, — низкие, мурлыкающие интонации в голосе Мирабеллы откровенно жестоки, — большая часть веров просто не сможет попасть в Феантари — их уничтожат наши мертвые.

Лайолешь засмеялась. Подобная нервная реакция позволила позволила эльфийке расслабиться и прийти немного в себя. Кажется, я знаю, о чем она думала сейчас: о том, как коснулся лбом ее лба Дьяр перед тем, как покинуть покои.

Да, вовсе не время для паники и слез. Наша сила сейчас не менее важна, нежели мужская.

Все шло именно так, как должно было. Идеально ровные стежки шелковой нити, рисующие идеальный узор. Да и могло ли быть по-иному? Для итилири ведь что кровь, что гранатовый сок — все одно.

Каждый знал четко свои обязанности. По указанию королевы советникам посредством коммуникаторов была направлена информация о нежеланном визите веров, проверена надежность охраны дворца, всех патрулей — и разбужена Камилла.

Вани крайне была удивлена, не увидев супруга рядом на кровати. Мирабелла пояснила ей причину, добавив, что Альберт исключительно по собственной воле пожелал помочь принцу итилири.

Камилла, прищурившись, смотрит на королеву. Вани умная женщина, и оценив серьезность ситуации, задает уместный вопрос:

— Им нужна помощь?

Матушка подходит к Мирабелле и кладет ладонь на ее плечо.

— Сейчас увидим.

Видимо, леди Сиенна с королевой все уже обсудили ранее, потому как сразу же на столе появились низкие широкие чаши из бронзы, принесенные камеристками.

Матушка подносит свою курительную трубку к губам. Температура в комнате сразу же стала будто ниже, и голову сдавил холодный обруч.

Можжевеловый дым, густой и плотный, туманом стелится над водой в чашах.

Взмах руки. Каждая из нас дрожит от волнения, но мы следим за образами на поверхности воды.

Первым я вижу отца. Он устало касается рукой лба. На металле его серпов — тяжелые, багряные капли чужой крови.

Картины сменяют друг друга, и робкая, будто птица, надежда коснулась меня крылом. Итилири действительно дрались великолепно. Я бы назвала то, что двигало ими, ледяной страстью. Одержимостью убийством. Обманные, плавные движения и сверкание стали.

Я видела, как шипы роз впивались в кожу веров, а песок застилал глаза. Оборотни понимали, что попали в ловушку, и были обозлены потерями, которые понесли не только от живых воинов, но и от мертвых.

На щеках Лайолешь были слезы, но она улыбалась, глядя, как точным и сильным ударом ее супруг опрокинул противника на спину. Розали же молча созерцала обугленную кожу веров — последствия прикосновений ее дракона.

Наверное, в близком бою также есть своя прелесть.

Илиас. Ссешес и Ашер. Камео. Альберт. Повреждения на их телах есть, но они не опасны.

Все, насколько можно судить, идет неплохо, но...

Крик едва не сорвался с моих губ. Я увидела, что Аларик ранен. На его бедре, руках и шее — новые порезы и ссадины.

Глубокий вдох. Выдох.

Еще один вдох.

Нет смысла плакать. Это ничем ему не поможет.

Я слышу мысли Аларика смутно, будто сквозь толщу черной ледяной воды. И его раны причиняют боль мне.

Не время еще возвращаться, говорит он.

Порез на плече. Это капиллярное кровотечение, и густые капли багряной крови — как драгоценные бусины. Бусины, которыми будет вышито твое погребальное покрывало, если ты не вернешься сейчас же, говорю я. Повреждения могут просто не успеть закрыться.

Но мой супруг — зверь. Мой безумный, жестокий принц.

Он не спешил уходить. Он желал — развлечься.

Гибкие виноградные лозы опутывают крепко тело его противника. Темно-янтарные глаза, горящие злобой, и золотистый сок ягод на бледной коже.

Аларик сидит напротив, прислонившись к лавровому дереву. Я слышу его голос, произносящий слова принуждения. Кровь искупительной жертвой стекает с кончиков пальцев.

Янтарноглазого убил его же брат-близнец. Мертвый и поднятый вновь, с рваной раной на горле, напоминающей распустившуюся розу.

Зачем же разлучаться братьям? Аларик считал, что милосердно дать возможность им уйти вдвоем.

Хватит, родной. Достаточно. Мы не видим больше живых врагов.

Мужчины возвращаются, преисполненные темной радости. Отец обнимает меня и матушку, но сейчас даже его тепло не приносит мне успокоения — ибо сэр Томас пахнет чужой кровью.

Чужой ли?

— Ты ранен? — я отстраняюсь, чтобы внимательно осмотреть отца.

— Все в норме, — отец целует меня в щеку. — Мне понравились эти легкие доспехи итилири — дают маневренность, и надежны к тому же.

— Доченька, я позабочусь об отце, — говорит леди Сиенна. Слегка обернувшись, она смотрит на дверь.

Аларик, оказавшись в комнате, кладет клинки на стол — кровь веров оставляет следы на нежных лепестках белых роз в вазе — и подходит ко мне.

Прикосновения его рук.

Мы обнимаем друг друга так крепко, что объятия эти вряд ли что сможет разорвать.

Я глажу его по волосам, вдыхаю его запах. И запах чужой смерти. Все объяснения и обсуждения оставим на потом.

Сейчас я просто счастлива, что Аларик вновь со мной, рядом. Меня бьет дрожь от избытка эмоций, я едва ли не рыдаю — но в данный момент есть дела гораздо важнее.

— Тебе необходимо в лазарет.

Он хотел возразить. Но я не дала ему такой возможности.

— Идем.

Я перемолвилась несколькими словами с Мирабеллой и попросив ее проследить, чтобы и другие пострадавшие воины были направлены для получения помощи, и мы с супругом направились в западное крыло, по пути зайдя в наши покои и взяв мои медицинские инструменты.

Раны уже начали затягиваться, но я знала, что без определенного вмешательства заживать они будут дольше. Хоть и я привыкла уже раздевать своего мужчину, подумала я, снимая с него кожаный жилет с металлическими пластинами, но мои задачи на сей раз были иными.

Промыть раны с антисептическим средством. Я едва чувств не лишилась, когда поняла, что те, которые на шее — отметины от когтей.

Очистить кожу. Несколько глотков отвара, чтобы избавиться от боли.

Стежки, один за одним. Игла тонкой серебрястой змейкой скользит сквозь кожу.

Мазь, дабы исключить воспаления и заражение.

Стерильные повязки.

Аларик стойко терпел все мои манипуляции. Мне нравилось заботиться о нем, а он наслаждался моим теплом.

Он лежал на кровати, а я сидела рядом. Моя рука в его руке.

Принц целует мои пальцы и улыбается.

— Я безумно люблю тебя.

Склонившись к супругу, я целую его губы.

— О да, ты безумен. Могу я задать тебе один вопрос?

— Конечно, — отвечает мой родной.

— Скажи мне. Ты ведь никогда не простишь того, что сделали оборотни? Ты в любом случае настроен истребить их?

Аларик засмеялся. Совершенно искренне.

— Разумеется, не простил.

Разумеется. Другого ответа и быть не могло.

— Те, кто посмел причинить тебе боль, уже мертвы.

Моя ладонь коснулась щеки дроу.

— Ты их убил. Ты победил. Не призываю тебя щадить врагов — ведь они напали, и ты был в своем праве.

Я легла рядом с супругом и поцеловала его плечо.

— Я понимаю твою жестокость. Но однажды это может сослужить тебе плохую службу. Лишить контроля и сделать уязвимым. Будь благоразумен — ради меня.

Аларик повернулся ко мне.

— Ты — единственная причина, по которой я могу потерять контроль.

Я обняла супруга за шею и прижалась щекой к его щеке.

— Не волнуйся, — прошептал мне на ухо любимый.

— Надеюсь, я не помешал?

Сев на кровати, я увидела, что в медицинскую палату вошел вампир — уставший, но крайне довольный. Темный язык касается острых клыков.

— Как сказать, — усмехнулся мой принц.

— Ашер, — я поднялась и протянула руку князю, — подойди.

В знак благодарности за участие в схватке мне хотелось помочь вампиру с ранами.

Много времени это не заняло, потому как Ашер почти не пострадал — лишь несколько порезов на руках и растяжение связок коленного сустава. Затем в лазарете появились и другие мужчины, включая Илиаса, Камео, Дьяра и Луку. У некоторых из них, к моему сожалению, оказались серьезные проникающие ранения, требующие оперативного вмешательства.

Мы работали вместе — лекари, я и мэтр Фредерик. Итилири были хорошими хирургами, но мне стало ясно, почему соматические нарушения им не давались. Дети Северного ветра великолепно управлялись с энергиями воды и земли, но вот нити воздуха и огня не способны были стабилизировать. К тому же, дроу не видят смысла в сострадании. Возможно, причина в этом?

— Спасибо, Ваше Высочество.

Глава гильдии лекарей склонился над моей рукой. Сар Эану пахнет эвкалиптом, у него белые волосы и тяжелый взгляд бирюзовых глаз. Я видела, как точны и уверены его движения, и рада, что здоровье воинов моего супруга в надежных руках.

— Мне в радость было помочь.

Сар повернулся к моему наставнику и улыбнулся едва заметно.

— Мэтр Фредерик.

Мужчины обменялись рукопожатием, и мэтр ушел в свою комнату, а я решила еще раз проверить, как чувствует себя отец.

Слава Мудрейшей, сэр Томас получил только несколько легких царапин, которые обработала матушка.

Кстати сказать, благодарностей я удостоилась не только от уважаемого Сара, но и от Его Величества.

— Мои воины будто стали еще сильнее. — Порез на щеке Илиаса в цвет вишневого сока, а хирургические нити почти сливаются с бледной кожей. — Манипуляции с духом, видимо, важны не меньше, чем лечение тела. А ты и с тем, и с другим управляешься прекрасно.

Разницу король понял правильно. После моего вмешательства, как целителя, энергия Змеи, текущая сквозь мои руки, гармонизировала энергии итилири, дала покой и ясность их мыслям и чувствам, в то время как лекари на подобное, к огромному огорчению, не

способны.

— А вы прекрасно деретесь, — вернула я комплимент. — Уверена, сколь много веров ни попытались бы вторгнуться в Феантари — шансов у них в любом случае не было бы.

Илиас улыбнулся и коснулся губами моего лба.

— Отдохни. Тебе сейчас это необходимо.

Ох, как он прав. Я чувствовала себя совершенно измотанной, но все же отправилась к Розали и Лайолешь.

Мой дар — как холодная вода, что течет по венам. Свобода от ограничений. Равновесие. И целуя девушек, столь хрупких, я делюсь с ними спокойствием.

Всем нам необходимо хорошо выспаться. Соблазнительная идея, как говорит мой супруг. Я знаю, что после посещения своих воинов и раздачи некоторых необходимых указаний, он вернулся уже в наши покои.

Аларик лежал на спине, раскинув руки. Я устроилась рядом с ним, и супруг сразу же обнял меня и привлек к себе.

— Драгоценная, я должен тебе сказать кое-что.

Глаза закрыты, и моя рука вслепую касается его волос.

— Слушаю.

— Завтра тела погибших веров будут отданы в дар Северному ветру. А Мариус — принесен в жертву.

— Почему?

Аларик поднялся и подошел к столу. Взял одну чашку зеленого чая с молоком для себя, а вторую — подал мне.

Мой принц выглядит спокойным, безмятежным даже. Но эти губы, которые могут целовать столь нежно, выносят жестокий приговор.

— Считай это лично моей прихотью.

Наверное, все волнения сегодняшнего дня все же взяли свое — хоть я и решила держать себя в руках.

Моя чашка летит на пол. Будем считать, что я не хочу чая сейчас.

— Твоя прихоть?

— Лапушка, успокойся, — в низком, хриплом голосе я четко слышу приказные ноты.

— Не смей разговаривать со мной таким тоном, — тихо и вкрадчиво говорю я.

— Успокойся, — повторил Аларик.

Дроу опустил в кресло. Он смотрел на меня в упор — и наверное, действительно можно гордиться, что я способна выдержать взгляд этих черных глаз.

— Подумай. Что, если бы эти твари убили тебя? Моих родителей — или твоих? Кого-то из гостей — или кого-то из итилири? Я уже говорил тебе, что у меня нет права на жалость — потому как есть долг.

Неожиданно он ударил по подлокотнику, и дуб раскрошился под его рукой.

— Твою мать. Я люблю тебя. Я уязвим перед тобой. И я хочу, чтобы ты поняла меня.

Он прав. Глупостью было упрекать его сейчас. После сегодняшнего боя.

Он устал.

Я подошла к своему мужчине и встала напротив.

— Мне всегда казалось, что любовь — это не слабость. Напротив, она придает сил.

— В чем-то ты права. Действительно придает сил — защищать то, что тебе дорого.

То есть убивать. Но я оценила деликатность формулировки.

Аларик вновь так близко. Он притянул меня к себе, и мои тревоги растворяются в сандаловом запахе его кожи.

Странное проявление равновесия, подумала я. Чтобы мы остались жить — кто-то другой должен был умереть.

И я поняла правоту Аларика. Не из-за того, что я здорова и жива. А потому, что здоровь и живы сейчас мои родители.

— Спасибо.

Супруг целует меня в шею. Мои руки путаются в жестких прядях.

— Я не могу поступить иначе с Мариусом, — мой принц, как всегда, безошибочно угадал основную причину моего недовольствия. — Именно этот ублюдок — причина сегодняшнего нападения.

— Мне показалось, что послать Кариззу к своему отцу с жестоким посланием — это была провокация с твоей стороны. Разве нет?

— Возможно, — улыбается мой принц.

За окном — снег, белый, будто ванильный зефир. И наши ласки этой ночью столь же мягкие.

Его поцелуи на моих бедрах, и молочная, сладкая тяжесть внизу живота. Мои пальцы ощущают бархатистость кожи и твердость его плоти.

Нам обоим хотелось забыться. Хотя бы на короткое время.

— Как ты?

Вампир сел на край кровати Ссешеса. Дроу остался нынешней ночью в медицинской палате из-за большого количества наложенных швов, чтобы хорошенько отдохнуть, и Ашер не мог не воспользоваться случаем навестить любимого.

— Почему ты здесь?

Зелень глаз генерала под полуприкрытыми веками темнеет. Вампир наклоняется, чтобы поцеловать его.

— Наверное, потому, что мне совершенно плевать на тебя.

— Вот оно как, — Ссешес поднимается на подушках, поддерживаемый рукой вампира. — Что же, могу сообщить, что это более чем взаимно.

— Рад видеть, что ты в порядке, — Ашер улыбается плотно и хищно. Его ладонь скользит под покрывало, к поясу спальных брюк дроу. Лаской касается твердеющего уже члена.

— А ты? — брюнет подносит к губам руку Ашера, на которой видны швы.

— Я возвращаюсь завтра в Орлеас, — говорит Ашер.

— Знаю, — генерал резко привлекает возлюбленного к себе и целует вампира в шею. Это не поцелуй даже — укус, скорее. — А я должен оставаться здесь.

— Если ты свяжешь себя с кем-то иным, я тебя убью.

Синева взгляда Ашера будто разбелена ядовитым соком аконита.

— Я не даю тебе выбора. Ты ведь понимаешь?

Разумеется, Ссешес понимает. Для них обоих совершенно очевидно, что теперь, когда они открылись друг другу, встречи станут гораздо более частыми. Слишком тяжело быть далеко.

Кроме того, генерал и сам готов был обеспечить своему любимому очень долгие мучения — если тот посмеет прикоснуться к кому-либо чужому.

— Понимаешь?

— Я понимаю, что безумно хочу тебя трахнуть, — дроу переворачивает Ашера на спину и кладет руку на его горло.

Ссешес входит на всю длину, одним движением. Страх потерять самого близкого, который он испытал сегодня, разрушает его самоконтроль и делает почти грубым. Глубокие, болезненные толчки. Дроу желает доказать самому себе, что вампир здесь, рядом. В его объятиях.

Ашер, впрочем, не возражает вовсе. Сжимая пальцами коротко стриженные пряди волос дроу, он впивается зубами в его шею. Безумие прошедшего боя придает его крови пряную горечь, будто отвар полыни.

Хриплые, громкие стоны.

— Мы разбудили всех, кажется.

Ссешес ложится, вытянувшись вдоль тела вампира.

— Думаешь, будут завидовать? — усмехнулся князь.

— Ашер?

— М?

— Мы и раньше дрались вместе — и это всегда давало неплохие результаты, как ты

помнишь. Но какой ценой. Мы оба получили серьезные раны тогда, во время осады столицы орков. И мы оба пострадали сегодня.

Вампир поднялся на локте и усмехнулся.

— Что за херня? К чему ты клонишь? Считаешь, что мы слишком сильно связаны — и от того делаем ошибки, пытаюсь защитить в первую очередь друг друга?

— Да, — совершенно серьезно ответил друу. — Нам необходимы совместные тренировки, чтобы мы научились взаимодействовать и использовать наши чувства во благо.

Ашер откинулся на подушки, привлек любимого к себе и запустил клыки в его плечо.

— Холодная ты, равнодушная тварь. Нет, чтобы наслаждаться ниспосланным нам блаженством — он все о тренировках.

Иногда случается так, что кто-то совершает слишком много ошибок, говорит супруг, помогая мне прикрепить к блузе камео с фиолетово-зеленым, переливчатым агатом.

— И кажется мне, одной из самых страшных ошибок ты считаешь то, что Мариус посмел считать меня шлюхой?

— О да. Несомненно, — Аларик неторопливо застегивает пуговицы своей темно-синей рубашки.

Затем он подходит ко мне и касается губами виска.

— Ты не обязана присутствовать при этом.

— А мне кажется, я должна. Не хочу, чтобы меня заподозрили в слабости.

Мой принц потерял носом о мою щеку. Я чувствую, что он улыбается.

— Первые шаги на нашем совместном пути ознаменовались победой. Думаю, это хорошо.

Я крепко обняла супруга и прижалась лбом к его плечу.

— Надеюсь, так будет и дальше.

Зная, что время уже назначено, я будто старалась оттянуть неизбежное: отправилась поприветствовать родителей, а затем решила навестить Розали — вчера она показалась мне очень усталой и опечаленной чем-то.

Оказалось, что в комнате драконесса была не одна: Лайолешь пришла выпить к подруге чашку утреннего чая. Разговор, само собой, зашел о том ритуале, что должен был произойти вскоре.

— Я не думаю, что нам стоит присутствовать там, — сказала эльфийка, обмакивая кусочек сыра с орехами в мед. — Это не наша... церемония.

— Дьяр и Лука очень помогли моему супругу, — мягко напомнила я.

Лайолешь усмехнулась.

— Он. Не я. Это их мужские соглашения. Но если ты захочешь, я могу быть там.

На диван рядом с нами села драконесса.

На ней вязаное платье цвета охры длиной до колена, подчеркивающее ее изящную фигуру. Тонкие руки, которые держат чашку кофе с корицей, дрожат.

— Мне бы так хотела выразить благодарность за твою поддержку, но знаешь...

Я собралась уж было сказать, что понимаю ее решение, тем более, что наверняка сейчас она чувствует себя более уязвимой из-за беременности — но дело было вовсе не в этом.

— Когда я лишь училась управлять своей силой, я не была достаточно... усердной в этом, — драконесса опустила глаза. — Мои родители очень баловали меня. Считали, что придет время — и я сама пойму, что значит ответственность. Самоконтроль.

Несколько мгновений тишины вязкой, будто нуга.

— И я поняла. После того, как на некоторое время утратила возможность летать и контролировать свою стихию из-за того, что моим удовольствием стали мучения других. С тех пор...

Лайолешь обняла девушку за плечи и сказала очень спокойно:

— Эти смерти — не твоих рук дело.

Я смотрю на прелестную драконессу, вижу как рвется наружу пламя румянцем на щеках, и думаю о том, чем ей придется заплатить за свои ошибки.

Ошибки. Нынче это важная тема, кажется.

Завтрак стал для меня серьезным испытанием. Стоило мне взять булочку, посыпанную кунжутом, разломать ее — и хруст ломающейся корочки сразу же напомнил мне хруст костей Мариуса в той незабвенной его драке с Алариком.

Я не была уверена в том, что я смогу достойно выдержать предстоящее зрелище — но была полна решимости. Тем более, что рядом будут матушка и отец, дабы подхватить меня, если я упаду.

Венец в волосах. меховая накидка. Складки на лиловом бархате длинной юбки. Камни главной площади, серые, гладкие. Молочное тусклое небо и горячий кардамоновый чай.

Дубовое дерево помостов, темное, пахнущее пряно. Два острых полумесяца в тяжелых косах королевы и плотное белоснежное кружево ее платья, оставляющего на виду лишь кисти рук и узкое лицо с высокими, хищными скулами.

Волосы итилири, белые, будто лепестки жасмина. Черные, будто перья ворона.

Безмолвие. Мои пальцы и пальцы Аларика, переплетенные. Осанка леди Сиенны безупречна, как всегда. Широкие браслеты на тонких запястьях, и выгравированные змеи холодно и равнодушно наблюдают за мучительной и изысканной казнью.

Ее Величество не делает различия между живыми и ушедшими. От прикосновения Мирабеллы, легкого, как перышко голубки, распадаются в прах тела мертвых веров — и тело Мариуса. Я замечаю цвета обнажающихся внутренних органов: туманно-сливовый, карамельный, яблочно-красный. Черная лакрица распадающихся тканей и сахарно-белые кости.

Полные ярости и боли крики. Сладкий запах тления. Воистину, Аларик действительно более милосерден.

Королева говорит что-то, в ее словах я слышу шорох черных ветвей промерзших деревьев и стремительный бег зверя.

Ветер поднялся внезапно. Кажется, его вой звучал прямо в моей голове. Ледяной ветер и горячие пальцы Аларика на моей руке.

Я повернула голову к супругу. Его глаза закрыты, и прожилки на веках от холода темны, как ежевичный сок.

Ветер питается прахом мертвецов, лежащим на отрезках дорогой парчи, и Аларик впитывает эту скорбь. Он становится сильнее.

Наверное, это все же хорошо. Он ведь мой мужчина, и я желаю ему силы. Но для меня сила эта горька, и немеют кончики пальцев, будто от студеной воды.

Не бойся, родная. Не бойся.

Я слышу голос супруга, и воцаряется блаженная тишина.

Ты готов отказаться?

Аларик пристально смотрит в мое лицо.

Отказаться?

От того, чтобы забирать силу у мертвых сейчас.

Кто-то другой мог бы ответить мне: я отказываюсь от этой силы. Или — я отказываюсь от тебя. Ведь ты столь самоуверенна. Но мой супруг не был бы собой, поступи он столь предсказуемо.

Согласен. Я не стану ее забирать. Я отдам ее тебе.

Венец на голове стал тяжелее. Мои коготки, что я ощутила тогда, на церемонии нашего бракосочетания — еще острее.

Я не боюсь. Я не знаю, что такое страх. Я забыла его лицо.

Когда мы спускались по деревянным ступеням, я едва ли не первый раз в жизни порадовалась тому, что высока — выпрямившись во весь рост, довольно успешно можно было играть в спокойствие перед всеми итилири, что наблюдали за мной. Они должны видеть перед собой достойную быть их правительницей.

— С тобой все хорошо, милая?

Мы вернулись уже во дворец, и родители зашли в наши комнаты — удостовериться, что я в порядке.

— Честно говоря, не знаю.

Я склонила голову на плечо отца.

— Вряд ли.

Сэр Томас погладил меня по волосам и вздохнул.

— Ты должна все серьезно обдумать. Возможно, тебе стоит оставить Аларика и уйти из Феантари. Мы поддержим любое твоё решение.

— Благодарю, — я сжала руки матушки и отца, что сидели по сторонам от меня. — Сейчас мне необходима горячая ванна. А затем уж решим что-то.

— Конечно.

Я не хотела видеть камеристок, потому приготовила ванну для себя сама.

Розовое масло, несколько плотков розового вина, свечи в высоких золотых канделябрах — прекрасно. Очень расслабляет. Я смотрела на небо сквозь высокое окно. Оно было столь же тусклым, молочно-слепым, как и во время...

— Ты можешь убить меня, если тебе так станет легче пережить то, что произошло.

Аларик, скрестив ноги, садится на пушистый ковер у мраморной ванны.

— Они сыты? Твой народ?

Я опускаю руку и касаюсь щеки моего принца.

— Эта энергия вкусна для них? Для Хаана?

Супруг кивает молча, подтверждая мои слова. Да.

— Тебе не стоило отдавать мне эту силу. Ты же знаешь, она... чужда мне.

Аларик поднимает голову, и я почти испугана тем, что вижу на его лице: жестокую, темную радость.

— Зато она может помочь тебе защитить себя — если меня не будет рядом.

Я улыбаюсь и делаю еще глоток вина.

— То есть, ты все же намерен погибнуть, совершая великие дела?

— Было бы прекрасно. Но даже в этом случае я обязан позаботиться о тебе, — дроу

коснулся поцелуем моей ладони.

Он не лжет мне. Он ведь не глупец.

— Это все слишком тяжело для меня. Видеть это. Понимаешь?

— Драгоценная моя. Сегодня и твои близкие, и мои возвратятся в свои дома, а мы — отправимся посмотреть на тот дом, где предстоит жить нам. Здесь воцарится спокойствие. И все будет хорошо.

Аларик прислонился спиной к ванной и откинул голову на бортик.

— Я очень хочу немного покоя. Как и ты.

Главное слово здесь — немного. Он таков, какой он есть. Суть не изменить.

Я поворачиваюсь так, что наши головы соприкасаются, и говорю:

— Даже если и беспокойно — я не оставлю тебя. Произнести клятвы было моим выбором.

— О, так тебя останавливают лишь клятвы? — вкрадчиво спрашивает мой возлюбленный.

— Возможно.

— Моя женщина так коварна.

— Не говори даже. Между прочим, ты раньше мог бы рассказать мне, что приготовил дом для нас.

Я делаю еще глоток. Аларик поворачивается еще и кладет руку на мой висок. Я понимаю, чего он хочет. Немного наклонившись, приникаю к нему, и в поцелуе он пьет вино из моих губ.

— Это должен был быть подарок. Но я хочу, чтобы мы вместе выбирали убранство.

Мой принц поднялся на ноги и еще раз поцеловал меня.

— Я принесу нам подкрепиться.

Прежде чем надеть простое домашнее платье в синюю клетку, я поднесла свою руку к лицу. Кожа будто пахнет еще сладким тлением смерти.

Нет, глупости. Только розовым маслом едва уловимо. Вздохнув, я нанесла на шею и на запястья несколько капель духов с ароматом бергамота и ветивера. Так лучше.

Неслучайно, что именно королева привела в исполнение столь жуткую казнь, думала я, собирая волосы в косу. Мне ли не знать о коварстве женской магии. Вот только Мирабелла — совершенно очевидно — воспринимала свои темные способности не как нечто, что должно быть опутано цепями жестокого самоконтроля, а как инструмент. В данном случае инструмент защиты своего народа.

Я не могла никого винить за то, что произошло. В этих землях с врагами обращаются исключительно подобным образом. Я могу либо принять это, либо же — нет.

Да. Нет.

Нет. Да.

Будто черные и белые змеи волос итилири под тусклым низким небом.

Что же, время еще есть.

На обед мы с супругом лакомились салатом с черным рисом, огурцами и оливками, шоколадно-апельсиновыми кексами и виноградным соком. Трапеза проходила в почти полном молчании: мы кормили друг друга и просто наслаждались прикосновениями.

А затем настала пора провожать гостей. Ашеру пришлось снять швы раньше, и крепко подозреваю, что гораздо больше его заботило расставание с возлюбленным, нежели мои

медицинские советы. Кроме того, вампиры ждали возвращения своего князя. Ван Альберт выглядел задумчивыми и даже как будто обеспокоенным, матушка с отцом же, напротив, внешне были спокойны. Я знала, что они всегда придут мне на помощь, если это будет необходимо.

Мы тепло обнялись с Розали и Лайолешь. Мужчины каждый коснулся поцелуем моей руки, мэтр Фредерик напомнил, что ждет меня дома для продолжения занятий — и я осталась в Феантари одна.

— Совсем одна. Беззащитная, — Аларик был невероятно серьезен. — Вот он — шанс для страшного волка съесть прелестную цесарочку.

— А вдруг я невкусная?

Мои заострившиеся стараниями матушки зубы легко оцарапали шею супруга.

— Как ты помнишь, я весьма неплохо готовлю, — этот наглец самым возмутительным образом усмехается.

— Правда? — я поцеловала уголок губ своего мужчины. — Тогда сэндвичи ночами для меня готовить будешь ты.

Аларик смотрел на меня, крайне удивленный, а затем рассмеялся.

— Невероятно, — мой принц покачал головой. — Если кто услышит эти слова — вряд ли поверит, что они могут быть обращены ко мне.

— Я ведь твоя жена. А значит, имею некие привилегии по сравнению с другими.

— Я бы даже сказал, все привилегии, — прошептал дроу мне на ухо.

Моя ладонь, пробравшись под рубашку, легла на его грудь.

— Чем ты намерен заняться сегодня?

— Сопровождение с главой гильдии мастеров-оружейников. А после я покажу тебе наш дом.

Наш дом. Звучит просто невероятно.

— Буду ждать. С огромным нетерпением. А пока — идем в лазарет. Это недолго.

Разумеется, сопротивляться мне в этом случае было бесполезно. Когда я переменяла повязки Аларика и убедилась, что раны его заживают прекрасно, мой принц отправился заниматься невероятно важными государственными делами, а мы с Саром, главой гильдии лекарей, уделили внимание другим раненым воинам. Ссешес, который присутствовал на церемонии, вернулся в палату, дабы снять швы.

Когда рядом со мной находился лишь Сар, признаюсь, мне было легче. Невозмутимый, холодный дроу полностью отдавался работе. Его не волновало больше ничего — и мой статус, в том числе. Я, разумеется, не возражала.

В противовес, генерал не спускал с меня глаз, и я просто не могла понять, чем это вызвано. Впрочем, Ссешес сам разрешил мои сомнения.

— Ваше Высочество, я восхищен вашей смелостью сегодня.

В его тоне не было лести или расположения непосредственно ко мне. Лишь констатация факта, что, по его мнению, принцесса справилась со своей ролью.

— И я счастлив, что Его Высочество, которому я предан бесконечно, сделал правильный выбор. Отныне в моем лице вы всегда найдете верного союзника.

Я приняла его руку и улыбнулась.

— Мне очень приятно слышать подобные слова. Надеюсь все же, что ничего дурного не случится. Но если необходимость возникнет — я буду знать, к кому обратиться за помощью.

Ссешес запечатлел поцелуй на моей ладони, поклонился и отправился в казармы, к своим солдатам. Я же, поблагодарив Сара за помощь, взяла на кухне большую чашку теплого

молока и поднялась в наши с супругом комнаты, решив провести время за изучением научного труда по травматологии. Но признаться, сосредоточиться мне было сложно: я все думала о дроу, что лежали в лазарете. Если все мои подопечные будут подобны им, мне нечего бояться выгорания дара. Итилири брали текущей сквозь меня силы ровно столько, сколько необходимо — и ни капель больше. Я видела их взгляды, непроницаемые, будто воды зимнего озера, и читала их. Они знали, что я сильна — ни никто из них не знал, насколько. И каждый волновался, что моей энергии не хватит на то, чтобы излечить его братьев по оружию. Я совершенно не разбираюсь в делах военных, но кажется, подобная взаимная поддержка — неплохой залог общих побед.

— Они тебе благодарны. И я благодарен.

Обернувшись, я увидела, что Аларик стоит в дверном проеме. И он был необыкновенно притягателен. Свободно распущенные волосы, рубашка в бело-зеленую клетку и черные брюки из замши. То, насколько он хорош, меня удивляло каждый раз, как первый.

— Мне в радость было помочь, — я улыбнулась и подошла обнять супруга.

Мой принц крепко прижал меня к себе и коснулся поцелуем губ.

— Идем? У нас очень важное дело.

— Я готова.

Аларик взял свою парку, помог мне надеть теплое пальто, и мы отправились взглянуть на наш будущий дом.

Он находился в пределах высокой стены вокруг владений семьи Астис, но довольно далеко от дворца. И он был прекрасен.

Массивные стены, которые дарят чувство защищенности. Пологая крыша. Две резные колонны с изображениями батальных сцен — и той легенды о Хаане, что супруг рассказывал мне. Прочный, темно-серый камень. Два этажа, и на каждом этаже по четыре комнаты. Высокие арочные окна, на которых изумительно будут смотреться тяжелые бархатные портьеры — мы с супругом оба не слишком любим свет. Мне понравилось, какая древесина использована была при оформлении: темные, строгие дуб и тис, несущая дыхание молочных туманов груша, теплый самшит. На стенных мозаиках, что составлены с большим искусством из кусочков нефрита, янтаря, гранатов, лазурита, опалов — змеи и волки, на витражах — гранатовые деревья. Черно-белый мрамор полов. Воображение разыгралось вовсю, и я уже прикидывала, какую мебель, какие люстры и обои мы можем использовать. Изящная ковка в виде змей, использованная в обрамлении дверей и окон, вдохновляла меня на строгие, но выразительные решения.

— Как красиво!

Ванная комната меня просто поразила. Я люблю понежиться в теплой пенке, и чрезвычайно приятно будет расслабиться в глубокой ванной, выполненной будто из цельного куска малахита. Высокие двери выходили на задний двор — там, думаю, можно будет разбить небольшой сад, в том числе, и для моих лекарственных трав.

Аларик очень удивил меня продуманностью этого дома — совершенно очевидно, что он строился исключительно для нас.

— Для нашей семьи. И для наших детей.

— Его ведь начали строить еще до того, как ты сделал мне предложение? То есть, ты действительно не рассматривал всерьез тот вариант, что я могу сказать «нет»?

Мы находимся в уютной кухне на первом этаже — это последний пункт путешествия по нашему собственному миру. Мне по вкусу густой, мягкий свет в этой комнате — очень он

соответствует моему настрою сейчас. Здесь спокойно — во многом благодаря стенным панелям с изображением персиковых деревьев, на ветвях которых плоды мерцают сердоликами.

Говорят, кстати, что сердолик — это камень доверия. Камень открытых, искренних сердец. Возможно, эта энергия подействовала на супруга? Или же он просто хотел быть честным со мной?

— Прошедшей ночью Камео был с Мариусом.

Это грубое и грязное слово означает...

— Да, ты поняла правильно, — Аларик едва заметно улыбнулся. — Он его отодрал. Будто кору от дерева, если понимать иносказательно. Оставил изувеченным. Беззащитным. Жрец иной раз слишком... увлекается.

И мой принц его за это не осуждает.

— Камео раздирал его плоть, желая сломать. Но Мариус оказался силен. Потому я дал веру глоток обезболивающего настоя, что ты мне подарила, и напоил зельем, одурманивающим чувства.

Аларик замолчал на мгновение, будто обдумывая свои слова.

— Поверь, оборотень страдал гораздо меньше, нежели мог бы. Наверное, это и есть милосердие, проявления которого я столь часто видел в твоих поступках. Раньше мне и в голову не пришло бы уменьшить чьи-то страдания. Я должен был узнать о таких проявлениях жизни. Потому да, уверен, у тебя не было шанса отказать мне. Некоторые вещи предопределены.

— Что же, — медленно говорю я, — это замечательно, что ты поступил именно так и облегчил участь живого существа.

Дроу протянул меня к себе и поцеловал в висок.

— Более того, выяснилось, что светлые эмоции — благодарность, например, — заставили вера открыться, и энергией его манипулировать было гораздо легче. В том числе, и забирать ее во время ритуала.

— Ты циничное чудовище.

— Циничное, деспотичное чудовище, — нежно прошептал дроу. — Но это чудовище безумно тебя любит.

— Не сомневаюсь в этом, — я погладила черные жесткие пряди волос Аларика. — Но возможно, мне опасно оставаться в Феантари.

Мои пальцы коснулись губ супруга — там, где их пересекал шрам.

— Итилири, как мне стало известно, способны на очень жестокие поступки.

Аларик легко прикусил кончики моих пальцев.

— Тебе не стоит бояться Камео. Он знает цену женской силе. Как и я.

Я хотела бы сказать, что привязанность жреца к своему принцу служит лучшей поручкой моей безопасности, но промолчала. Аларику и так это известно.

— Учитывая, на что способен дар Ее Величества — я совершенно не удивлена, что женщины пользуются уважением среди твоего народа.

— Это более чем естественно. Соединение мягкости супруги, матери, и коварная жестокость, которую способна проявить женщина, защищая свою семью — очень серьезная сила.

— О, как замечательно, что мой мужчина так мудр, — ладонь на его щеке. — Уверена, он не откажет мне в одной просьбе.

— Чего же ты хочешь, драгоценная? — улыбается Аларик.

— Тебя.

Мне нравится расстегивать ремень его брюк, проводить рукой по горячей бархатистой плоти. Мне нравится быть с ним.

И стены нашего дома впитывали наши стоны. Его руки на моих бедрах. Аларик прислоняет меня спиной к стене, и юбка скользит по ногам. Пальцы супруга касаются моего лона сквозь тонкий шелк белья.

Он двигается медленно и глубоко. Замирает в неподвижности, и его член внутри меня — восхитительное ощущение. Горячие поцелуи. Мои руки под его рубашкой — и вновь запах драгоценной меди в его крови.

И чудесно лежать на супруге, вдыхая запах его кожи.

Я опираюсь ладонями о плечи Аларика и приподнимаюсь немного, глядя в лицо своего мужчины.

— Думаю, мы будем счастливы здесь.

Дроу гладит меня по щеке с такой нежностью, что в этот момент я вполне согласна умереть.

— Без всякого сомнения.

В замок мы вернулись, пребывая в весьма приподнятом состоянии духа. Несомненно, Аларик волновался, понравится ли мне дом, и был очень рад, что я его одобрила.

Еще раз поцеловав меня, супруг отправился в тренировочный зал, а я осталась в наших комнатах.

Напевая веселую песенку о цветах, которые радуются прохладным каплям дождя — весьма тихо напевая, ибо мои творческие таланты более чем скромны, — я переоделась в черные узкие брюки, укороченные, длиной немного выше щиколотки, и свободную рубашку — на всей поверхности хлопка были изображены цветы орхидей, розовых и лиловых. Собрала волосы в высокий хвост, свила их в жгут и уложила на макушке в аккуратный пучок. Последние штрихи — черные лаковые туфельки на высоких каблуках и гарнитур из тяжелых круглых серег и широких браслетов с перламутром на запястьях.

Я уже собиралась было выйти из покоев, чтобы спуститься на кухню за чашкой чая, как взгляд мой упал на любимый нож Аларика, который лежал на диване. Я взяла его в руки. Сняв ножны, коснулась острого лезвия.

Оружие так легко лежало на ладони. Оно казалось... готовым.

Мой принц великолепно с ним управляется. Возможно, и у меня что-то получится? Вот хотя бы попробовать его метнуть.

Я вытянула руку, стараясь приноровиться и решить, как же все-таки бросать нож, и так увлеклась, что вздрогнула, когда услышала у себя за спиной:

— Позволь, я помогу.

Я обернулась и увидела, что королева стоит на пороге комнаты и улыбается. Мирабелла сменила свое платье строгого, архитектурного кроя на узкую юбку цвета темного шоколада, длиной немного ниже колена, и медового оттенка блузу с вертикальными декоративными складками на груди. Мягкие волны волос и туфли, подчеркивающие изящество ступней — свой образ Ее Величество всегда продумывала до мелочей. Ведь она — пример для подражания.

Я улыбаюсь королеве в ответ.

— Была бы очень признательна.

Как мне уже известно, эти узкие ладони еще и не то умеют. Что им управиться с металлом?

Мирабелла подходит ближе и забирает у меня нож.

— Так. Поскольку у этого ножа тяжелая рукоятка, и метать его нужно, держа за рукоятку. Поза спокойная, расслабленная.

Ее Величество делает небольшой шаг вперед правой ногой.

— Нож кладется на ладонь. Четыре пальца сжимают рукоять, а большой находится на верхушке. Гляди — вон там, на косяке, естественный рисунок древесины, будто яблоко — это наша цель. Поскольку дистанция близкая, необходимо загнуть запястье к предплечью — так нож будет переворачиваться в воздухе быстрее. И отпускаешь.

Точное попадание.

Все движения королевы такие плавные, точные, и кажется, совершенно не требуют усилий. Но взяв оружие, я убедилась, что на самом деле все далеко не так просто. Вначале нож никак не желал лететь в облюбованную цель, но я была упорна — и ножу ничего не

оставалось, кроме как смириться с моей волей. Тренировка прошла отлично — всегда ведь приятно учиться чему-то новому. К тому же, соревновательный момент здорово разжигал азарт.

— Я ведь зашла к тебе поговорить, Лидия.

Бросок — безупречный, как и каждый раз. Королева поворачивается ко мне.

— Дело в том, что у меня есть некий социальный план — создание научно-исследовательского института, который будет заниматься постоянным отслеживаем качества почвы и воды. И я хочу, чтобы ты помогла мне в этом.

Я полностью поддерживала инициативы королевы. Суть способностей дроу такова, что созидание и плодородие им не подвластны, и потому — основную роль в развитии сельского хозяйства играет техника, а не магия. И естественно, что — не только в силу моего статуса, но и по желанию сердца — я готова была принять участие в жизни народа, который теперь и моим.

— Мне очень лестно ваше доверие, и я с радостью помогу.

— Не сомневалась даже в твоём ответе.

Ее Величество легко обнимает меня.

— Кстати сказать, понравился тебе дом, который приготовил Аларик?

Я физически почувствовала, что на щеках моих появился румянец.

— Очень понравился. Он... очевидно старался.

Королева невозмутимо кивнула.

— Прекрасно.

Мирабелла удалилась распорядиться насчет ужина, а я решила повременить с кофе и направилась посмотреть на тренировку супруга.

Высокие двери зала открылись беззвучно, и я вошла внутрь. Впрочем, даже если бы мое появление сопровождалось громким шумом, Аларик и Камео его вряд ли бы заметили.

Итилири слишком были увлечены своим боем. Двуручные мечи выглядели очень тяжелыми, и мне было совершенно непонятно, как ими возможно столь искусно действовать. И наверняка ведь это не единственная физическая нагрузка, которой подвергает себя мой супруг. По крайней мере, теперь понятно, откуда у него столь рельефная мускулатура.

Брюки из особой ткани, обеспечивающей свободу движений, довольно низко сидели на бедрах Аларика, позволяя видеть соблазнительные линии внизу живота — но даже это не помешало мне оценить красоту поединка. Сочетание филигранной техники и жестокого вдохновения.

От отца я знаю, что очень важно во время боя регулировать глубину дыхания и балансировать движения, дабы всегда иметь возможность реагировать на действия противника и самому проводить атаки. Спокойствие и уверенность — основные союзники, и оба дроу знают об этом.

Я вижу улыбку на бледных губах жреца. Меч в вытянутой руке направлен к горлу моего принца. Аларик смотрит насмешливо — посмеешь ли?

Посмеет. Наклонный удар по корпусу, от которого супруг уходит поворотом. Ответное нападение.

Колющие удары, будто шипы. Оба позволяют себе коварные подсечки, отвлекающие внимание. Мне стало очевидно, что Камео сделал ставку на силу ударов и свои идеальное

взаимопонимание с мечом. Но ведь Аларик управляется с оружием ничуть не хуже, и его атаки не менее изощренны.

Только вот жрец менее хладнокровен.

— Тебе не хватает сдержанности, — говорю я Камео, когда он подходит ко мне. И имею в виду сейчас не только бой.

Он вновь улыбается и склоняется над моей рукой.

Я поглядела на волосы, белые, как сливочный крем, на мышцы, сила которых наверняка будоражит сердце не одной женщины, и искренне в своих мыслях пожелала ему обрести свое счастье — и покой.

— Уверен, так и будет.

Когда жрец ушел, мы с Алариком остались вдвоем. Супруг обнял меня и привлек к себе. Я коснулась кожи его плеча, блестящей от пота в свете масляных ламп.

— Теперь я понимаю, почему тебя бояться.

Аларик засмеялся.

— Будто моего дара причинять страдания мертвецам мало.

Я поцеловала своего мужчину в шею и обняла еще крепче.

— Ну разумеется.

Каждый мужчина хочет знать, что именно для своей женщины он — самый лучший. Даже если его обожает целый народ.

Мы вернулись в свои комнаты, и мой принц отправился принять ванну, а я общалась с матушкой, которая связалась со мной, дабы узнать, все ли в порядке.

Я рассказала ей о прекрасном доме, который подготовил для нас Аларик, и о том, как королева научила меня метать ножи.

— Я очень рада, что твой день прошел столь приятно, — улыбнулась леди Сиенна. — И я совершенно не хочу, чтобы твое настроение ухудшилось, но... Мне необходимо кое-что тебе сказать.

Матушка вздохнула.

— Мудрейшая открыла мне, что тебе следует быть осторожной. Опасаться.

Камни-передатчики коммуникатора внезапно показались мне странно-темными, и цвет этот сулил дурные вести.

— Опасаться? — я нахмурилась. — Чего?

— Лис, доченька.

Я покачала головой.

— Не могу понять.

— Возможно, тебе стоит вернуться домой? — спрашивает матушка.

— Может быть, — задумчиво ответила я. — Совершенно необязательно, что опасность подстерегает меня исключительно в Феантари.

— Послушай, Лидия, — бархат голоса леди Сиенны сейчас лишь подчеркивал ее стальной характер, — мы с отцом уехали без тебя — потому что знали, насколько ты хочешь остаться. Хоть и не уверены, что поступили верно, как родители, учитывая тот факт, что в первые дни твоего замужества мир, где тебе предстоит жить, подвергся нападению.

— Дроу дали прекрасный отпор! — возразила я.

— Неважно. В следующий раз все может сложиться иначе.

Я ничего не могла возразить. Ведь я понимала, насколько матушка и отец бояться меня потерять. Особенно, если учесть, что однажды это уже едва не случилось.

И я знала, что родителям очень тяжело смириться с тем, что я уже стала взрослой.

— Хорошо. Я поговорю сейчас с Алариком. Возможно, он поймет, о чем идет речь и чего мне стоит опасаться. Прошу вас, матушка, не стоит волноваться.

Мы попрощались, и я сразу же отправилась к супругу, дабы обсудить ситуацию.

Мой принц блаженствовал в горячей воде с мятным маслом, и, по всему судя, чувствовал себя прекрасно. О повязках, конечно же, он не подумал.

— Необходимо снять швы. Регенерация у тебя просто поразительная.

Я коснулась мягко его плеча, садясь на бортик ванной, чтобы быть ближе.

Аларик улыбнулся, не открывая глаз, и сжал мою руку в своей, переплетя пальцы.

— Дорогой, скажи мне: лисы в Феантари очень опасны?

Супруг повернул голову и посмотрел на меня с удивлением.

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне посоветовали держаться от них подальше.

Его тело напряглось, как у зверя, почувявшего опасность.

— Кто?

Я рассказала ему о разговоре с матушкой, утаив, впрочем, что она настаивает на моем возвращении домой. Это не главное сейчас.

— Любопытно, — протянул Аларик. — Наиболее вероятно, это предупреждение о том, что следует ждать опасностей от веров. Вновь. Что же, мы готовы к этому.

Взгляд моего принца — лед над черной водой.

— Знаешь, драгоценная, Хаиш попросил разрешения, дабы Анна посетила мир итилири. Для нее важно поблагодарить тебя лично за то, что ты повлияла на мое решение. Ведь дело касается ее мужчины и ее сына. Но в свете того, что ты рассказала мне сейчас — я сомневаюсь.

— Не стоит, — я склонилась и поцеловала супруга. — Ведь я буду здесь, в безопасности. Кроме того, Анна — человек. Что может произойти дурного?

Всегда был уверен, что лучшее успокоительное — это кровь врага. Лично я предпочитаю, кстати сказать, холодную. Но Лидия показала мне всю глубину этого заблуждения.

Лучшее успокоительное — это ее ладонь на моем члене.

Она раздевается и ступает в воду. Каждый раз вид ее обнаженного тела — изящного, гибкого — меня завораживает. Благо, что не лишает возможности двигаться — это, несомненно, разочаровало бы мою женщину. В определенном смысле.

Ее близость — самое сладкое, что мне довелось ощущать. Только с ней — это всегда правильно. Я не зря ждал так долго.

Я чувствую тяжесть ее тела и ласку поцелуев. Теперь, когда она рядом, я хочу получить все сполна.

Ее губы касаются напряженной головки, язык проводит по всей длине, и...

Я знаю, что Лидия видит сейчас мои воспоминания. Ту, другую. Пустую, что касалась меня так же.

Я готов заставить ее выслушать меня. Я готов держать ее силой — если будет необходимость.

Но моя женщина — совершенна. И она не собирается бежать. Лидия садится на мои бедра, прижимаясь спиной к моей груди. Поднимает руку и гладит меня по щеке.

— А ты еще более холодная и жестокая тварь, чем я могла даже подумать. Зачем ты сделал это? Ты ведь знал, что она так слаба. Непростительно. Всего лишь человек. Ты знал, она вряд ли оправится, если ты уйдешь.

По тонким пальцам струиться вода, смешанная с мятным маслом.

— Я не желаю, чтобы это прошлое — все, что было до меня — помешало тому прекрасному, что ждет нас впереди. Нас. Вместе. И знаешь, — голова Лидии удобнее легла на мое плечо, — разумеется, я не одобряю того, что увидела сейчас. Но я хочу знать все о тебе. Ты открыт передо мной — и это правильно.

Сложно описать сейчас мои чувства. Это благодарность. И осознание того, что ты верно выбрал ту единственную женщину, которой готов отдать свою жизнь. И даже смерть.

— Обещаешь? Отдать мне свою жизнь? — спросила я, как в тот незабвенный день нашего бракосочетания.

И также, как и тогда, мой мужчина ответил:

— Обещаю.

Я тихо засмеялась и провела ладонью по бедру Аларика.

— Думаю, я правильно выбрала себе супруга. С кем еще я могла бы вести подобные разговоры, нежась в горячей воде?

Дроу коснулся губами моей шеи. Благоговейно.

— Нам обоим повезло.

Одеваясь к ужину, я размышляла обо всем случившемся. Видение не было хорошей новостью. Он знал других женщин — это не тайна для меня. Прошлое не изменить. Прошлое, в котором не было меня. Я видела эту девушку, то, как она стояла на коленях и то, как она смотрела на Аларика... Я испытывала к ней жалость. Чувство, которое вызывает у целителя каждый, кто слаб и одолевает сомнениями.

Часто ли я сомневалась в своем положении, в своей силе?

Глядя на девушку в зеркале — строгое серое платье, длинные нити дымчатых опалов на шее, прямой, холодный взгляд — сложно поверить, что она способна сомневаться.

Да, я редко сомневаюсь. Родители всегда говорили мне: необходимо сохранять достоинство. Помни о том, кто ты есть.

Дроу, полностью уже одетый, подошел ко мне и обнял за талию.

— Люблю тебя.

— Правда? — искренне удивилась я.

— О да.

— А знаешь, что еще правда?

— М? — ладони супруга скользят вверх по ребрам, к груди.

— Тебе очень к лицу темно-зеленый, — я провожу пальцами по рукаву его джемпера.

Ужинали мы вдвоем в малой столовой. Мне нравится эта комната, оформленная в синем и кремовом тонах, и огонь в камине здесь, кажется, мерцает особенно мягко. Общество любимого и вкусная трапеза — суп-пюре из белых грибов и сыр с травами. Великолепно.

Впрочем, оставалось еще одно незаконченное дело — необходимо снять швы Аларика, для чего мы отправились в лазарет.

— Ты хотел бы убрать все эти шрамы, дорогой? — спросила я, обрабатывая кожу его

плеча.

Дроу обернулся ко мне вполоборота. Я видела, что он улыбается.

— А ты хотела бы, чтобы их не было?

— Нет, не думаю.

— И я не хочу. К напоминаниям о своих ошибках следует относиться уважительно. Это

опыт.

Когда я закончила, супруг обнял меня и коснулся губами виска.

— Отдохни, драгоценная. А мне необходимо еще поговорить с Ссешесом и сообщить

Хаишу, что ты готова поговорить с Анной.

Хаиш утверждает, что наследный принц этих любителей мертвечины — очень серьезный игрок на поле, и не согласиться с ним трудно. От одного вида в дрожь бросает. Мой карамельный ангелок, конечно, тоже весьма крутой парень, но от его взгляда хотя бы льдом не покрываешься.

И что делает рядом с Алариком такая красавица — загадка (хотя, конечно, не мое это дело). Одни эти роскошные волосы пепельного оттенка чего стоят, да и ноги у нее просто бесконечные — любая супермодель гарантированно ощутила бы бесполезность своего существования.

Она выглядит, как человек — но уверена, немногие обманутся. Уж очень особая начинка в этой прелестной булочке. Лидия... гармонична — и это притягивает.

Она заходит в гостиную, одетая в узкую юбку из бархата темно-лилового, почти черного цвета, и свободную блузу глубокого изумрудного оттенка в белый горошек. Склоняет голову к плечу, отчего собранные в низкий хвост локоны скользят по молочной коже шеи. Смотрит на меня, не мигая, и говорит:

— Здравствуй.

— Моя заслуга в этом невелика. Супруг и так намерен был помочь вождю. Ведь дело касается ребенка.

Анна отставляет свою чашку зеленого чая с жасмином и говорит осторожно:

— Насколько я знаю, итилири к сентиментальности не склонны. То есть, в любом случае, я очень благодарна Его Высочеству. В данном случае что-то — лучше, чем ничего.

Прежде чем девушка опускает глаза, я вижу в них печаль, горькую, как сок полыни. Жаль, что ей приходится проходить через подобное.

— Знаешь, чего мне не хватает в Каррасе больше всего? — она неожиданно засмеялась, мягко и тихо. — Кока-колы и картофеля фри с кисло-сладким соусом.

Я откинулась в кресле и скрестила руки на груди.

— Что это, прости?

— Еда из популярной сети ресторанов в моем мире, — ответила Анна, улыбаясь. — Это очень вкусно. Если колу можно взять с собой впрок, то готовить картошку пришлось учиться самой. К сожалению, как бы я ни старалась, такой потрясающей, как в «Макдональдсе», она не выходит.

— Звучит... весьма интересно. Хаишу тоже нравятся эти блюда? — поинтересовалась я.

— О нет. Ему по вкусу больше пришлись суши — это такое ориентальное блюдо из морепродуктов, риса, иногда с добавлением овощей. Люблю наблюдать, как он ест их: мой орк такой большой, а кусочки маленькие, еще и деревянные палочки, — тон голоса Анны стал очень нежен, когда она говорила о своем мужчине. — Только не говори Хаишу, что я тебе это рассказала.

— Не скажу, — пообещала я, улыбнувшись в ответ.

Определенно, Анна мне нравилась. Она держалась прекрасно, и я уверена, что бы ни случилось в ее судьбе, девушка поведет себя достойно и мужественно.

Я не могла не думать о том, что она очень красива. И красота эта памятна мне еще с той ночи, когда я пила ее молоко.

Сейчас Анна, тонкая, с полупрозрачной, гладкой кожей облачена в мятного цвета платье и уютный вязаный кардиган на пуговицах. Рыжие волосы собраны в аккуратную косу, хоть и очевидно, что кучерявым прядям не по нраву такая строгость. Девушка призналась, что не была уверена в своем наряде перед встречей со мной, даже учитывая, что разговор предстоит неофициальный, но я успокоила ее, заверив, что все замечательно.

— На обеде с королевской четой и твоим супругом необходимо выглядеть торжественно, дабы не уронить достоинство. Знаешь, — она вздохнула, — все было бы гораздо легче, будь мой муж простым... ну ладно, пусть даже орком. Все эти церемонии — не для меня. Вот ты — другое дело, Лидия. Ты будто рождена быть принцессой.

Я смотрела в ее глаза — и она не отвела взгляд.

— Скрывать не буду, дроу очень жестоки. Но уверена, если ты наденешь неподходящее платье — они не убьют тебя.

Анна весьма иронично изогнула бровь.

— Если они попытаются — легко я не дамся.

Девушка налила себе чистой воды, настоянной на лимонах и апельсинах. Яркие кусочки фруктов безмятежно красовались на дне прозрачного кувшина.

— Кстати. А что насчет вашей истории? Когда Его Высочество встретил нас с Хаишем сегодня, скажу откровенно: он меня испугал. Он очень холоден. Как тот, у кого сердца нет, умудрился жениться по любви?

— Анна, уверяю, ты ошибаешься, — я налила себе чашку кофе и добавила густых сливок. — Он прекрасен, и я счастлива с ним. Да и вряд ли у меня был шанс отказать Аларику.

— Как любопытно, — протянула девушка. — Он что, заставил тебя?

— О нет, — я улыбнулась, покачав головой. — Мой мужчина слишком умен, чтобы действовать столь грубыми методами.

Осторожно подбирая слова, я рассказала Анне о том, какова роль Аларика в том, что я вообще жива сейчас.

— И как только я вошла в возраст, он явился и предложил мне все, чего я могла желать. Даже притяжение той жестокости, которая неотделима от моего дара.

И кроме того, в одном ритуале он принимал непосредственное участие. Но не думаю, что Анне стоит знать об этом.

— О какой жестокости ты говоришь? — с любопытством спросила девушка. Ее зеленые глаза стали светлее, будто в джем из зеленых яблок добавили мед.

— Скажем так: взаимосвязь проста. Зная анатомию, видя линии движения энергий, ты можешь стабилизировать процессы организма и вернуть здоровье, а можешь — внести разлад и погубить.

— Оу. Вот это да.

Анна наблюдает за мной из-под полуприкрытых век, спокойно и изучающе. А я замечаю вдруг, что завтрак наш остался почти нетронутым. Жаль, ведь омлет с ветчиной и сладким перцем, как и лимонный пирог, наверняка очень вкусны.

— А чем ты занимаешься?

Несколько мгновений взгляд Анны ласкает мои ноги, и я думаю, что пожалуй, стоило бы надеть более длинную юбку. Затем девушка вновь смотрит в мои глаза и кладет на стол тонкий серебряный браслет.

Точно такой же, как два других, что остались на моем левом запястье.

— Это как понимать? — мягко спрашивает Лидия, и я сразу чувствую, как шелковый шнур сдавливает мою шею.

Не страшно. Хочешь знать, красавица, чем я занимаюсь? Хожу по лезвию. Я думала, что не будет этого больше, но как увидела Лидию — вернее, браслет на ее руке — и сразу знакомый азарт зажег кровь.

Да и удача моя все еще при мне, если сейчас все раскрылось именно так.

— Перед тем, как стать женой вождя орков, я была довольно-таки талантливой воровкой по прозвищу Лиса.

Лидия смотрит на меня, прищурившись, не говоря ни слова. И я наконец-то вспоминаю, что уже отвечаю не только за себя. Дура. Поддалась влиянию каприза — захотелось, видите ли, удовлетворить любопытство. Вот только головой надо было думать — здесь же каждый наделен силой. А на моей стороне только хитрость и ловкость.

Но... Рисковать — занятие благородное. Да и еще кое-какие козыри в моем рукаве имеются.

— Простите меня, Ваше Высочество. Просто на этом, без сомнения, скользком пути меня особенно интересовали драгоценные камни. Женская слабость, наверное. Я не могла не заметить, насколько редкого оттенка сапфиры на ваших браслетах, и какой необычной огранки. Это тем более привлекло мое внимание, что подобный камень я совсем недавно обнаружила на своей кровати, когда навещала родителей. И я позволила себе вольность. Взяла ваш браслет — без разрешения, каюсь, во время приветственного объятия — чтобы сравнить.

Разумеется, этого мало было для того, чтобы меня испугать — да и Анна была слишком умна, чтобы угрожать. Я думала о том, как интересно иной раз переплетаются нити. Если бы в тот раз, когда я кормилась молоком девушки, не выпал сапфир из моей броши, и если бы сегодня я не надела браслеты, которые являлись гарнитуром с этой брошью, вряд ли бы узнала о том, кем была правительница орков ранее. Она разбирается в драгоценных камнях, наверняка смела и хитра. Мне сразу же вспомнилась легенда о Хаане и его возлюбленной, что рассказал мне супруг. Неизвестно, где сейчас камень, в котором заключен дух Мириэллы, и кто знает — возможно, Анна может быть полезна итилири?

— Браслет, пожалуйста.

Я протянула руку, и девушка положила украшение на мою ладонь.

— У тебя много еще столь же захватывающих историй?

Анна, едва заметно улыбаясь, смотрит на меня спокойно и прямо.

— Немало, — отвечает она.

— Прекрасно, — я поднялась из кресла и поправила выбившийся из прически локон. — Я с удовольствием их послушаю.

Мы отправились прогуляться в розарий. Сладкий, нежный аромат и многообразие оттенков бархатных лепестков — кремовый, розовый, янтарный, темно-багряный — всегда настраивают на откровенный и неспешный разговор, и мы с Анной неспешно шли по мягкому песку дорожек.

— Я обожаю розы, и когда я только узнала Хаиша, моя квартира напоминала этот сад — столько букетов он мне дарил, — тихо сказала Анна. — Уж не знаю, как он узнал о правилах ухода за человеческими девушками, но у него получалось замечательно. И вот

случилось так, что мой бывший мужчина ударил меня после того, как я сказала ему, что ухожу. Я ведь тогда уже влюбилась в своего карамельного зайчика по уши. Хаиш увидел синяк, и конечно, я все ему рассказала. На следующий день я прихожу домой, а орк мой говорит, что у него есть сюрприз для меня. Захожу в ванную — а там в ледяной воде труп моего бывшего, невероятно красиво украшенный розовыми лепестками.

— Представляю. Наверняка это было великолепное зрелище, — заметила я. — Аларик бы еще и запек виновного мне на ужин. Он мастер подобной готовки.

— Кулинария — это интересно.

Голос Анны томный, мягкий, будто запах роз, что нас окружает. Она подходит ко мне очень близко — гораздо ближе, чем дозволено приличиями, — и касается пальцами моих губ.

— Сейчас мне очень хотелось бы попробовать какое-нибудь изысканное блюдо. Например, капли меда, которые будут стекать между твоих бедер.

Она касается поцелуем моих губ легко и почти невесомо, но этого достаточно. Под сладостью желанья ко мне я чувствую ту горечь, которая отравляет Анну. Ребра будто сдавлены, и тяжело дышать.

Она хочет тепла, и это естественно. Жаль только, что она из тех, кто черпает его более из связи плотской, нежели духовной.

Я осторожно отстранилась и погладила девушку по щеке.

— Тебе очень тяжело сейчас, и я понимаю это. Хаиш останется с тобой — ведь в вашем сыне течет и его кровь. Не печалься. Возможно, есть шанс обмануть неизбежность.

Анна закрывает глаза и глубоко вздыхает.

— Прости.

Я улыбаюсь.

— Никакой обиды. Это действие моего дара — тебе необходимо утешение, и ты чувствуешь, что можешь обрести его во мне. Но на самом деле, я лишь отражаю то, что есть в тебе самой. Ты должна быть сильной, чтобы принять данность. У тебя есть причины быть сильной.

— Твой дар? — медленно повторила Анна. — А я думаю, это твоя красота. Ты прекрасна.

Вновь она касается моих губ. Расстегивает несколько пуговиц на моей блузке, и тонкие пальцы скользят под ткань, лаская грудь.

Я прислушиваюсь к своим ощущениям. Не то, чтобы мне неприятны прикосновения Анны. У нее такая атласная, гладкая кожа, пахнущая жасмином, и ярко очерченные пухлые губы. К тому же, новизна, в силу моей неопытности, весьма привлекает.

Но... это чужие прикосновения. Чужие руки и чужие губы. Они не идут ни в какое сравнение с тем, что я чувствую рядом со своим мужчиной.

Анна целует мою шею — и это чудесное ощущение, будто вкус мягкого черничного пирога с сахарной глазурью. Но близость этой женщины не вызывает во мне... желанья. Желанья брать — и отдавать. Принадлежать и владеть.

Что же, нам пора заканчивать это. Время возвращаться.

— Представь себе Хаиша мертвым.

Голос Лидии, жестокий, холодный, мгновенно отрезвляет меня.

— Тело его истлело, а дух отправился искупать свои деяния. И больше ты никогда его не увидишь.

Никогда? Никогда не будет его тепла рядом?

Я не чувствовала боли. Я чувствовала пустоту, которая лишала воли. Лишала способности мыслить и чувствовать. Это страшнее.

Утерев слезы, я сказала, неожиданно зло и решительно:

— Не хочу его потерять.

Лидия улыбнулась и обняла меня за плечи:

— Вот и прекрасно. Думаю, мы сможем что-нибудь придумать, дабы изменить ситуацию. А сейчас идем в замок — пора переодеваться к обеду с королевской четой.

Аларик лежал на полу их спальни. Ладони на закрытых веках, губы плотно сжаты.

Интересно, знала ли Лидия, насколько ясно он способен чувствовать и видеть все, что чувствует и видит она?

Конечно, он мог бы быть сейчас там, в розарии. Разодрать голыми руками плоть этой дряни, что целовала его женщину. Но принц оставался недвижим.

Лидия залечила его раны. Омыла их. Заставила почувствовать, что он желанен. Что он любим.

Правда. Или ложь? У него не было желания выбирать.

Если он придет в розарий — навсегда потеряет возможность узнать. Потому просто наблюдал.

А ведь раньше он считал, что знает о боли все. Еще одна ошибка. Теперь он весьма точно представлял ощущения тех, кто рассыпался в прах заживо.

Чужие прикосновения. Чужие губы, чужие руки.

Аларик и сам не знал, насколько сумасшедшая улыбка змеится на его губах, когда он видит себя в сознании своей женщины.

Она думала о нем, и лишь о нем.

Тут принц был совершенно солидарен со своей любимой: зачем ей кто-то еще, если есть он?

Аларик поднялся плавным, медленным движением. Член его был болезненно напряжен — благо, что замшевая ткань брюк скрывала это.

Ему предстоит серьезный разговор с своей женщиной.

Блузу я застегнула, естественно, сама.

На обратном пути мы не вспоминали о том, что произошло только что под сенью роз. Анне есть сейчас, о чем подумать. Да и мне тоже.

Я не успела должным образом закрыть свои мысли от Аларика. Разве я могла предвидеть необходимость скрывать что-то? Удивительно, но я привыкла уже доверять супругу. Не рано ли?

У дверей своей спальни Анна пожала крепко мою руку, сказала: «Спасибо» и скрылась в комнате. Я же направилась было к себе, но не тут-то было.

Из-за поворота коридора вышел Аларик. Я замерла на мгновение, напуганная — мое внимание ранее не привлекало то, насколько бесшумно он двигается.

— Ты сильно напугал меня.

Я отступаю назад — он делает шаг вперед.

— Неужели? — мой принц иронично изгибает бровь. — А мне кажется, недостаточно сильно.

Аларик схватил меня на руки так быстро, что я охнуть не успела, и прижал спиной к стене. Серый камень, исчерченный фиолетовыми прожилками, холодит кожу сквозь ткань блузы.

Я хотела попросить, чтобы супруг отпустил меня — но конечно, такой возможности мне никто не дал. Он целовал меня, почти кусая и причиняя боль.

— Аларик...

— Молчи.

Мои оправдания ему вовсе не нужны.

— Все, что я хотел узнать — я узнал.

Я обнимаю своего мужчину, очень крепко. Кусая его шею в ответ — и сразу же зацеловываю след.

— Я тебя съем сейчас, — тихо и вкрадчиво говорит мой принц. И уверена, сейчас эта угроза близка к исполнению, как никогда. Это меня пугает — и... превращает кровь в расплавленную карамель.

Взгляд этих непроницаемо-черных глаз заставляет меня дышать глубже.

— Аларик...

Дверь в нашу спальню дроу едва ли не выбивает ногой.

Я на постели. Тяжесть его тела. Он заводит мои руки за голову и переплетает наши пальцы.

— То есть, я тебе нравлюсь? И вот это тебе нравится тоже?

Аларик еще ближе ко мне. Я чувствую его возбуждение. И эта твердость, сила его тела придает уверенности мне.

— Может быть, — нежно отвечаю я.

— Может быть? — дроу внимательно смотрит в мои глаза. — Ды ты просто бесстрашная женщина, моя драгоценная.

На спине моего мужчины сейчас не только белые линии шрамов, но и розовые, будто джем из розовых лепестков, отметины от моих пальцев, а мои губы едва ли не болели от поцелуев.

Эти глубокие, жестокие в своей плавности движения — и пугающая нежность, с которой мой мужчина смотрит на меня.

Разумеется, на обед мы почти опоздали.

Ощущение его члена внутри — нечто невероятное.

— Прости, я не хотела...

Чтобы она целовала меня, добавляю мысленно.

— Я в курсе.

Аларик склоняется надо мной, и я касаюсь кончиками пальцев его щеки.

— Я, знаешь, готов подохнуть был от счастья, когда увидел в твоих мыслях, что ты хочешь — меня. Любишь меня. Но должен предупредить, — губы его изгибаются в хищной улыбке, — если еще раз кто-либо чужой к тебе дотронется — я его убью. А если ты сама не против будешь — убью и тебя. Понятно?

Я и хотела бы спорить, возражать. Но не стану. Я сама сделала свой выбор. Аларик — мой правильный выбор.

Я слишком хорошо знаю, на что он способен. Только вот сейчас мне не своей жизни жаль, а причинить легкомысленно боль своему мужчине.

— Несомненно, — я мягко касаюсь поцелуем губ Аларика.

А после мы нежились в ванне и смотрели на пушистый мягкий снег, падающий за окном. Вода с лавандовым маслом была горяча, но больше сердце мое согревала наша с супругом близость. Узнав меня, Аларик понял, чего на самом деле он хочет. И дал мне возможность понять, что нужно мне.

Насколько опасно выбрать мужчину, который, вполне возможно, умнее тебя?

— Нам пора уже идти на обед.

Аларик весьма талантливо сделал вид, что не услышал. Его ладонь переместилась ниже, на мое бедро.

— Мы почти опаздываем, родной. Хаиш наверняка прибыл уже.

Взгляд дроу более чем красноречиво выражал все, что принц думает обо всех этих официальных обязанностях — но выбора нет. Тем более, что орки стали нашими союзниками.

— Не спорю. Но я сейчас о другом думаю.

Аларик уже надел черные брюки и рубашку в бело-бордовую клетку, и сейчас собирал волосы в косу.

— О чем же?

Я придирчиво осматривала себя в зеркале. Узкая черная юбка длиной немного ниже колена, белая строгая блуза, синий джемпер свободного силуэта и серебряная брошь с опалами в виде полумесяца. Высокий, немного небрежный хвост. Что же, мне нравится.

Да и супругу, кажется, тоже — он сидел на кровати и смотрел на меня, не отрываясь.

— Я думаю о том, что стоит внимательнее приглядеться к Анне. Она не так проста.

Я повернулась к принцу, заинтересованная его словами.

— Камень из твоей броши выпал во время пребывания в ее доме. Да и прозвище этой женщины весьма говорящее. Ее волосы — рыжие, как мех лисы. Учитывая предупреждение Змеи, все это уж очень очевидно. Слишком складно получается.

Я действительно была благодарна Лидии за все, что произошло. Она могла гораздо более резко отреагировать на те вольности, которые я себе позволила — но не сделала этого. Более того, кажется, она искренне мне сопереживает.

Что касается природы моего к ней влечения, то это, конечно, некая забавная ирония. Я даже обрадовалась, ощутив влечение к красивой женщине — не стала скучной и сухой матроной, значит. А оказывается — это ее дар, ее тепло. Сексуальная окраска моего чувства ничуть меня не удивила. Просто близость тел для меня всегда более простой вопрос, нежели близость душ. Родители не считали нужным учить меня глупостям, таким, как чувства, например.

Мне всегда казалось, что счастье оно... делает жизнь более тусклой, что ли. Какой в счастье риск? Где темная опасность, что щекочет нервы острием ножа?

А наш союз с Хаишем — все Боги, в которых верит он, и те, в которых не верю я — тому свидетели, был счастливым. Даже слишком счастливым. Я не могу без него, он не может без меня. Мы вместе. Это данность. Это факт. Где же место для импровизации? Да, конечно, жизнь орков скучной не назовешь. Я была в восторге, когда узнала о том, что есть и другие миры, и там все ново для меня. И Хаиш — о да, Хаиш. Не такой, как все известные мне дс

того мужчины. Более сильный. Властный, способный удержать меня в руках. Жесткий. Способный на любое безумие.

Вот только есть серьезная проблема — в этом безумии никогда нет места мне. Муж считает меня фарфоровой, мать ее, куклой. Слишком хрупкой.

И это мучает меня. То, что он, кажется, прав. Ведь моя слабость стала причиной того, что сейчас ему грозит смерть. Я гляжу на орчанок — сильных, смелых, здоровых — и охрененно тяжело не думать постоянно о том, что каждая из них могла бы родить Хаишу сына, и это никоим образом не стало бы причиной опасности для правителя.

У меня сильнейшая аллергия на слово «долг» и я не понимаю природы того, что связывает моего мужа с его народом. Но я действительно хочу быть ему хорошей женой.

И не все еще потеряно. Я что-нибудь придумаю. Лисы ведь очень хитры.

Обед порадовал меня изысканностью вкусов и спокойной атмосферой — невзирая на то, что, по мнению Аларика, друу с орками не то, чтобы союзники. В любом случае, и дети камня, и темные могут быть весьма полезны друг другу.

Пирог с тунцом и помидорами. Мясо индейки в медовом соусе с кунжутом. Маринованные в имбире груши. Портьеры из тяжелого атласа цвета янтаря раздвинуты, и тусклые лучи скользят по темно-синему камню стен, кремовому льну скатерти и ножкам мебели, изогнутым причудливо, как шипы колючей сливы. Белоснежные гортензии в высоких вазах.

Ее Величество в длинном закрытом платье цвета красного вина. Изящная, довольно пышная юбка, согласно традиций, скрывает щиколотки, а едва заметная улыбка — истинные мысли королевы. А королю ухищрения не нужны: он холоден, его движения точны и выверены идеально. Как и всегда.

Анна же сдержана и спокойна. Костюм почти мужского кроя, очень элегантный, лавандового цвета, белая блуза и длинные нити жемчуга. Волосы собраны в аккуратную, причудливого плетения косу. Ничто в этой девушке, исполненной достоинства, не напоминает о той порочной нежности поцелуя в розарии.

И я рада этому. Ограничения, которые налагают на нас истинные чувства, добровольны, и я принимаю их. Да, Анна прекрасна. Тем более, что естественная, в силу моего дара, склонность к исследованиям влекла меня. Но — каждый из нас сам делает свой выбор.

Вот Хаиш, например, выбрал камень, идеально повторяющий оттенок его глаз. Он украшает простой стальной браслет на руке. Темно-серый, тяжелый, как взгляд вождя орков.

Его энергия — густая, медленная, как патока. Темная, как и энергия моего мужчины. И он так же, как и Аларик, привык брать свое.

И отдавать долги.

Вот только мой принц предпочитал кофе с медом, а вождь орков — чай с шиповником и корицей.

Во время десерта, нарушая плавный, будто течение осенней реки, разговор, Хаиш сказал:

— Илиас, правитель северной стороны. Я знаю, чего ты боишься. Хочешь, я помогу тебе избавиться от этого страха?

Король поднимает голову и пристально смотрит на орка.

— Откуда ты можешь знать это?

Илиаса, кажется, ничуть не трогает предмет разговора. Длинные бледные пальцы на подлокотнике кресла совершенно неподвижны.

— Разрыв-траве, чьи семена отравляют тебя, свойственно расти на камнях. Камень зовет ее. Прости, я знаю, это причиняет тебе боль.

Хаиш снял браслет, отломил камень так легко, будто это был кусок мягкого хлеба, и положил его на кремовый лен скатерти у руки короля.

— Женщина твоего сына — целительница. Она сможет помочь.

В тишине, густой настолько, что ее резать можно ножом, как рисовый пудинг, орк поворачивается ко мне.

— Разрыв-трава живет под ребрами. Через разрез она уйдет в камень.

Ложь — или правда, обращаюсь я мысленно к супругу.

Правда, отвечает он.

Анна прячет улыбку в бокале с охлажденным белым вином, легким, сладким, а Ее Величество и Его Величество смотрят друг на друга, и вино этой связи багряное, горькое.

Думаю, Хаиш имел в виду, что страх короля — жестокая боль от побегов, разрывающих его плоть. Но мне кажется, что гораздо более его страшит разлука с супругой и сыном.

Илиас улыбается и говорит медленно:

— Что же, возможно, помощь Лидии освободит меня.

После обеда, когда принц итилири намеревался идти в кузницу, Камео попросил его о разговоре, видя, что тот очень задумчив. Аларик молча кивнул, соглашаясь, и мужчины направились в обманный сад, где растения не знают ни истинного тепла, ни истинного холода.

— Ты проведешь эту ночь с ней?

— Как и все последующие ночи до конца своей жизни, надеюсь. И помни, Камео, ты говоришь о моей женщине.

Жрец поворачивается и смотрит на своего принца.

Аларик сидит на мраморной скамье и курит, а лицо его исчерчено тенями от ветвей дикого шиповника. В его сигаретах — не только табак, но и прах мертвецов. Врагов, разумеется. Это успокаивает Его Высочество.

В зимнем саду прохладно и тихо. Спокойно.

Камео после рассказа своего принца тоже чувствует себя... застывшим. Наверное, не стоило просить его рассказывать.

— Ты ведь не считаешь, что я должен все это похерить своими руками после того, как ждал так долго? — спрашивает Аларик. Он выдыхает, и белый дым растворяется в воздухе.

— Не считаю, — тихо говорит жрец. — Но почему ты не пресек то, что происходило в розарии?

Принц улыбается и качает головой.

— Потому что в этом случае я не узнал бы правду. Моя лапушка сказала бы мне — я собиралась оттолкнуть эту суку. Конечно. Но меня убивало бы каждый последующий день осознание того, что возможно — не оттолкнула бы. Нет возможности ведь знать каждую ее мысль. Я должен был увидеть, какой выбор сделает Лидия. Способна ли она расставлять приоритеты.

— Надо признать, — жрец тихо смеется, — она сделала единственно верный выбор.

Аларик улыбается. Отворачиваясь, вновь выдыхает мертвый сладкий дым.

— Да. Моя девочка — умница.

Камео поднимается со скамьи и становится перед своим принцем, глядя в его лицо.

— Я подчиняюсь вашему мнению, Ваше Высочество. Я смотрю вашими глазами.

После обеда Аларик отлучился ненадолго по своим крайне важным государственным делам, а я поднялась в наши комнаты — побыть в одиночестве и поразмыслить над иными, не менее важными вещами.

Например, о здоровье Его Величества. Аларик сказал, что догадки орка — правда. Но как разрыв-трава отравила Илиаса? Где это произошло?

Когда супруг вернется, решила я, расспрошу его обо всем.

Но случилось так, что ждать мне не пришлось — король рассказал мне обо всем сам.

Его Величество сидит напротив меня, в кресле. Его неестественно ровная, плавная манера говорить несколько пугает меня, но он говорит — и отчего-то я хочу слушать.

Не только смерть возлюбленной сводила меня с ума болью, медленно говорит король. Медленно он меняет положение тела — теперь щиколотка правой ноги касается колена левой, — и я смотрю на узкие, обитые металлом носы его сапог.

Это произошло в мире веров, в тот самый день, когда убили Мирабеллу. Я видел, как летят в мое лицо семена разрыв-травы, говорит Илиас, но уклониться не смог. Хер его знает, почему, задумчиво добавляет король.

А я вот я, кажется, догадываюсь. Некоторые вещи предопределены, как считает мой супруг.

Разрыв-трава отравляет мое тело. Отравляет слабостью, говорит король.

Несколько мгновений молчания.

Сумасшествием, добавляет Его Величество, решив, по всей видимости, быть предельно откровенным. Именно поэтому я убил всех тех, чьи жизни послужили выкупом на жизнь моей женщины.

Король смотрит в мои глаза и неожиданно мягко и искренне улыбается.

Впрочем, если бы я был здоров, различие состояло бы лишь в степени мучительности этих смертей, говорит Илиас.

Каково это — знать, что над тобой висит меч, но не знать, когда он отрубит твою голову? Я не спрашиваю, что помогает Илиасу преодолевать это — ибо знаю ответ.

Как знаю и мнение матушки о весе слов орка. Я попросила ее помощи, дабы установить истину, и она слышала его голос в моих мыслях, и чаши весов говорят — он не лжет.

Я не желаю, чтобы король ждал избавления еще хоть сколько-нибудь. Он же не хочет, чтобы я пускала по его венам наркотический холод. К боли ему не привыкать, а подобные моменты нужно ощущать во всей их полноте.

Теперь, когда король открыт, я вижу это — плотность нитей воздуха очень нестабильна. Что же, пора исправить это.

Белые стены лазарета. Тишина, пропахшая сухими травами. Остроконечный скальпель с изысканной жестокостью чертит узкую глубокую рану ниже ребер короля, слева. Я кладу камень возле пореза — и Илиас, ничем до того не выдавший своих ощущений, бледнеет. Но не просит прекратить.

Королева сидит на кушетке в углу операционной, выпрямившись болезненно-безупречно, и молча кусает губы до крови. Но я уверена, что своих ран она не замечает.

Кровь же Илиаса жжет мне руки, будто ледяная вода, даже сквозь специальные перчатки. С током этой крови, будто спящие чудовища из глубины — не разбудить бы — поднимаются черные семена. Притянутые силой камня, они исчезают в невидимых почти трещинах.

Мирабелла опирается на стену и закрывает глаза. Я вижу, как она улыбается.

— Все, — тихо говорит Его Величество.

Ни единого не осталось.

Стежок. Еще один. И еще. Я накладываю повязку, и выдыхаю наконец.

Когда все закончено, Илиас подносит к губам мою руку. Мирабелла же, не говоря ни слова, крепко сжимает меня в объятиях.

Камень будет находиться в надежном хранилище. Как напоминание о том, что могут двое влюбленных вместе.

Когда Аларик возвратился, я сидела на кровати, закрыв глаза и пытаюсь успокоиться. Я чувствовала, будто кровь короля вновь касается моей кожи сквозь перчатки, чей материал белый, как молоко.

Мой супруг садится на пол возле меня, скрестив ноги, и я рассказываю ему о самой сложной операции, которую когда-либо проводила. Судя по реакции моего принца, это откровение для него. Насколько я могу понять, родители закрыли произошедшее в своих мыслях, дабы не волновать Аларика, пока не станет очевидным результат.

Мой принц смеется. Действительно забавно. Он ушел, дабы в одиночестве предаться сыновней печали, а когда вернулся в замок — оказалось, что для печали уже и нет оснований.

Он глубоко вздыхает. Поворачивается и кладет голову на мои колени, а я глажу его волосы.

Облекать чувства в слова — не самая сильная черта моего мужчины. Но что касается щедрости, с которой он делится своим теплом, своей силой — тут равных ему нет.

Неожиданно Аларик поднимается на ноги плавным, текучим движением. На губах его змеится совершенно сумасшедшая улыбка, и он смотрит, не мигая. А затем — бросается на меня, прижимая спиной к прохладному льну простыней, и покрывает мое лицо поцелуями. Мне остается лишь наслаждаться.

— Я читаю в твоём сердце, что ты не откажешься от Лидии и не нарушишь клятв.

Королева внимательно смотрит на своего сына.

Аларик улыбается матери, мягко и спокойно, и красноречиво касается серебряной змеи, что обвила третий палец его левой руки.

— Нет, я не смогу нарушить эти клятвы.

Ее Величество молчит, готовая слушать. Руки скрещены на груди, и темно-изумрудный бархат платья оттеняет белизну запястий.

— Я действительно... полюбил эту женщину. Еще когда наблюдал за ее жизнью до меня. Я хотел стать частью этой жизни.

— Я рада, что дом, который ты строил для вас, не будет пустовать.

Одна рука королевы коснулась плеча сына, а другой рукой она осторожно поправила одеяло супруга. Аларик опустил голову и поцеловал пальцы матушки, а король нежно коснулся волос своей супруги.

— Мне тоже нравится эта девочка, — Илиас удобнее устроился на своей кровати. Не совсем, конечно, привычно ему было спать в лазарете, но это такие мелочи. — И не нравится то, что я желал использовать ее. Так все замечательно совпало: та, которую ты спас, направляемый волей Ветра, оказалась сильной целительницей, способной вылечить меня — и в результате, она сделала это. И она сделала счастливым тебя. В благодарность, я принял бы ее любой. Просто Гранатовому дому повезло, что она достойна и сильна.

Аларик коснулся руки отца.

— Любопытные иной раз случаются повороты на жизненных дорогах. Кто знал, что именно орки, которые были всегда нашими врагами, приблизят момент твоего избавления.

Но ведь это не все, что хотел сказать, сын наш?

Король и королева переглянулись обеспокоенно.

— Что-то не так? — спросила Мирабелла.

Аларик, глубоко вздохнув, стал мерить медленными шагами палату.

— Никто не должен знать о корыстных мотивах. Никто. Если Лидия узнает об этом, она не поверит больше в мою любовь. А я не смогу быть без нее.

Принц повернулся к родителям и вытер устало лоб ладонью.

— Простите. Если это случится, виноват буду я сам. Дьяр знает.

Слыша голос друга, Аларик легко мог бы представить, как Дьяр улыбается.

— Разумеется, нет.

Принц смотрит на темно-синие камни-передатчики коммуникатора. Опирается о стену приемного покоя в лазарете и закрывает глаза.

— Просто ты ведь знаешь, что все это для меня значит, правда? Если расскажешь Лидии — этим ты убьешь меня. А после я убью тебя. Не сомневайся.

Светлый и не сомневается. Ничуть.

Голос Аларика спокойный, тихий. Будто течение реки, которое скрывает острые жестокие камни.

— От меня она ничего не узнает, — серьезно говорит Дьяр. Он смотрит на свою металлическую руку, скрытую бархатом перчатки. Берет со стола стакан темного имбирного эля и делает глоток. — Даю тебе слово. Похоже, ты счастлив. Она счастлива. Зачем мне вмешиваться?

Верно. Все верно.

— Расскажи мне, — вдруг говорит Аларик.

Дьяр не спрашивает о значении этих слов. Между теми, кто проливал кровь вместе, ни к чему глупые вопросы.

— Это Лайолешь. Мы то наговориться не можем, трахаемся ночами напролет, то она холодная, злая. Иногда она почти на грани истерики. И обнимает меня так, будто знает, что скоро я сдохну.

Светлый смеется, и горечи в этом смехе хватит, чтобы отравить не только ту реку голоса дроу, что прячет смертоносные камни — а неисчислимое множество таких рек.

— Как думаешь, действительно скоро? Кажется, это все из-за ее отца. Ублюдок собирает армию, хочет оспорить мою власть. В землях Золотых, родных для Лайолешь, беспокойно, хоть они все еще под моей рукой. И я принесу им покой.

Не ограничивая себя в выборе средств, разумеется.

— Если я буду нужен — только скажи.

— Знаю, — устало отвечает Дьяр. — Благодарен за это. И... Смерть?

— Да? — Аларик подходит к шкафу и берет закрытую бутылку с водой, настоянной на листьях мяты — вкусной, чистой. Вот только жажду прикоснуться к Лидии, убедиться, что она все еще здесь, с ним, не утолит, конечно.

— Я рад, что с твоим отцом все в порядке теперь.

— Я тоже, — едва заметно улыбается принц. — Я тоже.

— Прекрати, пожалуйста, — говорит мягко эльфийка. — Поешь. Из-за того, что ты изводишь себя, моришь голодом, твои мертвые не возвратятся.

Пантера вздрогнула, будто от удара, и бросила полный злобы и отчаяния взгляд на

Риссу. Одно легкое движение тонкой руки — фарфоровая тарелка летит на пол. Прекрасный суп из белых грибов со сливками разливается на темно-зеленом ковре.

Маили любит этот суп. И иной раз даже предпочитает его куску хорошо прожаренного мяса. Но это — непозволительная слабость. Столь же непозволительная, как и прийти к эльфийке вновь.

Волосы Риссы в тусклом свете белых свечей, чей воск смешан с маслом черного ириса, отливают серебром. И пантера знает, что за это серебро она сможет купить немного покоя для себя.

Но не сегодня.

— Ты меня предала. Ты рассказала королевской семье о том, когда нападут веры. Зачем?

Эльфийка положила ложку на стол, идеально ровно подле тарелки. Сняла несуществующую пылинку с рукава своей блузки. На шелке изображены лисы, уютно спящие.

Хитрые, жестокие твари. И Рисса — хитрая, жестокая тварь.

— Зачем? — голос Маили тих, будто она бесконечно устала.

Эльфийка склонила голову к плечу, оценивая расстановку сил — как оценивала стоимость драгоценных металлов и камней на весах.

Конечно, она может сказать правду. Но решает солгать — сама не зная, зачем.

Опять этот глупый вопрос — зачем?

— Успокойся, пожалуйста, еще раз говорю тебе. Моей вины нет в том, что случилось. Веры — прекрасные воины. Но в тот раз итилири были сильнее.

Эльфийка протянула руку и коснулась пальцев своей любовницы.

Четыре пуговицы на манжете блузки Риссы. Четыре родинки на щеке Маили.

— И кто знает, как все сложится в следующий?

Пантера дрожит. Страсть и ненависть забавляются, поедая ее сердце под вишневым соусом боли. Кому достанется последний кусочек?

— Я не хочу тебя больше видеть, — говорит Маили, но пальцы ее все крепче сжимают запястье любимой.

Зеленый взгляд эльфийки темнеет. Странно, но иной раз случается так, что чужие чувства — это горячие, ароматные блинчики, на которых плавится кленовый сироп твоего самоконтроля.

— А хочешь, я сделаю для тебя кольцо, которое достойно обвивать твою шейку? Это будет моя лучшая работа.

Маили резко поднимает голову. Смотрит удивленно и недоверчиво.

— Хочу.

Рисса встает из кресла, украшенного причудливой резьбой в виде острых лосиных рогов. Морщится едва заметно — владельцы этого отеля так склонны к вычурности. Что с них взять, они просто люди.

Подходит к Маили, склоняется над ее лицом и касается мягко губ поцелуем. Пантера глубоко вздыхает — и отвечает на ласку. Тонкий, узкий серп ночного светила сегодня окутан жемчужным маревом, и это верный знак — увидевший его удачлив будет во лжи. Каждому известно. Даже если лгать приходится самой себе.

— Дан подарил мне аквамарин недавно, необыкновенно чистого цвета, — шепчет Маили. — Думаю, он подойдет прекрасно.

— Могу я войти?

Анна говорила со мной сквозь дверь. Думаю, она предпочла бы видеть меня, но стражники очень серьезно относились к безопасности Моего Высочества. Временами я ловила себя на том, что просто забываю об их существовании, но вспоминая то, что произошло во время нападения оборотней, понимаю: на самом деле, обязанности свои они выполняют прекрасно.

— Конечно. Входи.

Дверь открылась. На пороге стояла Анна с подносом в руках.

— Хочешь подкрепиться?

На большом столе, покрытом двойной скатертью — белый и темная бирюза — появляются яства. Две чашки кофе со сладкими сливками, ароматный белый хлеб, сыр с орехами, мед и тонко нарезанная холодная оленина.

— О, прекрасно, — я с благодарностью посмотрела на девушку, — спасибо.

Действительно, только сейчас я почувствовала, что очень голодна. Вполне естественная реакция на волнение, которое я испытала в связи с судьбой короля сегодня. Операция была совершенно несложной, но забрала много моих сил.

— Где Аларик? Почему ты одна?

Анна легко опустилась на стол и взяла льняную салфетку. Улыбнулась мне, и я ответила тем же — искренне. В простой белой футболке с изображением бутона алой розы и брюках из голубой плотной ткани (называемой «джинс»), девушка выглядела очень мило и свежо. Ее общество успокаивало меня, и я была ему рада.

— Он со своим отцом, — осторожно сказала я, беря чашку с кофе.

Анна задумчиво посмотрела на меня и кивнула.

— Ничуть не сомневалась, что ты сможешь помочь королю.

Я оценила ее такт и то, что она не стала просить меня рассказать всю историю. Например, о том, как заболел Илиас. Это тайна Гранатового дома.

— Я счастлива, что у меня получилось. Семья Астис стала родной для меня. Кстати сказать, о делах семейных, — я взяла пару кусочков мяса для себя, — у тебя все благополучно?

— Очень скучаю по сыну, — сказала с горечью Анна.

— А с кем он сейчас, пока вы гостите в Феантари? — поинтересовалась я мягко.

— Он под защитой брата Хаиша. И кормилица присматривает за ним.

Тон голоса ясно выдавал недовольство девушки. И я прекрасно понимала эти чувства.

— Кормилица? — я удивленно посмотрела на Анну. — Почему твой сын не пьет твое молоко?

Тем более, что оно столь вкусное, добавила я мысленно.

Анна глубоко вздохнула и опустила глаза.

— Я подумала, что молоко орчанки сделает его сильнее.

Это буквально дара речи меня лишило. Она считает себя... недостойной?

— Ты просто сошла с ума, — спокойно сказала я. — Ты — его мать. А материнское молоко всегда питает дитя особыми силами. Хочешь лишить сына своей заботы?

— Нет. Не хочу, — медленно и мрачно отвечает мне Анна. И я понимаю, что достигла

своей цели: мои слова станут шагом к переменам. Правильным переменам.

— Что-то еще беспокоит тебя? — я придвинула чашку ближе к девушке, привлекая ее внимание к еде.

— Хаиш.

Прелестное лицо Анны стало будто темнее, и кожа ее приобрела оттенок гречишного меда.

— Его мертвые тянут из него силы. Я чувствую это, — тихо сказала Анна. К своей трапезе она и не притронулась.

— Мертвые?

— Да, мертвые, — девушка едва заметно улыбнулась. — Тебе повезло, твой мужчина знает, как с ними управляться. Другим приходится сложнее. Орков, как и представителей других рас, могут преследовать те, кого им довелось убить. А Хаиш — воин.

— Ты права. Хаиш — воин, — сказала я. — Уверена, он справится со всем. Вы вместе справитесь.

— Да, у него есть идея, — вздохнула Анна. — Он намерен провести ритуал прощения. Чтобы эти ублюдки от него, наконец, отвязались.

— Весьма мудро, — кивнула я. — Если будет необходимость, я попробую помочь твоему мужчине. Все же, за Гранатовым домом долг.

Мы с Анной сидим на стульях в углу кухни и наблюдаем за тем, как Хаиш и Аларик готовят угощение для беспокойных мертвецов. Особая мужская магия, не терпящая вмешательства.

Правитель орков выглядит уставшим, и его кожа бледнее, нежели должна быть. Я рада, что Аларик, следуя своему слову, помогает ему в этот важный час. Да, разумеется, можно сказать, что Хаиш виноват сам — ведь он отнимал чужие жизни. И кто-то отнимал жизни сыновей и дочерей его народа. Но свою цену каждый заплатит в любом случае. Сейчас же правильный выбор для орка — защитить свою семью.

Главное блюдо — пшенная каша на молоке с шафраном, рассыпчатая и ароматная. А затем — нечто очень необычное.

Мозги ягненка. Нежное, вкуснейшее блюдо, говорит орк. Особенно, если запечь их с овощами — янтарной тыквой, изумрудной брокколи, например.

Необычный выбор. Анна замечает тихо:

— Это, наверное, чтобы мертвые не тра... в общем, не морочили голову моему зайчику.

Хаиш оборачивается к нам, и я вижу улыбку на его губах.

— Почти. Это чтобы они забрали жизненную силу другого существа вместо моей.

— А как известно, сосредоточие силы — это не только мозг, но и сердце, и печень, — Аларик вытирает руки полотенцем и берет в руки нож.

Печень тушили с черносливом, яблоками и тимьяном. Я вновь замороженно следила за руками своего мужчины, за его лицом. Длинные сильные пальцы испачканы кровью, а на губах — вкус сладкого яблочного сока. Я не преминула испробовать его, когда мой принц подошел ко мне и наклонился, чтобы поцеловать.

Я улыбнулась, видя, как бережно и благоговейно огромный орк обнимает свою женщину. Взаимная поддержка дорогого стоит.

Для приготовления сердца, темно-рубинового, Хаиш выбрал соус со сливами, имбирем и бальзамическим уксусом. И, конечно же — горячий медовый напиток, сдобренный

гвоздикой, корицей и перцем.

Вряд ли мертвецы откажутся от столь аппетитного угощения.

Позаботившись о еде и для себя, мы с Алариком и Хаиш с Анной ушли каждый в свои покои одеваться для похода к морскому берегу.

— Родной, — сказала я, прикасаясь к щеке Аларика, — все хорошо с тобой? Ты будто мгновения прожить не можешь, чтобы ко мне не прикоснуться.

— Это плохо? — мой принц склонил голову и поцеловал меня в шею. — Лидия?

— Да? — прошептала я, не открывая глаз.

— Моя одержимость тобой, моя любовь к тебе — это истина. И так будет всегда.

— Что же, я запомню, — мои пальцы ласкают жесткие черные пряди его волос.

Аларик не желал отпускать меня, и мне было просто чудесно в его руках, но невероятным усилием воли мы все же смогли разорвать объятия и начали одеваться.

Я надела узкие черные брюки, высокие сапожки, темно-бордовый кашемировый джемпер с высоким воротом и такого же цвета шубку из искусственного меха, голову же покрыла платком из тяжелого шелка, завязав концы сзади, над выступающим шейным позвонком. И перчатки, конечно — холод, как и жара, дурно действует на мои руки, а сегодня температура была очень низка.

У Аларика, конечно, понятия о том, что такое холод, а что — жара, несколько иные, но я настояла, чтобы он надел вещи достаточно теплые.

Потому как ветер на берегу пробирает просто до костей. Вода тяжелая, медленная, темная — как и в тот раз, когда мы были здесь впервые с моим принцем. Соленый ветер и небо цвета миндального печенья.

Костер, согласно традиции, горел на ветвях ивы и яблони. Дерево мертвых и дерево живых. Я вижу темно-янтарные блики огня на лицах тех, кто сидит рядом. Интересно, мое собственное выглядит столь же... чужим?

Свой однолезвийный палаш правитель орков кладет на севере, дальше от костра.

И в металле оружия отражаются четыре фигуры. Они смотрят на Хаиша, они пришли, и их шаги по мокрому холодному песку совершенно бесшумны.

Светлый эльф, пугающее совершенство черт которого не портило даже то, что левая сторона его челюсти скалилась жестокой улыбкой — там, где на его лице не было кожи. Безмятежный и совершенно безумный взгляд темно-сапфировых глаз.

Два дракона. Один черноволос, изящный и пугающий, будто хлыст. Ему вспороли живот, видимо, и гибкие лиловые лозы его внутренностей поддерживаемы лишь тонкой кожей его колета. Другой же — почти мальчишка с рыжими волосами, что испачканы алой, будто лепестки роз, кровью — у него проломлен череп. Мальчишка надменный, янтарноглазый.

И дроу. Тот самый, который менялся местами с моим принцем во время драки с Мариусом.

— Примите мои дары.

Правитель орков поднимается во весь рост. Теперь оливковой кожи его обнаженных рук, не скрытых мехом жилета, свет костра будто не касается. Хаиш ставит бронзовые блюда перед мертвецами, у их мертвых ног.

— Я отвечу за то, что сделал. Но не время еще, — серые глаза орка потемнели, в черноту почти, — мне нужна моя жизнь. Мой долг еще не исполнен.

Эльф всего на мгновение переводит взгляд на Анну. Девушка с честью выдержала испытание — не вздрогнула даже, скрыла свой страх за мраморной неподвижностью. Возможно, это и определило благосклонный ответ. Мертвецы садятся на песок и приступают к трапезе. На их пальцах — своя и чужая кровь, родная и чужая земля.

В их движениях — дикий голод и холодная плавность смерти.

Как замороженная, я смотрю на них, и единственной реальностью кажется мой супруг — и его объятия. Единственным, что дарит мне тепло.

Они простили? — спрашиваю мысленно я у супруга.

Возможно.

Едва ощутимое прикосновение губ к моему виску.

Не бойся.

Не боюсь. Ты ведь рядом.

В полной тишине, не нарушаемой даже шорохом волн, мы смотрим на то, как едят пришедшие, и трапезничаем сами. Надо сказать, даже в смерти наши гости не забыли о своем происхождении — несомненно, благородном, — и я вынуждена признать, изысканность манер в сочетании с тем, как выглядели их воплощенные тела, пугала меня так, как мало что в жизни. Линии шрамов, темные, подобно ячменной патоке, изувеченные черты и изящные вилки в испачканных багровым и черным пальцах.

Совершенно естественно, что сами мы не едим почти ничего. Немного хлеба и сыра. Но таков ритуал — мы должны разделить трапезу с мертвыми.

Эльф проводит кончиком темного, узкого языка по обнаженным резцам, там, где на левой нижней стороне его лица не было кожи. Анна, замечая это, едва заметно вздрагивает, и пальцы ее крепче обхватывают запястье Хаиша. На лице светлого я вижу тень улыбки. Наверняка, будучи живым, он ценил хорошую шутку, с печалью подумала я. И явно любил производить впечатление на красивых девушек.

Мой страх растаял, как молочный туман. Я коснулась легко щеки Аларика, показывая, что одобряю то, что он собирается сделать.

Мой принц подходит к самой кромке моря, и соленая, темно-серая, как крылья голубки, вода ластится к его ногам. Я вижу, как он подносит запястье к губам и слышу запах драгоценной меди. Его кровь падает в воду.

Несколько мгновений ничего не происходит, а затем на поверхности появляются большие синие рыбы — те самые, которые, по поверью, способны утолять страдания мертвых.

Когда Аларик возвращается к нам, в его руках четыре рыбы. Эльф, каждый из драконов и итилири получают по одной.

Они пьют холодную кровь, вкушают перламутровую, бледную плоть. Это омерзительное зрелище меня откровенно заморозило. Я подумала было сделать еще плоток чая с чабрецом, но отставила чашку.

Хрупкие рыбьи кости крошатся под подошвой тяжелого сапога темноволосого дракона, когда тот делает несколько шагов вперед. Он говорит что-то, говор у него удивительно мягкий и плавный. А после они уходят. Будто вновь растворяются в металле палаша.

Хоть и укутанные в теплые пледы, мы с Анной дрожим. Хаиш и Аларик переглядываются. Нам больше нечего делать здесь.

— Пора уходить, — говорит орк, привлекая к себе свою женщину.

— Только если я буду рядом.

Аларику, кажется, не по вкусу моя идея отправится в мир людей, дабы развлечься немного. Его настораживает тот факт, что пригласила меня Анна. Я разделяю это беспокойство, потому вовсе не против пойти вместе с супругом.

— Конечно. Мой большой страшный волк защитит меня. Но, говоря откровенно, я не чувствую опасности.

Мой принц весьма скептически посмотрел на меня, но я не обратила на это внимания и накрыла его руку своей, помогая расстегивать пуговицы на джемпере.

— Она утверждает, что человеческие мастера тоже способны создавать различные красивые вещи и готовить вкусную еду. Возможно, мы выберем что-нибудь для убранства нашего дома. Я уверена, Анна рассказала бы тебе об этом сама, но она тебя боится.

— С чего бы это? — усмехнулся Аларик.

— Не будь столь скромным, — я провела кончиками пальцев по его щеке.

— Ты устала, моя драгоценная? — дроу коснулся нежно поцелуем моих век.

Я кивнула. Действительно, замечательно было бы отдохнуть. Сегодня был насыщенный день. И сейчас, когда я утешила уже Анну после жестокого ритуала — мой мужчина утешает меня. Я ведь не просто так пришла в его объятия. Я совершенно беззастенчиво пила его силу, чтобы восстановиться — и как всегда, он это мне позволил.

— Я проверю, как отец себя чувствует, закончу кое-какие дела, и вернусь к тебе, родная. Этот мягкий шепот ничуть не обманул меня.

— Ты не веришь нашим гостям и собираешься предпринять меры безопасности?

Аларик улыбается. Отходит на несколько шагов, снимает джемпер и бросает его кресло.

— Лапушка, Анна меня не интересуется. Мне плевать на то, лжет она или нет. Но меня интересуется твоя жизнь и твоя безопасность. Я не допущу, чтобы тебе что-то угрожало.

— Мне нравится твое серьезное отношение к важным вещам.

Еще одно прикосновение губ к моей ладони — и он уходит. А я переодеваюсь в белую пижаму из шелка, умываюсь, расчесываю волосы и думаю о том, стоит ли мне волноваться об Анне. Оценив ситуацию, я пришла к выводу, что нет. Я доверяю своим ощущениям, а они говорят, что рыжеволосая красавица не желает мне зла. Но, в любом случае, мы с Алариком должны быть готовы к любым поворотам пути.

А когда вернулся мой супруг, он рассказал мне, что в то время, когда мы говорили с мертвыми, с Ее Величеством говорила Рисса, первая из гильдии ювелиров. По ее словам, у князя оборотней имеется в казне аквамарин, который, возможно, и есть тот самый камень с заключенной в нем душой Мириэллы, возлюбленной Северного ветра.

— Я не стану делать этого.

Аларик склоняет голову к плечу и смотрит на Кариззу совершенно спокойно.

— Ты меня всегда просто заебывала своим своеволием.

Тигрица вздрогнула, услышав столь жестокую грубость. Сузила зло глаза.

— О, уверена, своеволие этой девчонки, которая стала твоей женой, доставляет тебе гораздо больше удовольствия.

— Ну разумеется, — дроу кивнул утвердительно. Он оставался серьезен, но в глазах его плясали искорки темного веселья. — Меня согревает любовь, что есть между мною и ней. Меня согревает ее тело по ночам. И то, что все происходит добровольно.

Каризза молча смотрела на принца. Он сидел на каменном полу своей старой спальни. Так близко от нее. Прекрасен, как всегда. Эти черные волосы, распущенные свободно по плечам, так и манят прикоснуться. Этот ублюдок остался ее слабостью и сейчас — после всего, что сотворил с ней. Еще более жестокий, чем всегда. Ведь известно, что истинно жестоким зверь становится лишь обретая то, что он готов защищать.

Тигрица хорошо знает это. Чувствует изменения в запахе мужчины.

— Я говорю — ты подчиняешься. Все просто. И сейчас я говорю тебе, что ты должна посмотреть на этот аквамарин — действительно ли в нем заключена душа Мириэллы. Кроме того, — Аларик усмехнулся, — ты не хочешь разве увидеть еще раз отца?

Отца? Нет. Она с гораздо большим удовольствием будет говорить о брате. Наполях мертвых она видела его тень.

— Зачем ты убил Мариуса? Это ведь ты сделал, верно?

Аларик прислонился спиной к холодной стене. Затем повернулся и посмотрел в глаза тигрицы тем самым равнодушным взглядом, которым смотрел, убивая ее.

— Не то, чтобы моими руками он убит. Но да, я имею к этому отношение. Он оскорбил Лидию.

— Это крайне уважительная причина, — голос Кариззы просто сочился ядом.

— Знаешь, — принц дроу скрестил руки на груди, — мне жаль, что твой отец не прислушался к тебе, к твоим предостережениям. Он мог бы избежать многих ошибок.

Пока мертвая тигрица была в своем мире, Аларик сидел, не шелохнувшись. Он думал о том, что, в некоторой мере, ему следует быть благодарным Кариззе. За то, через что он прошел по ее вине. А иначе — кто знает, смог ли бы он понять когда-нибудь, что любовь нельзя взять силой? До пленения Его Высочество очень мало задумывался о чужих желаниях, и наверняка, наделал бы множество ошибок, после чего Лидия и видеть бы его не захотела.

— Я чувствую темную энергию от этого камня, — сказала Каризза, вернувшись. — Но не могу его взять — сила отца больше моей, и он надежно запечатывает хранилище драгоценностей.

Эта ночь прошла чудесно — я сладко спала, наслаждаясь теплом супруга рядом. Когда я проснулась, Аларика не было уже, и я искренне надеялась, что он отправился за завтраком. Из-за сильных эмоций вчера вечером ужин мы пропустили, а сейчас я успела уже проголодаться.

Приняв ванну, я занялась макияжем и прической. Собрала волосы в высокий пучок, а несколько волнистых прядей у висков оставила свободными. Подвела глаза черным, а на губы нанесла темно-вишневую помаду. Из одежды я предпочла черные узкие брюки и кремовый свитер. Брошь в виде камелии, высокие каблуки — вид меня вполне устроил. Только я собралась выйти из комнаты, чтобы отправиться искать Аларика, как в дверь постучался один из стражников, которые приставлены были к правителю орков и его супруге, и сообщил, что Анна очень хотела бы увидеть Ее Высочество — если на то будет воля Ее Высочества.

Конечно же, я с удовольствием навестила рыжеволосую красавицу. В ее покоях меня ждал очень приятный сюрприз: маленький Лаиль был теперь рядом со своей мамой.

— Это имя означает «защитник». На моем языке оно звучит как Алекс, — улыбаясь, Анна поцеловала сына в щеку.

Образ меня просто очаровал. Насытившись сладким молоком, малыш спал на руках матери. Но, услышав чужой голос, Алекс открыл глаза. Он протягивая руки, чтобы коснуться меня. У мальчишки невероятно трогательные пушистые волосы, и мне очень хочется их погладить, но темно-зеленый взгляд неожиданно внимателен и строг.

— Он так похож на тебя, — я касаюсь нежно рукой головы малыша. — Рисунок губ — особенно.

— Он будет настоящим красавчиком, — Анна просто светится, воркуя со своим сыном. — Кстати, я надеюсь, ты не против того, что Алекс здесь? Хаиш говорил с твоим мужем этой ночью, и принц не против.

Я удивилась. Ночью? Кажется, Аларик спал в нашей кровати всю ночь — со мной. Или я ошибаюсь?

— Анна, я очень рада. У тебя прекрасный сын, и видеть вас вместе — просто удовольствие.

Девушка благодарно улыбнулась мне, и я не смогла не улыбнуться в ответ.

Шторы плотно задернуты. Устроившись уютно в кресле напротив Анны, я наслаждаюсь мягким кремовым сумраком — и тонким запахом ванили.

— Скажи, ты не боишься? — вдруг тихо спрашивает девушка.

— Чего именно? — касаясь пальцами подбородка, спокойно уточнила я.

— Мертвецов. Таких, как мы видели вчера на берегу, — Анна поежилась. — Жутко.

— Нет. Наверное, не боюсь, — задумчиво ответила я. — Во время учебы я видела их немало. Изучала смерть изнутри, как мог бы сказать мой мужчина. На самом деле, я испытываю печаль. Смерть — это другой способ... быть. Существовать. И мертвым несладко, уж поверь.

— Да, — покачала головой Анна. — Я всегда это подозревала.

— А я знаю точно.

Анна тихо засмеялась.

— Даже не сомневаюсь.

Мы выпили по чашке зеленого чая с молоком — Анне очень хотелось кофе, но для ее малыша он был не слишком полезен, — условились о времени, когда отправимся в ее мир за покупками, и я вернулась вновь в наши с супругом комнаты. Аларик уже ждал меня и сразу же подошел, чтобы обнять.

— Родной, чем ты занимался сегодня ночью? — прошептала я ему на ухо.

Мой принц усмехнулся. Коснулся моих рук. И мои ладони легли на его виски.

— Смотри.

Я вижу его воспоминания. Слышу его голос.

Я удивлена. Оказывается, мой мужчина вел разговоры с другой женщиной. С Кариззой, дабы она узнала больше об аквамарине, находящемся у оборотней.

— Ты грубое чудовище.

— Но тебе это нравится.

Я обнимаю Аларика за шею и целую его глаза.

— Разумеется. Если бы ты не был чудовищем, думаю, мне было бы скучно.

— Ваше Величество, мы должны увидеть этот камень. Я приложу все усилия, чтобы Майли мне отдала его.

Или же мы его просто украдем, подумал мой драгоценный супруг, который не стеснялся

в способах достижения целей.

Мы находились в малой мастерской Риссы Шаэн, первой из гильдии ювелиров. Пока принц и мастерица обсуждали ночной визит Кариззы в свой родной мир, я с интересом рассматривала разного рода инструменты. Я хотела пройти между двумя столами, дабы приблизиться к полке на дальней стене, где мерцали темные аметисты, но задела неосторожно столешницу и тихо вскрикнула от неожиданности: что-то поранило мои пальцы. Опустив взгляд, я увидела, что это был инструмент с длинной тонкой ручкой и каплевидной продолговатой головкой, от шершавого напыления на которой я и пострадала.

Встревожившись, Аларик и Рисса сразу же повернулись ко мне.

— Что случилось, родная? — супруг подошел ко мне и взял за руку.

— Просто моя неосторожность, — я улыбнулась. — Ничего страшного.

— Простите, Ваше Высочество. Необходимо было предупредить, что бор и иные инструменты могут быть опасны. Вы не сильно пострадали?

Рисса накрыла столешницу льняным полотном, чтобы я случайно не травмировалась еще больше.

— Не беспокойтесь. Мне самой следовало быть внимательнее.

— О, представляю, что было бы со мной, если бы я оказалась рядом с вашими острыми медицинскими инструментами, — тихо засмеялась мастерица. — Я, бывает иной раз, сама витаю в облаках, и легко могла бы остаться просто без пальцев.

— Ты ведь заметила, какие рисунки были изображены на ее платье? — спросил меня Аларик, когда мы возвращались уже в свои покои.

— Рисунки? Заметила, да. Лисы. — Я застыла. — Лисы. Ты думаешь, это и была та самая опасность?

— В любом случае, лапушка, — обняв меня, сказал принц, — обработай рану тщательно. Вдруг случится заражение.

Разумеется, я последовала совету супруга, и даже использовала хлопковую повязку. А вот король Илиас, по счастью, уже почти восстановился: регенерация дреу сделала свое дело, и после заката уже можно было снимать швы.

Пока же мы отправились вместе с Анной и Хаишем в человеческий мир. Девушка волновалась за своего сына, который остался с кормилицей, но Ее Величество лично пообещала следить за тем, чтобы малыш был благополучен, и я высказала уверенность, что это весомый аргумент в пользу того, чтобы она была спокойна.

— Надеюсь, с Алексом действительно все будет хорошо.

Супруг помог мне надеть перчатку — мы готовились как раз к выходу — и улыбнулся, глядя в мои глаза. Взгляд его... жуткий. Безумный взгляд зверя, который безумие свое контролирует прекрасно.

— Чудесный ребенок. Не волнуйся. Не в моих интересах, чтобы он пострадал. Но, с другой стороны, мне нравится, что сын правителя орков в Феантари. Меньше вероятность, что Хаиш поведет себя... неправильно.

— Аларик, — я коснулась кончиками пальцев губ своего мужчины, и он нежно поцеловал мою руку, — не смей. Слышишь?

— Слышу, моя драгоценная, слышу, — принц обнял меня. — Это просто шутка. Даже хищник не убивает беззащитных детенышей.

— То есть, ты просто пошутил? — удивилась я.

— А как бы хотела ты: чтобы я шутил — или действительно был способен на такое?

Дроу был совершенно серьезен. И он ждал моего ответа.

— Дело не в том, чего хочу я. Дело в том, что является правдой. А правда в том, что, скорее всего, ты способен абсолютно на все.

Но сей факт мне приходится принимать как данность. У меня просто нет выхода: я имела несчастье полюбить именно этого мужчину, и вряд ли уже смогу быть не рядом с ним. А значит, придется подружиться с теми зверями, что сидят в клетках его самоконтроля.

Аларик опускается на одно колено и мягко касается ладонями моего живота.

— Ты совершенство.

— Не стану спорить, — улыбнувшись, я погладила своего мужчину по волосам.

Аларик поднялся во весь рост и поцеловал меня в висок. Я не ответила на его ласку, прислушиваясь к своим ощущениям. Нити энергии моего принца потускнели.

— Ты плохо чувствуешь себя? — я внимательно смотрела в его лицо.

— Не то, чтобы плохо, — Аларик пожал плечами. — Просто ветер будет меняться. Как ты знаешь, чуждый ветер ослабляет.

— Может быть, это сделает тебя спокойнее, — заметила я.

Ответом мне было категорическое:

— И не надейся, лапушка.

Хаиш, знакомый уже с родным городом своей женщины, открыл портал в одном из безлюдных переулков, дабы никто не заметил нашего необычного появления. Морок скрадывал необычные черты внешности наших мужчин — острые уши Аларика, клыки и оливковую кожу орка — потому я не волновалась, что кто-то из людей обратит на нас особое внимание. Но учитывая, насколько хорош мой супруг был в рубашке в синюю клетку, узких брюках и кожаной куртке, я понимала, что подобная вероятность есть. Да и Хаиш, как я поняла по взглядам девушек, бросаемых на него, был весьма для них привлекателен.

Этот город понравился мне еще тогда, когда я посетила его в первый раз. Сейчас же я с удовольствием воспользовалась случаем познакомиться с ним поближе. Строгая красота зданий и замершие на их крышах статуи в виде причудливых химер и людей, поглощенных думами о чем-то очень важном. Белые и багровые хризантемы. Молочный туман и горький

запах костров. В этом городе много серого, и это мне тоже по нраву — я люблю этот цвет во всех его оттенках.

Я иду медленно, касаюсь мокрых от прошедшего недавно дождя каменных стен, и пытаюсь почувствовать нити энергий. Магии в этом мире немного, но меня удивляют ее переплетения: есть и созидание, и разрушение. Способности многих людей довольно сильны, но способности эти... спят. Например, взять этого мальчишку лет десяти, с кудрявыми рыжими волосами, синеглазого. Он заходит со своей матерью в парадную дома — глухо стукнула тяжелая дверь — и не знает, что у него есть дар защищать от дурных воздействий. Надеюсь, от откроет свои способности, когда станет старше.

Кроме того, людские мастера приятно поразили меня своим искусством. Мы посетили несколько небольших, уютных магазинов (общение происходило без проблем благодаря амулету понимания, и человеческие девушки не замечали даже, что говорим мы не на их языке), и я не смогла удержаться от покупок. Розовая шелковая блузка с черными птицами. Кольцо из серебра в виде обернувшейся вокруг пальца рыбки, и еще одно — с крыльями. А сервиз из белоснежного фарфора, с изображенными на нем черепами и костями грудной клетки, очень понравился моему супругу. Более того, Аларик сам выбрал для меня аромат — весьма, надо сказать, необычный и чувственный, с нотами мускуса, жасмина, миндаля, перца и белого меда. С Анной же мы надолго задержались у прилавков с косметикой, пробуя различные оттенки помад, теней, подводок для глаз и прочего красивого богатства. Особенно мне понравилась особая мерцающая пудра для щек, благодаря которой форма лица становилась более изящной. И, как оказалось, полупрозрачная помада кофейного оттенка мне весьма идет.

Кстати сказать, то, что у Анны прекрасный вкус, сюрпризом для меня не стало. Она выбрала узкую юбку из кожи темно-синего цвета и открытые туфли из бархата того же оттенка — их необходимо было носить с плотными колготами. Я впечатлилась и приобрела себе такую же пару, но предпочла лиловый цвет.

Когда же мы принялись примерять топы, весьма открытые, корсетного типа (мой выбор пал на сочетание кремового и черного), наши мужчины в стороне остаться не смогли.

— А в примерочных можно заниматься любовью? — судя по тону, вопрос этот Аларика весьма волновал.

— Нет. Этот мир так несовершенен, — орк, кажется, был искренне огорчен.

— Но ведь ты можешь зайти посмотреть, — тихо сказала я. Но конечно, моему мужчине этого было достаточно.

Одним созерцанием дело не ограничилось — ни у нас, ни у Хаиша с Анной. Аларик счел своим долгом расцеловать мои обнаженные плечи, ключицы, запястья — вдруг я замерзла?

Все этим действительно не закончилось бы, должна признаться, но работники магазина мягко намекнули нам, что предаваться нежности в их заведении действительно запрещено.

— Очень жаль, — невозмутимо сказал Аларик, закрывая раскрасневшуюся меня собой и поправляя свою рубашку.

Сохраняя серьезность, мы заплатили за покупки и вышли из магазина, и за дверями уж дали волю смеху, вспоминая удивленные глаза продавцов. Ох и в ситуацию мы попали!

— Посмотрите, какие прекрасные украшения.

Идя по торговому центру, Анна заметила еще один интересный магазин, и мы зашли туда.

— Мне идет?

Я смотрела на выбранную ею подвеску: прекрасно сделанная фигурка лисы с янтарными глазами.

— Несомненно, — улыбнулась я.

Вновь этот знак. Лиса. Я была уверена, что все это не простое совпадение. Возможно опасность действительно рядом?

Здесь — вряд ли. Мои воины наблюдают.

Да, я обратила внимание на серые и темно-багровые линии магии твоего народа.

Аларик, желая развлечь меня, приобрел в салоне флористики прелестный букет: с черными каллами, орхидеями и коробочками лотоса, украшенный фиолетовыми кристаллами. Конечно, это подняло мне настроение, как и вкусный обед — мы все же попробовали суши — но тревога не ушла.

Когда мы вернулись домой, я хотела связаться с родителями, дабы рассказать обо всем и посоветоваться. Но так случилось, что леди Сиенна вышла на связь первой, и в первый раз в жизни разговор с матушкой принес мне не успокоение, а горечь и смятение.

— Сегодня мы подзаряжали амулеты защиты, ведь первый день новой Луны, — я легко могла представить, как леди Сиенна закрыла устало глаза, — и изображение той чернобурой лисицы, что изображена на шкафу, треснуло. Сущность показала мне, что нам лгали. Королевская семья дроу лгала. — В голосе матушки зазвучал металл. — У них был сильный талисман из лисьих зубов, который и позволил нас обмануть. Не знаю, как они получили его, для этого надо ведь обладать властью над духом животного.

Я почувствовала, что вдруг не хватает воздуха, и тяжело дышать. Сложно говорить, но леди Сиенна услышала мой невысказанный вопрос.

— Они желали, чтобы ты излечила короля. Больше ничего.

Больше книг на сайте — Knigolub.net